

КАЖДАЯ ВЕЛИКАЯ ИСТОРИЯ
НАЧИНАЕТСЯ СО ЛЖИ...

The background of the cover is a detailed illustration. In the foreground, a person with dark, wind-blown hair is seen from behind, wearing a long red robe with a matching cape. They are carrying a large, thick book tied with a strap over their shoulder. They stand on a dark, rocky ledge, looking out over a vast, mountainous landscape. In the distance, a city with several large, colorful domes (blue, red, and gold) and spires is built on a high plateau. The sky is a dramatic mix of orange, yellow, and purple, suggesting a sunset or sunrise. The overall style is painterly and atmospheric.

ПЕРВАЯ ФОРМУЛА

Р. Р. В И Р Д И

FANZON

Fanzon. Fantasy World. Лучшая современная фэнтези

Р. Р. Вирди

Первая формула

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Вирди Р. Р.

Первая формула / Р. Р. Вирди — «Эксмо», 2022 — (Fanzon. Fantasy World. Лучшая современная фэнтези)

ISBN 978-5-04-198690-2

Перед вами эпическая сага о таинственном сказителе, который сплетает ложь и магию в историю, ставшей легендой. «Все легенды рождаются из истины. И полны лжи. Данная легенда моя. Вы можете судить меня по ней как хотите. Но сначала послушайте мою историю. Я похоронил деревню Амपुर под горой льда и снега. Потом убил их бога. Я освоил древнюю магию и был проклят за это. Я развязал войну с теми, кто существовал до появления людей, и потерял принцессу, которую любил и хотел спасти. Я вызыватель молний и связующий огонь. Я — легенда. И я — чудовище. Меня зовут Ари. И это рассказ о том, как я выпустил на свободу первородное зло». Так начинается история сказителя и певицы, которые находятся в бегах и случайно сталкиваются в придорожной таверне. Но старые грехи не забыты, враги не хотят терять след. Прежняя жизнь стремительно настигает их, и, возможно, платить за это придется всему миру. Никто не может избежать своего прошлого, а все истории должны иметь свой финал. «История создана с терпением, страстью и, самое главное, огромной любовью». — Джим Батчер «Если вы любите “Имя ветра” и “Хитрости Локка Ламоры”, то этот роман станет вашей следующей читательской зависимостью». — Дирк Эштон «Эпос, подобного которому нет, — грандиозный, размашистый, драматичный. Любовное письмо к фэнтези, пылающее страстью, жаром и мифологией Южной Азии. Читается как волшебство, а на вкус — как шафран». — Юдханджая Виджератне «Эпическое фэнтези в своем лучшем проявлении — дань уважения сказкам и легендам, великолепно изложенным и бесконечно увлекательным». — Андрея Стюарт «Богатое построение мира, обилие событий и хитроумных сюжетных поворотов. Очень рекомендую!» — Джонатан Мэйберри «Прекрасная, радостная и болезненная — всегда увлекательная и иногда проникновенная. Эта книга заставила меня вспомнить, почему я люблю эпическое фэнтези». — Кевин Дж. Андерсон «Это эпическое фэнтези, к которому нужно подойти

с терпением, и тогда оно удовлетворит любого поклонника жанра». — Kirkus Reviews

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-198690-2

© Вирди Р. Р., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

1	7
2	17
3	23
4	32
5	43
6	52
7	60
8	68
9	77
10	80
11	89
12	99
13	104
14	109
15	117
16	124
17	131
18	137
19	144
20	147
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Р. Р. Вирди

Первая формула

R. R. Virdi

THE FIRST BINDING

Copyright © 2022 by Ranbir Virdi

Опубликовано с разрешения автора и его литературных агентов JABberwocky Literary Agency (США)

Fanzon Publishers

An imprint of Eksmo Publishing House

Иллюстрация и дизайн *Елены Куликовой*

Карты *7Narwen*

© В. Тулаев, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

*Посвящается тем,
кто храбро нес в руке обнаженное сердце,
но, обессилив, уронил его
слишком рано...*

Джиму Батчеру

За спасение моей жизни в давнюю ночь, что могла стать для меня последней. Ты знаешь что сделал и зачем, и почему тот поступок так много значил. За слова о том, что в один прекрасный день я займу место подле тебя: буду подписывать книги, участвовать в номинациях на различные премии, присутствовать в антологиях и сидеть рядом на круглых столах. Многие из твоих предсказаний сбылись, сбудутся и другие. А еще ты посоветовал мне когда-нибудь написать книгу, к которой лежит душа, – эту самую книгу. Говорил, что, если буду работать как должно мои произведения обязательно станут успешными. Так и случилось.

Спасибо тебе.

1

Разговор в тишине

Я вошел в таверну в поисках важнейшей вещи в мире. В поисках истории. И попал в самую опасную из них, какую и представить себе невозможно.

Таверна «Три сказания» походила на худшую в мире темницу.

Пустота.

Тишина.

И то и другое рано или поздно заканчивается.

Безмолвие звенело, словно туго натянутый канат, что вот-вот лопнет. Представьте, несколько человек разом затаили дыхание, ожидая, кто первым подаст голос. Несколько человек, готовых вцепиться когтями в того, кто промолвит слово. Подобная тишина возникает в компании мужчин, слишком уставших для того, чтобы начать разговор, и не желающих слушать собеседника. Так затихает зрительный зал перед началом пьесы.

Идеальная для меня сцена. Я знал, как заставить публику очнуться от сна с открытыми глазами, как ее заинтересовать. Однако же каждому хорошему представлению требуется подпитка. Мне, например, нужен крепкий чай.

Смазанные маслом, тщательно начищенные полы; изъеденные временем, хотя и прочные, деревянные балки... Мое внимание привлекла мутная поверхность единственного в таверне зеркала, мерцающего размытым миражом за спиной трактирщика.

Я подошел к стойке.

Хозяин таверны посмотрел на меня поверх кромки стакана, который натирал заученными механическими движениями. Окинул его взглядом и я. Нестарый еще, средних лет человек, хотя в редющих на макушке волосах куда больше седины, чем положено мужчине его возраста. Мягкий выпирающий живот, который еще сильнее подчеркивает туго натянутая на теле коричневая рубаха. Грудь объемом с пивную бочку. Под глазами залегли тяжелые складки – то ли много бывает на солнце, то ли слишком часто улыбается. Правда, сейчас ни тени улыбки на его лице я не заметил.

Я молча разглядывал трактирщика, добавив в царившее в таверне безмолвие и свою лепту. Воздух в зале сгустился: казалось, его можно пощупать руками. Немолодые посетители в дальнем углу уставились на меня с неподдельным любопытством. Похоже, у этих ребят свободного времени хоть отбавляй. То, что нужно.

Знаю, как заинтересовать публику: исподволь подогреваешь в ней ожидание – словно потихоньку подкладываешь дровишек в тлеющий очаг – и дело в шляпе.

Слой за слоем.

Я добавил напряжения, вытащив дорожный дневник из висящей за спиной связки. Развернул, извлек из него лист бумаги. Достать перо из складок плаща – вроде бы проще простого, однако я не преминул сделать при этом замысловатый финт кистями. Тем, кто не слишком искушен в искусстве ловкости рук, могло показаться, что вещица выпрыгнула сама.

Театральные жесты и зрелищность представления всегда производят неизгладимое впечатление на публику. Взгляды посетителей привлек длинный футляр, который я неторопливо положил рядом с собой.

В глазах завсегдатаев уже светилось откровенное любопытство.

В мою ладонь привычно и удобно лег тонкий кусочек рога с серебряной инкрустацией. Внутри – полость с чернилами. Я медленно и плавно начал водить пером по бумаге.

Трактирщик поглядывал на меня с тщательно замаскированным интересом, и его молчание еще больше уплотнило повисшую в зале тишину. Он походил вдоль стойки и, словно невзначай, встал против меня. Вроде как нашел подходящее место, куда поставить начищенный до блеска стакан.

На обман я не поддался и тут же запустил к нему по стойке лист бумаги. Улыбнувшись, замер в ожидании.

Трактирщик покосился на мою записку, моргнул и уставился на троицу в углу. Безмолвие сгустилось еще; наконец толстяк поднял бумажку, зажав ее между большим и указательным пальцами. Ну и глаза у него... Цвета опустившегося над рекой утреннего тумана – тускло-серые, а за скучной серостью – слабый намек на выцветшую со временем голубизну. Он вчитался в мои письма, и его зрачки затвердели, стали похожи на холодный сланец. Возможно, моя странная просьба покорила трактирщика, однако его лицо не изменилось ни на йоту.

Толстяк снял с латунного крючка над головой деревянную кружку и повернул краник бочонка, откуда потекла жидкость цвета сырой земли. Перекрыв клапан, плюхнул кружку на стойку и застыл, словно каменное изваяние. Ему, как и всем остальным, хотелось знать – что будет дальше?

Подтянув кружку к себе, я заставил публику подождать. Одно дело – попросить напиток, и совсем другое – заказать его, не промолвив ни слова. Об оплате, к удивлению собравшихся, даже речи не зашло. Я знал, что делал.

Тишина в зале взорвалась скрипом отодвигаемых посетителями стульев.

Я направил взгляд на источник шума, даже не повернув головы. К стойке шагала дружная троица. Итак, что же налил мне трактирщик? Ему было сказано – чай, а в кружке плескался эль.

Я промолчал. Всегда чувствую, когда меня испытывают. И знаю, как себя в этом случае вести. Большинство владельцев таверн не слишком охотно обслуживают ершистых лицедеев: получишь от них монету-другую, а хлопот не оберешься. Я сбросил капюшон и поднес кружку ко рту.

В прозрачном и терпком напитке явственно ощущался привкус корицы, кардамона и ясенника, еще присутствовали легкие нотки аниса. Пришлось сдержаться, чтобы не облизать губы. Я подавил удивленный вздох.

Безмолвие.

Я выстраивал его слой за слоем до тех пор, пока не услышал, как взволнованно стучат сердца посетителей. У всех четверых, включая трактирщика, в глазах плескался немой вопрос: кто этот незнакомец в красном плаще с капюшоном? Что он скрывает в длинном футляре, лежащем на соседнем табурете?

Сделав еще глоток, я терпеливо ждал, кто первым вымолвит слово, кто разобьет стекло тишины, повисшей здесь еще до моего прихода?

Хозяин заведения молча навис надо мной, явно рассчитывая на звонкую монету за поданный напиток.

Что ж, оплату он получит, и не только в деньгах.

Один из троицы пробормотал:

– Его плащ... Он шевелится сам по себе...

А как он думал?

Ткань безмолвия распалась окончательно.

Второй завсегда, мужчина преклонных лет, откинул с глаз прядь седых волос.

– Клянусь, чертова штука секунду назад кровоточила!

И это верно.

Пусть пошушукуются. Я отставил свой посох, и шепот стал громче:

– Пришел молча, сидит словно немой. Посох, капюшон, связка книг...

Ну да.

– Я слышал об одном таком. Говорят, он таит свои речи внутри, будто тлеющий уголь. А начнет говорить – все слушают, точно заколдованные. От его сказаний не оторвешься. Сказитель, вот он кто!

Я развернулся и, схватив посох, ударил в деревянную половицу. Таверну потряс раскат грома, сквозь который раздался мой голос:

– Это тоже правда!

Вновь вернулось безмолвие, и я властно его удержал. Теперь мне решать, когда его нарушить.

Один из посетителей, мужчина в темных бриджах и рубаше в тон, смущенно заерзал, зашаркал по полу носком ботинка. Куртка его видывала лучшие времена – из швов торчали нитки, манжеты обтрепались, дорожная пыль въелась в тусклую серую материю. Да и сам он был словно вырезан из полежавшего под дождями и снегами полена: лицо сморщенное и потускневшее, будто старая кожа. Мужчина не мог найти себе места от нетерпения.

– Верно, перед вами сказитель! Я забавлял дюка Тарвинтера своими историями о храбрецах и героях. Я собрал тайны со всего мира, нашел забытые сказания и великие легенды, и сегодня... Сегодня я готов поделиться с вами своим знанием. Но... каждому сказителю требуется внимающая ему публика. Ищите желающих, если хотите услышать то, что не забудете никогда.

Я поклонился, картинно разведя руками в стороны, и троица, несмотря на преклонный возраст, стремглав бросилась к выходу.

Обернувшись к трактирщику, я улыбнулся, сделал еще глоток эля и на этот раз удовлетворенно вздохнул:

– Очень неплохо!

Ткнув большим пальцем в сторону двери, осведомился:

– Так вот почему ты меня угостил бесплатно? Как считаешь, сколько народу удастся собрать к вечеру?

– Людишки в Карчетте изголодались по новостям, – положив руки на стойку, ответил толстяк. – Вечером здесь будет не протолкнуться. – В его глазах сверкнул огонек. – Клиентам что нужно? Потратить свои денежки на развлечения. Надеюсь, ты оправдаешь свою репутацию.

– Иначе и быть не может, – заявил я, снова подняв кружку.

– Говоришь как та женщина, – фыркнул трактирщик.

Я приподнял бровь, ожидая пояснений, и собеседник метнул взгляд в сторону лестницы на второй этаж.

– Ты с ней наверняка еще встретишься. Вот у кого рот не закрывается. Не пойму, почему до сих пор не выкинул ее отсюда.

Хозяин заведения схватил тряпку и, не сводя с меня глаз, начал лениво протирать пятно на стойке.

На пустой зал вновь напознала тишина, но теперь она была мне без надобности.

– Значит, люди жаждут новостей? А каких именно? Народец, как посмотрю, здесь мрачноватый.

– Ты что же, ничего не знаешь? – нахмурился трактирщик, отложив тряпку и рассматривая пятно на стойке.

Редко бывает, что я не в курсе событий, однако, похоже, сегодня выдался именно такой денек. Местные сплетни занимали меня мало; интересно, что тут происходит на самом деле.

Я покачал головой, и толстяк вздохнул:

– В моей таверне давненько не звучали сказания, и тому есть причина. В Этайнии много чего творится. Больше цикла назад убили принца-избранника.

Я быстро произвел в уме подсчеты, вспомнив, сколько дней считается здесь циклом. Четырнадцать... Два цикла – местный месяц. В странах вдоль Золотого Пути в циклах разное

количество дней, и к единой системе до сих пор не пришли. Между некоторыми государствами имелись политические разногласия, и пересечь границу между ними было практически невозможно. Я махнул трактирщику рукой. *Продолжай...*

– Его младший брат, инфант, занял на троне место убитого, но выборы проведут снова. Другие принцы из царствующего семейства воспользовались смертью избранника и обратились к церкви с просьбой изменить порядок. Семь младших принцев сражаются между собой, и народ беспокоится. Что будет? А будет то же самое. Все равно нам представят принца-избранника, все равно он станет королем, и люди вздохнут спокойно. Надеюсь, тогда снова появятся сказания. Хотя никогда не знаешь, что предпримет человек, севший на трон. Парочка принцев уже потирает руки: как бы ввязаться в одну из разгорающихся в нашем мире войн.

Толстяк помолчал, вновь занявшись неподдающимся пятном.

– Впрочем, если спросишь меня – хотя мое мнение никого не интересует, – я скажу, что нам следует держаться подальше от заварушек в других странах. Инфанты думают иначе. Кто-то из них спит и видит, что, став королем, заставит нас сунуть нос в какое-нибудь пекло. Попомни мои слова, сказитель.

Избранник убит...

От следующего вопроса следовало воздержаться, однако сказитель и слухи – понятия неразделимые.

– Как думаешь, кто убийца?

Я запрокинул кружку, наблюдая поверх ее ободка за лицом собеседника. Тот, однако, владел собой куда лучше, чем я ожидал. Разве что слегка напрягся и выпрямился, словно кол проглотил.

– Не знаю. Я не самый умный человек на свете, но согласен с местными. Лучше об этом не думать, не то что указывать на кого-то пальцем.

Пора сменить тему. Если в Карчетте так беспокоятся насчет выборов, то болтать об этом – лишь врагов наживать. Мне нужно было понравиться местной публике, более того – она должна меня полюбить. Я ведь хочу получить бесплатную пищу и кров, который будет отличаться от хлева? Скажу что-то невпопад об одном из принцев Этайнии – в хлеву и окажусь.

Как угадаешь, кого твой собеседник держит за фаворита?

– А другого рода истории? Сюда не заносили чего-нибудь достойного внимания? – спросил я, упершись локтями в стойку.

– Твоего внимания? – хмыкнул трактирщик. – Говорят, ты парень придиричивый.

– Так и есть, – улыбнулся я. – Мне ведь известны почти все сказания, что ходят в нашем мире, причем некоторые легенды не обошлись без моего участия.

И в части из них мне выпала роль едва ли не главного персонажа, о чем я нередко сожалею.

– До сих пор ищу нечто особенное – сказание сказаний, историю, которой требуется настоящий сказитель, – продолжил я.

Глаза трактирщика затуманились, губы зашевелились, беззвучно повторяя мои слова.

– Эх тебя несет...

– Бывает. Особенность ремесла.

– Слышал, слышал, – снова фыркнул толстяк и примолк, разглядывая пятно.

Стойка была деревянной, цвета пропитанного медом песчаника, однако местечко, которое трактирщик упорно натирал, блестеть отказывалось наотрез. Он подышал на стойку и начал тереть еще усерднее и все же результата не добился, раздраженно вздохнул и отшвырнул тряпку.

Я выловил ее из воздуха, взмахнул и сложил в плотный квадрат. Полуистлевшая тряпка давным-давно пропиталась какой-то гадостью типа засохшей крови и цветом напоминала

нечто среднее между гнилой сливой и красным вином. Надави посильнее – проткнешь материю насквозь.

Странно, почему трактирщик пользуется именно этой ветошью? За его спиной, между бутылей, лежит много практически новых тряпиц. Значит, для него важен именно этот кусочек ткани. Выходит, за ним кроется история...

История кроется за чем угодно и за кем угодно и нередко представляет собой важнейшее сказание, хотя на первый взгляд – пустяк пустяком. Жизнь каждого человека – история, а стало быть, каждый из нас несет в себе магию.

Жизнь годами учит нас эти истории забывать.

Мой долг – сделать так, чтобы их помнили.

– Позволишь? – спросил я, указав на тусклое пятно.

– Ни в чем себе не отказывай, – промолвил трактирщик, скрестив руки на груди и отступив на шаг.

– И не собираюсь.

Поднявшись с табурета, я снял с плеча перевязь с книгами. Кожаный ремень надежно удерживал огромное количество сказаний, собранных мной за долгие годы. В одном из томов содержались такие истории, что ни читать, ни рассказывать нельзя.

Есть тайны, которые следует хранить под спудом.

Положив связку на табурет, я поправил у стойки свой посох и размял тряпку.

– Что она скрывает?

– О чем ты?

Я провел пальцем по стойке. На ощупь – словно речной камень: поверхность гладкая и в то же время слегка пористая.

– За старой тряпкой что-то кроется. Иначе зачем беречь этот хлам, если у тебя припасено несколько вполне сносных тряпиц?

Не поднимая глаз на трактирщика, я изучил тусклое пятно. Дерево было старым, и все же пробивавшееся сквозь окно солнце заставляло его сиять в своих лучах.

Я потянул носом. Пахло от стойки лимоном и маслом. Судя по всему, хозяин ухаживал за ней регулярно.

Впрочем, почти все содержатели подобных заведений относятся к своему имуществу трепетно – иначе зачем вкладывать в него деньги? Однако мой собеседник дал бы фору любому. Таверна «Три сказания» была для него чем-то особенным – во всяком случае, некоторые ее уголки уж точно.

Склонившись над стойкой, я подышал на поверхность.

– Ты будешь смеяться, – печально улыбнулся трактирщик. – Звучит глупо, но дело в женщине.

Дело всегда в женщине. Всегда. Я снова подышал на пятно и махнул рукой. *Слушаю тебя...*

– Как по-твоему, сколько лет этой таверне?

У меня екнуло сердце. Про пятно я на секунду забыл. Вариантов ответа было множество, и почти каждый из них мог оказаться верным. Например – по меньшей мере несколько десятков лет. Не в точку, но правильно. Или – таверна достаточно стара, чтобы стать важным местом для жителей Карчетты. И это недалеко от истины.

Так или иначе, из десятка безупречных ответов следовало выбрать один – тот, которого ждал толстяк.

– Не знаю, но очень хотел бы услышать эту историю от тебя.

Шестое чувство подсказывало, что трактирщик накрепко связан со своим заведением.

У каждого внутри есть некоторое количество скопившихся за долгую жизнь историй, и мой долг – сделать так, чтобы они прозвучали вслух. Людям следует делиться своим прошлым с тем, кто готов слушать.

Я был готов.

Трактирщик откашлялся и снова принялся натирать начищенный до блеска стакан. Обвел ногтем его кромку, и она едва слышно запела. Неторопливо, словно спешить ему в этом мире некуда, наполнил его все из того же бочонка.

– Из стакана вкуснее, – пробормотал он, сделав долгий медленный глоток. – Далеко не все знают мою историю, и уж точно никто не расскажет. Она началась, когда я встретил ее.

Ее... Сколько историй начинается с этого короткого слова! Уголки моих губ невольно приподнялись, однако я тут же согнал улыбку с лица. Известно, чем частенько заканчиваются подобные рассказы.

– Не слишком много я до того видел в жизни, – покачал головой толстяк и сделал глоток эля. – И не думал, что увижу. – Он задумчиво улыбнулся, окинув взглядом таверну. – Наверное, ты скажешь, что так и вышло. Но... появилась она, и все изменилось.

Накрыв пятно свернутым кусочком ткани, я для вида потер стойку.

– Карчетта не лучшее место на свете. Люди стремятся уехать на запад, к морю. Рыболовство – дело хорошее. Если уж денег не зарабатываешь, все равно будешь с пищей. Этайния – страна рыбаков, – бубнил трактирщик. – Только, как ни стыдно это признавать, плавать я не умею. А какой толк с рыбака, если он не сумеет выплыть? Что же оставалось делать молодому парню?

Я тер стойку все усерднее и внимательно прислушивался к рассказу.

– Не годишься в рыбаки – иди в моряки. Со всех сторон слышал, что передо мной – весь мир. – Замолчав, он покосился на меня. – Мир, моряк – все от слова «море», тебе не кажется?

– Хм, а ведь правильно, – изобразил я легкую улыбку. – Наверное, устал, сразу и не сообразил.

Я тер и тер, отдавшись ритму механических движений, и наконец ткань моего разума сложилась. Сначала пополам, и теперь я воспринимал одновременно тусклое пятно на стойке и рассказ трактирщика. Материя разума сложилась еще раз, образовав четыре грани восприятия. В голове прояснилось; мир пропал, осталось пятно. Исчезли иные образы, развеялись посторонние мысли. Разум свернулся снова. Восемь граней...

Пятно на стойке, пятно в голове. Маленький деревянный пяточок, который следует восстановить до блеска. Единственная мысль усилилась стократ, родив новый образ: та же самая стойка, только много лет назад. Свежее дерево сияет глубоким внутренним светом и теплом.

– Я был обычным молодым парнем с кучей планов в голове, однако не знал, как их осуществить. Всегда можно заняться фермерством, но для этого нужно иметь стадо или деньги, чтобы его купить. А где их взять? Руки у меня были вставлены не тем концом – строить я не умел. Прибиться учеником к хорошему мастеру, который обучил бы ремеслу, тоже не удавалось. Тогда я сказал себе – буду путешествовать. Странствия приносят человеку пользу – во всяком случае, я об этом много слышал.

Что ж, тут он прав...

– Однако и для путешествий требуются деньги. Видишь, я не слишком силен в составлении планов. Такая жизнь, – безнадежно махнул он рукой. – Не очень много способов ее изменить. Я оказался в тупике.

Я помалкивал, продолжая сворачивать материю разума. Для меня существовала лишь блестящая на всем своем протяжении деревянная поверхность; ее вид портило тусклое пятнышко. Внутри меня формировалась истинная сущность стойки, отличающаяся от той, которую она являла собой сегодня. Мой внутренний глаз видел однородную идеальную древесину,

и я зацепился за этот образ. Разум свернулся вновь, и каждая грань восприятия отразила, словно отпечатки на пергаменте, родившуюся в мозгу картинку.

– Ну, я решил, что сперва следует освободить голову от посторонних мыслей, и направился в единственную в округе таверну. – Трактирщик тихо усмехнулся. – Нет, не в «Три сказания». Во всяком случае, называлась она тогда точно иначе.

Слова его звучали глухо, словно издалека, а я сосредоточился на своей задаче. Каждая клеточка моего существа верила, что тусклый пяточок вот-вот заблестит так же, как и вся стойка.

Я вновь подышал на поверхность. *Вент* – это раз... Ткань разума продолжала складываться, уподобившись многогранному зеркалу, бесчисленное количество раз отражающему один и тот же образ. Во мне забурлила вера в свои силы, которая не посещала меня давным-давно, и я направил ее поток на стойку, представив, что поверхность становится столь же яркой и безупречной, как много лет назад. *Эри...* Я провел тряпкой по дереву и убрал руку.

Передо мной сияло идеально отполированное покрытие, отражая то, чего лучше не видеть никому.

Я уже несколько дней отпускал бороду. Мои волосы мои были черны, как штормовая ночь, и завивались буйными кудрями. Длинные волнистые пряди спадали почти до линии шеи. Глаза цветом напоминали стойку бара, разве что чуть темнее – нечто среднее между янтарем и кедровым орехом.

– Солюс и тень, мальчик! Я ведь думал, что ты испытаешь свои способности на одном маленьком пяточке, а не на всей стойке! Даже не заметил, как ты это делаешь... – Трактирщик заморгал и потер глаза. Опустил стакан. – Похоже, я слишком погрузился в свой рассказ. Приятно вновь видеть блеск старого дерева, вот только раньше оно таким не было. Господи, да я в него смотреться могу!

Он разразился приступом нервного смеха, быстро перешедшего в тяжелый вздох.

– Ах, Рита... Жаль, что ты этого не видишь!

Я стряхнул морок, вызванный снизошедшей на меня силой.

– Рита? О ком ты?

Догадаться несложно, и все же некоторые истории лучше услышать не от сказителя, а от человека, их пережившего. В них всегда присутствует нечто особенное: изменение голоса, когда собеседник повествует о любимой, внутренняя боль, которая заполняет сердце и выходит наружу, или ярость, подобная расплавленному металлу.

Хороший сказитель способен имитировать эти оттенки, и все же истории должен рассказывать их непосредственный участник.

– Хм... Рита? Рита стояла за всем, что ты видишь, – рассеянно обвел рукой зал мой собеседник. – Мы встретились в пору моей молодости. Юность – лучшая пора для знакомства с особенной девушкой. С другой стороны – годится любое время, коли так решит судьба. Это ведь и вправду судьба, фортуна, когда на твоём пути попадается правильный человек. Я в те дни оказался без руля и ветрил, если так можно выразиться.

Я кивнул. *Понимаю...*

Этайния – прибрежное королевство, обязанное своим богатством торговле, рыболовству и добыче соли, которая приносит казне огромные прибыли. Жизнь здесь вращается вокруг солнца и моря. Теплый климат дает возможность отвести обширные территории под сельское хозяйство. Королевство особенно славится урожаями зерна. За посадками заботливо ухаживают местные труженики. Правда, развитие Этайнии сдерживают религия и происки семи принцев-инфантов.

Не заметив, что я погрузился глубоко в свои мысли, трактирщик продолжил:

– Рита и вправду была особенной девушкой.

Была... Мое сердце екнуло – я предполагал, куда заведет нас эта история.

– Она была умна и рассудительна. Подобрала меня на «Солюс ду Невр» – фестивале в честь нового солнца. Наконец кончилось время серых небес и бурных морей, рассеялась тьма. Наступали погожие деньки – чистое небо, ясное утро. Видел бы ты мою Риту, сказитель. Не девушка, а солнечный лучик в воздушном красно-оранжевом платье. Сама сшила. Мастерица, каких поискать. – Он улыбнулся. В его глазах засиял свет, и мой трактирщик сразу словно помолодел лет на десять. – А как она кружилась в танце! Словно листочек на ветру... Можешь себе представить?

Я слушал молча. Пусть задает вопросы и сам на них отвечает.

– Но ты еще молод, сказитель. Наверняка у тебя было достаточно красивых девчонок. – Он смерил меня выразительным взглядом. – Только той самой, единственной, ты так и не нашел. Верно?

Трактирщик ошибался, и все же я кивнул.

– Ну, уж не знаю, как вышло, что Рита прониклась ко мне симпатией. Да я никогда и не задавался этим вопросом. Какой смысл сомневаться в своей фортуне? Если уж Солюс дает – то дает от души. Солнце – оно солнце и есть. Так вот, Рита меня убедила, что знает способ изменить жизнь и проторить собственную дорожку в нашем мире. Тебе не даются ремесла, зато ты человек физически сильный и волевой, говорила она. Я начал браться за любую работу, какая подвернется. Грузил тюки с товаром на побережье, вдали от дома, а деньги отсылал Рите. Она меня ждала.

Он расплылся в улыбке.

– Перевозил лес для строителей, драил палубы и корпуса кораблей. Работал на стеклодувов, имевших подряды на остекление больших храмов: поднимал готовую продукцию на самый верх. Так прошли годы. Домой навещался, как только представлялась возможность. Мы с Ритой очень сблизились. Разговаривали на обычные для молодых людей темы. Планы, мечты... Я настаивал, что хочу пустить корни здесь, только не знал каким образом. Да бог с ним... Самое главное, что я влюбился в умнейшую девушку на свете. Она откладывала каждую монету, каждую септу, когда мне удавалось что-то заработать. А сама рукодельничала.

Трактирщик постучал по стойке:

– Вот с этого мы начали. Пусть немного, но все же задел на будущее. Бродила в наших головах надежда, что когда-нибудь мы построим свой собственный дом, таверну – место, куда сможет заглянуть путешественник, которым мне не удалось стать. Своего рода дом в доме. Недурно, а?

– Недурно, – односложно отозвался я.

– Так вот, я вернулся домой, хотя и ненадолго. Работал где мог, пока не услышал, что старая таверна, которую мы присмотрели, сгорела. – Он нахмурился, и свет в его глазах погас. – Место было не самым хлебным, и все же неплохим.

Трактирщик откашлялся и протянул руку, попросив взглядом старую тряпку.

Принял он ее молча и снова взялся натирать стойку, хотя необходимости в том уже не было никакой.

– Итак, мы потеряли частичку мечты о доме. Меня это потрясло. Уже начал подумывать: может, взять все отложенные деньги и куда-нибудь переехать? Однако Рита стояла на своем – не готова была распрощаться с надеждой на лучшую долю. Если женщина считает, что права, и начинает упрямиться – ее не переупрямишь. Исключений из этого правила нет. Надо ей подчиниться – так безопаснее, поверь.

Он лукаво подмигнул.

– Так вот, Рита отказалась сниматься с места. Убедила меня, что нам следует сделать предложение владельцу таверны и выкупить то, что от нее осталось, а осталось немного. От слова своего она не отступила – проводила день и ночь у дверей старого Абрахама, иностранца

с далекого востока, который в свое время осел в наших краях. Переговоры вела твердо и не сдавалась, пока старик не плюнул. Дело было сделано – старая таверна перешла к нам.

Трактирщик тяжело вздохнул, поднял свой стакан и осушил его одним глотком.

– Мы засучили рукава. Я еще раз уехал на цикл или два – словом, большую часть месяца меня тут не было. Вернулся с деньгами и приступил к строительству. Как я уже сказал, первым делом мы поставили стойку, – напомнил он, постучав по столешнице. – А потом вокруг нее возводили свои «Три сказания». На все про все ушло семь месяцев – почти целый год прошел в трудах. В итоге мы с Ритой своего добились.

Он прислонился спиной к полке, заставленной бутылками и бочонками, скрестил на груди руки и заметно расслабился.

– Дом был построен, и мы начали им заниматься. Все шло отлично для двух молодых людей, которых влекли вперед мечты и любовь. Лучшего и представить невозможно. Неудачи случались – куда без них. Дважды едва не распростились с нашим детищем из-за пожаров. И людишки на пути попадались не дай бог, и сборщик налогов как-то пытался вывести Риту из себя, чтобы ее подловить. – Толстяк покачал головой, подавив смех. – Бьюсь об заклад, парень до сих пор не забыл тот разговор. Другое дело, что Рита всегда лаяла куда сильнее, чем кусалась.

Что ж, мне приходилось встречать подобных людей.

– Но мы держались.

Его голос вдруг сел. Знакомый тон... Сейчас история даст поворот. Тот самый миг, когда четко понимаешь: речь о том, как «они счастливо жили до самой смерти», не пойдет.

Сейчас я услышу трагическое повествование.

Не впервой; да мне и самому приходилось принимать участие в похожих драмах. История помнит все.

– Так прошло два года. Мы неплохо справлялись, хотя заниматься таверной мне все чаще приходилось в одиночку. Рита была девушка сильная, но со временем начала сильно уставать. Спала допоздна, не могла поднимать тяжелое. Сперва не понимал, что с ней происходит. Думал – заболела чем. – Он тяжело сглотнул и уставился на стойку. – И оказался прав, хотя не предполагал, что все настолько паршиво. Истории бывают и такие, понимаешь?

Я понимал.

– Она бледнела, кожа ее потеряла солнечный оттенок, стала как... – Трактирщик выдохнул и бросил тряпицу на полку. – Похоже, все оказалось лишь сном. – Он снова машинально взял тряпку, покрутил и помял в руках, как я несколько минут назад. – Денег особо не было, и помочь нечем. Солюсу не молился. Ничто не могло отвести беду, которая обрушилась на Риту. Но я делал что мог, клянусь!

– Верю.

Мой голос прозвучал куда громче, чем я рассчитывал, отразившись эхом от стен пустого зала.

Похоже, мой трактирщик слегка приободрился и, кивнув самому себе, заговорил снова:

– Да, я старался. Однако месяц бежал за месяцем, и когда пошел четвертый с начала болезни, я потерял любимую. – Он отвернулся и вновь наполнил свой стакан. – Давно это было. Скорее всего, ты тогда еще не родился. Вот эта тряпица – память о Рите.

Толстяк приподнял истертый кусок ткани и отхлебнул глоток эля.

– Когда мы обустраивали таверну, на какие-то мелочи не обращали особого внимания, о чем-то забывали. Однажды выяснилось, что нечем протереть стол. Рита засмеялась и оторвала лоскут от своего старого платья. Потом еще один и еще. Сшила их. – Он взмахнул тряпицей. – Сшила – и навела порядок, не переставая смеяться...

Трактирщик слабо улыбнулся, вот только веселья в его глазах я не заметил.

– Вот и вся история.

Я вздохнул, грустно склонив голову:

– Спасибо, что рассказал.

В зале повисла тишина, затем хозяин заведения подал голос:

– Дэннил. – Он протянул мне руку, и я крепко ее пожал.

– Ну, меня ты знаешь. Слава бежит впереди героя.

– Вечер покажет, – хмыкнул толстяк. – Я тебе свою историю поведал, теперь жду, на что сподобишься ты. Надеюсь, мы увидим блистательное выступление и наш народец не скоро забудет твои сказания.

– Обещаю, так и будет.

В Дэнниле снова проснулось любопытство, и он посмотрел на меня через стойку. Затем его взгляд упал на промасленный футляр из черного дерева и кожи, который я положил на пол.

– Могу кое-что спросить?

Я кивнул, поднял футляр и положил его на столешницу. Запоры расстегнулись со звонким металлическим щелчком – за прошедшие годы я уже позабыл, как он звучит. Внутри таилось древнее сокровище.

Вещица была сделана из отлично обработанного дерева и отполирована до блеска. Черная, будто густая смола, и яркая, словно оранжевая вспышка зари, мандолина была разъеденна на две части – пополам вдоль грифа, без единой зазубрины. Так зубило и молоток в умелых руках раскалывают камень. Попытаешься дернуть струны – и они издадут последний аккорд, заключающий в себе одно-единственное слово. Произнести его невозможно, но значит оно очень много. В нем глубокое горе. Боль. Сожаление. *Пожалуйста, вернись... Прости...* Самое главное – именно «прости».

Вот только не зазвелят рассеченные острейшим клинком струны, потому и слово не прозвучит.

Не родится мелодия.

Мандолина разбита – и не сыграет больше никогда.

Я многое могу починить, но только не мой прекрасный инструмент.

Футляр, повинувшись движению моей руки, захлопнулся.

Порой цена воспоминаний такова, что вспоминать не хочется. Лучшее, что в этом смысле можно сделать, – закрыть дверь в печальную часть жизни.

Дэннил тяжело вздохнул, разглядывая мандолину.

– Хотел бы спросить, играешь ли ты на ней, но...

– Нет, не играю. – Я снова уложил футляр на пол. – Однако моим историям музыка без надобности. Я подарю вам сказание, которое запомнится.

– Отлично! Кстати, прошу объяснений. – Он указал на блестящую стойку.

Я собирался промолчать – и все же заговорил против своей воли голосом тише легчайшего ветерка, пробирающегося сквозь низкую траву:

– Есть десять формул плетения, их должен знать каждый.

Давно забытые дни учебы прошли чередой перед моим мысленным взором, словно открылось окно в прошлое.

– О чем ты говоришь?

– Не обращай внимания, – покачал головой я. – Тебе чем-то помочь? Похоже, сегодня вечером здесь будет тьма народа.

Дэннил кивнул, и мы принялись за работу.

2

Неистовая смуглая женщина

Ночь пала на Карчетту, и с ней пришло новое безмолвие. Подобная тишина обычно повисает в воздухе при напряженном ожидании. Всегда знаешь, что она взорвется, вопрос – когда именно. А пока – короткая передышка перед грозой.

Ожидание способно убить.

Я убивал время, расставляя стулья в полукруг перед очагом из белого камня. Такое расположение даст мне возможность беспрепятственно передвигаться по залу и свободно обращаться к собравшимся.

Дэннил сновал по таверне с непринужденной ловкостью человека, привыкшего потчевать огромное количество людей. Разложил по оловянным тарелкам поджаренные ломтики хлеба размером с ладонь, по кусочку масла и с уверенностью опытного повара сдобрил угощение толикой соли и перца. Каждому посетителю он приготовил по маленькой – размером с мой мизинец – рыбке, сверкающей, словно серебряный слиток.

Одним словом – традиционные закуски Этайнии. Местные обожали рыбку бакерену, должным образом выпотрошенную и провяленную.

Дэннил притащил мешок томатов, сперва нарезал их кольцами, а затем маленькими, величиной с ноготок, кубиками и украсил ими каждую тарелку. В его руках волшебным образом – как ручка из складок моего плаща – появился прозрачный стеклянный конус в форме колокола. Неширокое, вогнутое внутрь основание напоминало открытый человеческий рот.

Дэннил наклонил конус, придерживая большой палец над узким носиком, и на поджаренный хлеб полилась тонкая струйка масла.

Мне приходилось встречать уважаемых мастеров, которые не были и вполтину так кропотливы, как мой новый знакомый. Подтянув к себе посох и подняв с табурета перевязь с книгами, я молча наблюдал за церемонией. Открыл первую, и мой разум немедленно настроился на привычное занятие. Перед глазами замелькали старые легенды – каждую из них я изучил и усвоил много десятков лет назад и все же, вновь просматривая знакомые строки, испытывал душевную гармонию.

Для вечернего представления мне не требовалось повторять главы из книги – хороший сказитель редко придерживается исторической правды. Куда чаще он изливает на головы слушателей ложь – и ложь красивую.

Мне ли об этом не знать, ведь я годами распространял о себе выдумки. Ложь давала возможность без опаски странствовать по миру и останавливаться, где душа пожелает. Люди видели во мне лишь знаменитого лицедея.

Так жить гораздо проще.

Дверь распахнулась, ударившись о стену с глухим стуком, и зрители, шумно переговариваясь, хлынули в таверну. Я уставился в книгу, притворившись, что ничего не замечаю, однако уши наострил. Историю на вечер выберу в зависимости от настроения посетителей и от тех слухов, которыми они обмениваются.

– Ужас что происходит с этими инфантами, – заявил мужчина лет сорока, сразу напомнивший мне своим худым и жилистым телом узловатую ручку от граблей.

Лицо темное, черты резкие – таких ребят я здесь уже видел. Наверняка местные много времени проводят на солнце. Его одежда была прочной, хоть и потрепанной, и, должно быть, сливалась с почвой под ногами – сплошь зеленые да коричневые цвета. Скорее всего, фермер.

– Клянусь бородой Солюса, один из них точно отрядит нас в поход на соседнее королевство. Наши сыны умрут на поле битвы, дочери останутся вдовами... Испорченные они люди, эти принцы, вот что я тебе скажу.

Женщина – вероятно, жена – толкнула мужчину в плечо и прошипела:

– Не болтай лишнего! Пусть принцы сами о себе думают, а церковь уж о них позаботится. Не наше это дело! Солюс его знает, кто может подслушать, и что тогда?

– Надеюсь, сегодня нам поведают о чем-то потрясающем, героическом. Вроде обычно он такое и рассказывает, – заговорил молодой парень лет около двадцати.

Худощавый, мускулистый – видимо, проводит дни за тяжелой физической работой. Простая трикотажная рубаша, бриджи в тон, руки в неотмывающихся серых пятнах – должно быть, строительный раствор. Несколько засохших капель на щеке и в темных волосах. Впрочем, следы напряженного труда не сказались на его мальчишеской внешности.

Прочие зрители тихо шептались примерно на те же темы:

– Эх, услышать бы такое сказание, от которого беды отступят прочь... Слишком много сейчас печальных и скверных новостей!

– Хорошо бы он рассказал что-нибудь из старых легенд, а то их все позабыли, разве что в церкви помнят. Хочу послушать настоящего сказителя, а то с проповедника-то много не возьмешь.

Каждый из набившихся в зал местных жителей походил на своего соседа, да и думали все примерно одинаково. Знати в таверне не увидишь – *бургеца* это место не жалует. Обычные простые люди, желающие послушать грандиозную легенду о храбрости и героизме. Им требуется вдохновение, красивая мечта. *Настоящее* сказание.

Беды и невзгоды правящих принцев лишь угнетают народ, а вот сказ о славных героях прошлого – то, что надо. Каждому греет душу воспоминание о временах, когда знать сражалась за простого человека. Каждый желает погрузиться в историю о простолюдине, поднявшемся из самых низов и на голову превзошедшем богатых, выросших в замках высокородных вельмож.

Почему бы не попотчевать их легендой об Антуане, бывшем фермере, который стал воином, а потом и принцем солнечного света?

Я улыбнулся своим мыслям. История замечательная; подам ее так, что местные будут вспоминать этот вечер еще долгие-долгие годы. Поднявшись, я опустил на пол кожаную перемычку с книгами и взялся за посох. Начинать хорошую историю, когда зал еще не готов, – настоящее преступление. Люди суетятся, рассаживаются.

Пусть дойдут до нужного состояния. Пусть затаят дыхание, предвкушая мои первые слова. Таверна «Три сказания» должна погрузиться в полное безмолвие, только тогда я начну.

Я ждал неподвижно, став статуей из плоти и крови в алом плаще с капюшоном – странным и ярким персонажем, омытым светом пылающего очага.

Народец занимал места. Кто-то решил сесть за длинными столами вдоль одной из стен таверны вплотную друг к дружке. Будут весь вечер пихать соседей локтями. Остальные рассредоточились по дальним углам. Спрятались – не разглядишь. Несколько человек потянулись вверх по лестнице к мезонину и исчезли за ее изгибом позади очага. Столы наверху выстроились прямо за деревянными перильцами. Обзор оттуда будет хороший.

По «Трем сказаниям» бродили шепотки, в темноте сверкали любопытные глаза зрителей. Именно то, что требуется.

– Неужели он?

– Да вроде...

– Наверняка он...

– Таких больше и нет...

– А плащ-то! Не пил сегодня ни капли. Что за морок? Я ведь не один это вижу?

– Похоже, только ты... По-моему, плащ как плащ...

Голос вдруг затих – видимо, последний из собеседников задумался.

– А посох зачем? Он хромоножка?

– Не похоже. Смотри, как гордо стоит. Он молод и здоров. Лица вот только под этим колпаком не разгляжу.

Мимо меня проскользнула женская фигура в платье, подобном осеннему листу. Цвета смешивались и наплывали один на другой, так что и не скажешь, где начинается красный, а где кончается желтый. Юбка длинная – чуть выше щиколоток. Талия перетянута поясом оливкового оттенка. Руки и часть спины – обнаженные.

Если кто и мог сравниться со мной великолепиям нынешним вечером – так только эта молодая женщина.

Ее волосы были собраны в свободный хвост и перекинута через плечо, несколько прядей спадали на виски. Лицом – настоящая этайнианка, поцелованная солнцем. Кожа бархатистая, что речной камень, глаза яркие, губы полные. От таких женщин у юношей возникают вредные мысли.

Приблизившись к Дэннилу, незнакомка обвила руками его шею, словно любящая дочь. Хозяин таверны ответил на объятия и, прошептав что-то ей на ухо, указал подбородком в сторону группы посетителей. Кивнув в ответ, та зашла за стойку бара и взяла поднос.

Через несколько секунд в зал вошли еще две девушки в одинаковых платьях и, не отвечая на приветствия, принялись раздавать еду и напитки.

Я выждал, пока толпа не притихнет.

Люди голодны, устали – позади тяжелый трудовой день. Мир вокруг них съезжился – ничего не осталось, кроме коварных наследных принцев да властолюбивой церкви. Им требовалось хоть ненадолго забыться и посудачить о местных сплетнях, о своем житье-бытье. Кого предпочла дочь соседа? В какую беду попал сын приятеля? Незатейливые слухи и рядовые события позволяли им чувствовать между собой неразрывную связь и надежность маленького сообщества, отбросив прочь заботы большого мира.

Стрелки двигались, и время моего ожидания подходило к часу. Я не присел ни разу. Раствориться, находясь на самом виду, – тоже искусство сродни лицедейству.

Наконец общий гомон стих до едва слышного бормотания. Подоспела еда с напитками, и люди перестали суетиться, изредка лениво поглядывая в сторону стойки бара.

И вдруг вспомнили о фигуре в алом плаще.

Все взгляды медленно сосредоточились на мне, и любопытный шепоток зазвучал с новой силой.

На этот раз легкий гул не стал для меня помехой. Я повернулся, отбросив полы плаща, и приблизился к очагу. Ткань моего разума сложилась, и между двумя гранями восприятия пролегла четкая линия, словно складка на сияющем чистом пергаменте. Я свернул разум еще раз. Образовавшаяся в голове пустота разделилась на четыре равные части и заполнилась редкими красными всполохами на ярко-желтом фоне. А еще – целым морем алых углей. Огонь затмил все.

Огонь... Субстанция старая, как сама вселенная. Огонь оживал, сплывая вокруг себя людей, желающих поделиться легендами – первыми легендами нашего мира.

Я знал огонь, понимал его сущность и ту историю, что он рассказывает. Постиг ее внутренние механизмы – так драматург чувствует каждый поворот сюжета.

Если понимаешь, что за каким-то явлением стоит история – обязательно догадаешься о той истине, на которой она построена. Увидишь, чего в ней не хватает, и смекнешь, где это найти.

Мой разум вновь свернулся, и звуки, заполнявшие пространство таверны, пропали. Я словно оглох.

Пламя в очаге обрело двойника, спрятанного глубоко в моей груди. Пыл любви, жар гнева, огонь, что придает тебе сил перед лицом невзгод. Свет, что питает мечту.

Я поднес узловатый кончик посоха к губам, и во мне зародился вздох – даже не в легких, скорее в глубине живота. Я сплел поток внутреннего дыхания с бесчисленными языками огня, колеблющимися в моем сознании. Воображаемый поток воздуха заполнил грудь, и я связал его с костром, пылающим на месте сердца. Наконец выдохнув, я выпустил длинную теплую струю поверх рукояти посоха.

Ткань разума сложилась еще, и на каждой грани восприятия возник образ теплого языка воздуха, сплетенного с рукоятью посоха.

Ан...

Невидимый горячий ток, покинув мои легкие, прошел по дереву, нагреваясь с каждой секундой. Я склонил посох к очагу и ткнул его наконечником в самое пламя.

Вент...

Мой голос тихо зазвучал в глубинах капюшона. Я изо всех сил удерживал образ пылающего внутри меня пламени. Каждый выдох, обволакивающий наконечник посоха, становился его прекрасным проводником.

Образов было множество, но картинка в мозгу держалась одна и та же. Я верил в нее несокрушимо и внутреннее пламя удерживал крепко.

Эри...

Я не вынимал посох из очага, и огненные щупальца жадно и неумолимо лизали его деревянную рукоять с грацией змеи, сплетаясь с потоками выдыхаемого мною воздуха.

Резко развернувшись, я ударил основанием посоха в половицу.

Услышав глухой стук, посетители «Трех сказаний» замерли, задержав дыхание.

Новый удар в пол прозвучал словно раскат грома.

И еще раз.

И еще...

А затем гром будто расколол твердь небесную.

Публика присоединилась, затопала ногами, застучала кулаками в унисон с моим ритмом.

Я не останавливался, пока иные звуки не растворились в барабанной дробе, и тогда задержал посох в воздухе. Застыла и публика.

В «Три сказания» вернулось безмолвие.

Я подчинил его своей воле, заставив зрителей ждать, и, не шевельнувшись, окинул взглядом собравшихся.

Люди по-прежнему сидели, затаив дыхание.

Я все длил безмолвие. Наконец настало время сделать беззвучный шаг вперед.

Зрители задрожали, искоса поглядывая друг на друга. Впрочем, заговорить не осмелился никто. Напряжение достигло апогея, и я начал действовать.

Бросился коршуном к передним рядам, провозгласив:

– Итак, люди Карчетты!

Зал содрогнулся и ахнул.

Вроде бы ничего сложного, однако нехитрый трюк сразу их расшевелил. Сердца забились, глаза распахнулись. Я завладел толпой.

Метнулся вправо, широким взмахом отбросив в сторону полы плаща. Склонился над первым рядом, выставив вперед кончик посоха, вокруг которого замерцало плетение огня.

Зрители взвизгнули, однако тут же оправились от испуга, и под крышей таверны раздался неуверенный смех.

– Хотите услышать сказание? – Я не дал им времени на ответ, отпрыгнув назад к очагу. Ловким движением оправил плащ. – Сказание о смелости и отваге. О людях, что пришли в наш мир из пустоты и изменили его до неузнаваемости. Изменили вашу страну. Возможно, и ваш

край тоже. Край, что носит название Этайния. Здесь дом детей солнца, детей великого Солюса. Здесь живут люди, которых он поцеловал, и цвет волос ваших напоминает нам о вечной ночи, когда Солюса еще не было под этим небом.

Я продолжил, ударив посохом в пол:

– Вам нужна история, что заставит вас вспомнить о текущей в ваших жилах древней крови, о силе, что сидит глубоко в ваших сердцах, о безграничном мужестве. Вы желаете, чтобы я напомнил: в каждом из жителей Этайнии живет частичка Солюса!

Приблизив к губам посох, я выдохнул, и на конце его расцвел огненный цветок. Вспышка заставила публику вновь ахнуть и разразиться бессвязными восклицаниями.

– Вот что вам нужно!

Зрители были со мною умом и сердцем, и какую бы историю от меня ни услышали, наверняка посчитают, что просили ее сами.

Еще одна маленькая пауза... Пусть помучаются, гадая, какую легенду я извлеку из богатой истории их предков, что за приключение им предложу.

В густых тенях звякнуло – словно металлом о стекло, как будто дождь из ледяных шариков прошелся дробью по замерзшему окошку. Чистый хрустальный звук раскатился по таверне.

Я обернулся на звук, на миг выпав из канвы своего повествования. Похоже, я ошибался. Вот женщина, способная затмить меня сегодняшним вечером...

Историй в своей жизни я рассказал великое множество, в некоторых из них и сам принимал участие. Так вот, эта женщина будто сошла со страниц одного из древних сказаний.

Ее черные как вороново крыло волосы падали на спину густыми буйными локонами. Надо лбом они были схвачены красной лентой, конец которой спускался на шею, а затем исчезал между грудей. В мочках ушей висели золотые серьги, немедля приковавшие мой взгляд – так сверкнули они, поймав отблеск огня. Кожа незнакомки оказалась на тон светлее, чем у жителей Карчетты, – золотистого оттенка сахара, расплавленного на медленном огне со специями. Должно быть, тепла на ощупь и весьма приятна для поцелуя.

Мы обменялись взглядами, и грани восприятия моего разума, а с ними и само плетение едва не распались. Огонек на рукояти посоха дрогнул и слабо замерцал, будто пытаюсь меня упрекнуть.

В ее глазах светилось своеволие, напомнившее мне неистовый нордов океана. А цвет – глубокая зелень омытого шалфеем изумруда с вкраплениями красок спелой груши. Широкий пояс, перехвативший талию, повторял оттенок глаз, усиливая их сияние.

А вот ее наряд был полной противоположностью моему. Я загляделся на белоснежную блузу с низким, открывающим плечи вырезом и намеком на прочие прелести, которые заставили бы вспыхнуть любого юношу. Золотые обручи, охватившие запястья, позванивали при каждом шаге, и перезвон подхватывали браслеты на щиколотках босых ног. Яркий металл украшений отчетливо выделялся на фоне фиолетовой юбки.

Женщина напевала – низко и протяжно, и в ее голосе звучали серебро и медь.

Волшебный звук... Грани восприятия затрепетали, вязь плетения дрогнула, а огонь зашипел, словно на него брызнули водой. Незримые воздушные нити натянулись – того и гляди лопнут.

Ткань своего разума я ранее сворачивал столько раз, что угрозы болезненного выхода из граней не было. Пробудив в себе веру в какое-либо событие, следует сделать все, чтобы удержать ее до конца, иначе она рассеется. Добавить новые грани, укрепить плетение? Этак можно лишиться разума, попав в неумолимый вихрь зеркальных отражений и искаженных фантазий. Я ограничился мысленным повтором удерживаемой в уме конструкции.

Ее голос лишил меня внимания собравшейся в зале публики. Полные женские губы изогнулись в многообещающей коварной улыбке.

– Так сегодня будет и сказание, и песня? – спросил кто-то из толпы.

- Похоже, нам повезло вдвойне, слава Солюсу!
- Говорил же, что стоит сюда зайти! Ведь говорил же?
- Говорил, говорил...

Посетители тихо шушукались, полностью разрушив ту ауру, что мне удалось создать с таким трудом.

Я стиснул зубы и ожег женщину взглядом, пылающим не хуже очага за моей спиной.

Она глянула в ответ, и в ее ослепительных глазах промелькнула озорная искорка. Что это значит?

Откашлявшись, я попытался вновь привлечь внимание зрителей:

– Итак, восславим Солюса и начнем наконец рассказ о его избранном сыне, человеке самого низкого рождения, что стал наследником солнечного света и первым принцем Этайнии.

Я выдул теплый шар воздуха на свой горящий посох, и на рукояти его словно родилось маленькое солнышко.

Толпа ахнула, кто-то заплодировал, и таверну заполнили самые разнообразные возгласы.

– А я вам спою! – перебила меня женщина, встав перед ближайшим к ней зрителем. Провела пальчиком по его вороту. – Спою, дождемся лишь, когда наш сказитель сотворит свое волшебство.

Так-так. Значит, она меня подзуживает, проверяет мое самообладание? Прекрасно. Представление, которое сейчас начнется, незнакомка запомнит надолго.

Что ж, попробуем создать еще одно плетение. Свернуть материю разума, представив себе бесчисленные отражения одного или нескольких образов, – не самая сложная задача. И совсем другое – отодвинуть картинку в сторону, сохранив ее, и убедить свой мозг создать и удержать еще один набор мысленных представлений.

Итак, ветер и огонь убираем на второй план, расчищая место для девственной чистоты. В сознании возникла тонкая, словно волос, воображаемая нить, протянувшаяся от легких к горлу, и я выдохнул:

– *Вент...*

Конец мысленной нити вышел изо рта и протянулся по залу, сплетая голос с воздухом:

– *Эри...*

Публика возбужденно заерзала.

Я заговорил. По воздуху прошла осязаемая волна, и мои слова загремели подобно грому:

– Слушающий да услышит! Мы уходим далеко в прошлое – в те времена, когда еще не было никакой Этайнии. В эпоху, когда земли к востоку отсюда были объаты огнем войны, который со временем перекинулся на эти плодородные процветающие места. Братья к югу от нас, за морем Аррит, не откликнулись на призыв наших предков. Мое сказание – легенда об одном человеке, плоть от плоти Этайнии. О человеке с солнцем в глазах и в сердце. О человеке, что встал на пути страха, несущего зло тем, кто тогда называл ваши золотые земли домом.

Я перешел к началу истории, и таверна «Три сказания» погрузилась в глубочайшее безмолвие.

3

Принц солнечного света

Когда-то, в забытые ныне, пусть и не столь далекие времена, существовал Кармеам. Этай-ния сегодня стоит ровно в его центре. Войны соседних пределов сюда не докатывались, однако вскорости все изменится.

Я напрягся, удерживая грани восприятия, рождающие все больше образов. Первое плетение, связывающее посох с огнем, продолжало действовать, источая свет, и по стенам таверны понеслись длинные тени. Вперед двигались огромные призрачные армии, и публика испустила дружный долгий вздох.

В Кармеаме жил самый обычный мужчина, крепкий духом и сильный разумом. Звали его Антуан.

Трудился он вдвое больше и усерднее, чем его собратья, и никогда не помышлял о большем. И возиться ему в поле до конца жизни, когда бы не твердость воли.

Солюс – наше солнце – заметил юношу и долго за ним наблюдал. Полюбил он парня, хотя смотрел издали и в жизнь его не вмешивался. Подползала Война Теней к границам Кармеама, а великий Солюс все ждал.

Не лучшее было время для ожидания. Ужасное время.

Десять Теней, известные тогда как Дез Умбрас, перворожденные, те, кого позабыли, вновь вернулись в наш мир и укоренились в сердцах и умах многих людей, подталкивая их к ненависти и захватническим войнам. Брат шел на брата. Воспылали короли жадностью, и захотелось им новых земель.

Десять теней выросли на стенах таверны, заняв все пространство – от пола до потолка, и не было человека в зале, который их не заметил бы. Боязливые придвинулись поближе друг к другу, а кое-кто в страхе отвел глаза.

Не разбирали мечи, где высокородный, а где простолюдин. Каждый в те дни познал простую истину: кровь из ран течет одинаково – что у тех, что у других. И землю окрашивает в один и тот же цвет.

Я сделал шаг к первому ряду, и тени, потянувшись вслед за мной, закружились над головами зрителей. Раздалось несколько криков ужаса. Моя воля изменила цветовой фон на гранях восприятия, окрасив пламя в очаге, и зал наполнил кроваво-красный свет.

Бушевала битва, пропадали воины в сгустившейся над землей кровавой ночи. Кто-то пал, души иных были искорежены и вывернуты; переставали люди быть людьми. Становились теньями, голодными пустобрюхими чудовищами. Никакие жертвы не могли насытить детей Дез Умбрас. Только смерть, только уголь и пепел, в которые превращались королевства.

Итак, взор их вскоре упал на Кармеам.

День, изменивший жизнь Антуана, начался как и любой другой. Проснулся молодой человек еще до зари, оделся и, решив осмотреть свое поле, вышел из скромного домика. Его сладко поцеловал холодный утренний воздух, благословляя на трудовой день. Улыбнулся Антуан и дунул в небо, смешав дыхание с ветром, – поблагодарил стихию.

Погода держалась сухая и теплая. Отличный день для работы в поле!

Шел день Антуана как обычно. Встав на колени, погрузил он пальцы в жирную землю, что послал ему Господь.

– Благодарю вас, соль, песок и глина, за плодородную почву, созданную вами на поверхности земли!

Перевел Антуан взгляд на колосющиеся хлеба и продолжил:

– Благодарю тебя, Господь, за то, что имею, за то, что позволил мне возделывать это поле и держать здесь ферму.

Подняв взгляд к небу, молодой человек восславил солнце, которое, хоть и не вышло еще из-за горизонта, уже щедро дарило любовь и надежду.

– Благодарю вас, свет и тепло мира нашего, за то, что дали мне настоящую жизнь. Позвольте же мне отплатить еще одним днем усердного труда и обильными всходами.

И Антуан твердо держал обещание.

На Кармеам опустился вечер. С сумерками на поле Антуана появилась юная женщина.

Я сдвинул назад одну из граней восприятия, и тени ушли со стены. Легкое движение посохом – и их место занял силуэт закутанной в мантию женщины.

Закончил молодой человек свои труды и двинулся было передохнуть в хижине, однако остановился, поджидая девушку, одетую в свободные ниспадающие одежды. Незнакомка откинула капюшон, явив Антуану личико, несущее на себе теплый бронзовый поцелуй солнца. Самая светлая и прекрасная в мире женщина!

Звали ее... Этайния, и суждено ей было стать праматерью страны нашей, страны выносливых и крепких людей, и по сей день наш край носит это имя. И живут тут люди, рожденные морем и солнцем. Гордый народ, храбрый народ. Глубоко в себе несла нежная и добрая Этайния внутренний огонь, дарованный солнцем, и все свои лучшие качества передала она будущим поколениям. Но сперва поделилась ими с единственным человеком, которого полюбила.

Несла в руках девушка узелок с едой. С тех пор и все последующие годы кормила она любимого в поле, когда его трудовой день переходил в ночь.

– Боюсь я, Антуан, – как-то сказала она, и молча взял молодой человек девушку за руку. – Отец мой недавно заехал далеко в погоне за своим стадом и слышал, как купцы на границе говорят, что идет война. Уверены они – не остановить ее.

Вновь промолчал Антуан, утонув в тепле мягких карих глаз любимой.

– После ездил отец на юг, спрашивал на побережье людей, что плывут с той стороны, не смогут ли они помочь нам. Ему ответили – нет. Тешат себя надеждой, что войне не пересечь море Аррит, так что беспокоиться не о чем и помогать незачем.

Сжала Этайния руку любимого в надежде, что найдется у того ответ, способный утолить боль ее сердца.

Отужинав, задумался Антуан над словами Этайнии.

– Придет война в наши края. Когда случится это, у людей Кармеама останется лишь два выхода: уплыть через море в новые земли и молиться, что не последует война за ними, или же принять бой.

Внимала Этайния любимому, не говоря ни слова в ответ.

– Я... не самый сильный человек. Однако, если зайдет тень в наши солнечные земли, отложу в сторону серп и возьму в руки меч. Грудью встану перед морем тьмы и отгоню ее от тебя. Клянусь!

Антуан ласково взял девушку за подбородок и, наклонившись, крепко поцеловал.

В тот вечер любящая пара желала друг другу спокойного сна в страшной тревоге. Что принесет с собой рассвет? Оба знали: если на мир опускается тень – значит, за ней придет и тьма. И хоть оба в разговоре высказывали надежду и являли бесстрашие, все ж боялись, что тьма поглотит свет их земли.

Антуан отправился в постель, возблагодарив солнце за еще один отпущенный им ясный день. На этот раз благодарностью он не ограничился – попросил у солнца совета:

«Что мне делать, когда придет тень? В разговоре с Этайнией не выказал я страха, но тут нужен воин, мечник. Мои же руки приспособлены не к мечу, не к щиту, а к лопате да мотыге».

Не знал Антуан, что мольбы его вознеслись в ночи и достигли ушей единственного существа, которое только и могло помочь.

Тень Этайнии, вылепленная мною для зрителей, растворилась, а вместо нее на стене появился силуэт высокого мужчины в плаще и капюшоне. Фигура сгорбилась, нависла над передними рядами зрительного зала, и кое-кто отпрянул, ощутив на себе ее взгляд.

Возникший на пороге дома Антуана незнакомец походил на нашего героя едва ли не как родной брат. Правда, черты лица и сама фигура у Антуана были потоньше. Человек же в дверном проеме сложением отличался крепким и лицо имел твердое. В глазах его во тьме ночи ровным светом горели огоньки. Подстрижен гость был коротко, словно солдат, и бороду носил аккуратную, расчесанную.

– Прости, друг, заблудился я. Увидел поле, а посреди него – твой домик. Прошу у тебя помощи: нужны мне кров и еда, если найдется, и, если не жалко – хорошая история на ночь.

Никому в помощи не отказывал Антуан и посторонился, пропуская странника в хижину.

– Двери мои открыты для всех, кто называет эти земли под солнцем своим домом. Вижу по лицу твоему и одежде, что ты местный. Прости меня и ты, но не могу тебя припомнить.

Повесил юноша плащ незнакомца на стул подле обеденного стола.

– Спасибо, – поблагодарил его странник. – На самом деле видишь ты меня каждый божий день, Антуан. Присматривал я за этими землями, когда тебя еще на свете не было. И буду присматривать за ними до скончания веков.

Присел гость прямо на пол у очага. Похоже, сейчас что-то будет, решил Антуан.

Я тронул грани материи разума, приказав пламени в очаге умерить свой жар, и таверну начала заволакивать темнота. Публика сбилась в кучки, стараясь держаться поближе к мерцающему огоньку на рукояти моего посоха.

Тяжело сглотнул Антуан, теряясь: как воспринимать слова незнакомца? Кров он человеку предложил и свой долг гостеприимства намерен был исполнить. Собрав кое-какую пищу, молодой человек принес ее гостю.

– Нет у меня больших запасов – беру с поля то, что поспело, однако этого едва хватает, чтобы утолить голод.

– Знаю. Остальное приносит твоя милая Этайния, – кивнул гость.

– И что еще тебе о ней известно? – насупился Антуан.

– Все, – коротко ответил незнакомец, приняв пищу из рук хозяина.

Отпрянул Антуан, когда коснулся тот кисти его. Снизло на юношу подлинное тепло, что рождается, когда солнце встает в зените. Проникло тепло в грудь, толкнулось в сердце и заставило Антуана замереть на месте. Внутри у него словно расцвел цветок, и он ничего не мог с этим поделать. Заплакал – непонятно почему. Стоял молодой человек вне себя от волнения; поднялся гость и встал рядом с будущим героем.

– Вижу я все и всех, за всем на свете наблюдаю. Знаю, о чем думает народ мой, помню его привычки. И чувствую, у кого доброе сердце, а у кого – нет. Не странник я, заблудившийся в ночи, Антуан.

Воздел гость руки над головой.

Я ударил посохом в деревянный пол и, не успело стихнуть эхо удара, создал новое плетение:

– Ан...

Мой ум сосредоточился, нарисовав картинку вонзенного в землю стержня. Сработало... Посох встал как влитой. Я вернулся к граням восприятия, удерживающим образ огня, и раздул его воображаемым дыханием.

Исходил от него золотистый свет, разогнавший сгустившийся в доме Антуана сумрак. Уняла все боли золотая дымка, смягчила кожу и омыла тело Антуана необычайной волной успокоения и радости.

Я мысленно подпитал огонь, раздув его в яркий, подобно солнцу, шар. Он все рос, пока не стало больно глазам, и сидящие в зале заслонили глаза руками.

Съежилось светящееся облачко, слегка потускнело и сосредоточилось вокруг фигуры гостя, но по-прежнему источало невиданную силу, то и дело выстреливая в стороны теплыми языками. Могучее тепло, готовое в любой миг вырваться наружу, затаилось в теле незнакомца.

Я слегка ослабил волевое усилие, державшее плетение света, и позволил огненному шару потускнеть. Зрители, приоткрыв прищуренные глаза, с облегчением выдохнули.

Пал Антуан на колени и поднял взгляд на гостя своего. Тот уже нисколько не походил на усталого странника.

Заострились черты лица его, глаза засияли, как два маленьких солнца, выбрасывая яростные оранжевые, подернутые желтизной всполохи. Прозрачные язычки огня сплелись над головой, подобно тонким прядям, и образовали корону. Словно растаяли дурно сидящие одежды, и появились из-под них заблиставшие лучами утренней зари доспехи – словно каким-то образом раздобыл незнакомец несколько кусочков солнечной кроны.

Теперь я сосредоточился на одинокой тени странного незнакомца, которую ранее оставил на стене таверны. Излил мысленное усилие на грани восприятия, создавая новые образы. Переместившись к стене, возложил руку на темную фигуру гостя Антуана, и его силуэт впитал длинную ленту огня, сорвавшегося с моего посоха. Я беззвучно произнес формулу плетения, перемещая мысленную картинку в реальность:

– Ал...

Пламя выметнулось из рукояти посоха, словно его более ничто не сдерживало.

– Ан...

Огненные всполохи ударили в стену.

Толпа ахнула, а Дэннил издал возмущенный крик. Держу пари – трактирщик видит, как его заведение превращается в пепел.

Разумеется, ничего подобного не случится. Я продолжил действие еще двумя формулами:

– Вент... Эрн...

Языки пламени окутали фигуру незнакомца, придавая моим словам правдоподобия. Глаза таинственного гостя превратились в лужицы огня, на голове появилась пылающая корона, а в груди словно вспыхнуло солнце. Я вернулся к повествованию.

Застыл на коленях Антуан, пытаясь найти нужные слова, и не нашел ни одного.

Протянул ему руку золотой незнакомец:

– Встань!

Подчинился Антуан.

– Кто ты?

– Я – Солюс! Я тот, кто стережет рассвет твой, тот, кто возжигает огонь в сердце твоём. Я тот, кто облегчает бремя твоё, когда не чувствуешь ты в себе сил нести его. Я – утреннее солнце, я – свет. Путник, которого без страха впустил ты в свой дом, проявив доброту и внимание, – это тоже я. Ты мне нужен, Антуан.

– Я? – удивленно переспросил юноша, и Солюс кивнул.

– Каждое утро пользовался ты щедростью моей, нес жизнь хлебам своим, впитывал силу телом своим, а теперь должен послужить мне. Наползает тень на наши земли. Был я во многих местах, однако дом твой – самое важное из них. Сосредоточена здесь мощь моя. Здесь процветаешь ты, дитя мое, и так будет. Если исполнишь просьбы мои, придут за тобой сюда дети твои, – добавил Солюс. – Тревожишься ты, что руки твои не выдержат ни меча, ни щита. Выдержат, говорю тебе я. Опасаешься ты, что в сердце твоём недостаточно пламени, чтобы развеять мрак. А я говорю – ты сможешь. Беспокоишься ты за Этайнию, боишься, что поглотит ее тьма. Не поглотит, говорю я. Ранее жил ты в благодарности к Солюсу своему, так будешь ли служить верно в этом испытании?

Пропал страх из сердца Антуана. Воспитанная веками преданность господину затопила его душу и умножила силы. Блеснули в глазах его огонь и металл.

– Буду!

Вновь кивнул Солюс. Не наградил он улыбкой Антуана, ибо наперед знал, *что* ответит тот, и видел перед собой путь, которым пойдет его сын, его воин.

Возложив руки на плечи юноши, заговорил Солюс твердо и громко, как подобает царю небесному:

– Да будет так! Антуан из Кармеама, нарекаю тебя десницей своей, мечом и щитом, что выступят против тьмы и отбросят прочь ее. Отодвинешь ты от нашего порога Дез Умбрас, где бы ни встретил их. Станешь ты Принцем солнечного света, моим избранником. Пока с небес сияет солнце, не найдется равных тебе в силе и стойкости, и будешь ты становиться с каждым часом все крепче под светом моим. Не одолеют тебя ни усталость, ни страх. Ни один враг не сумеет поразить тебя. В час, когда солнце заходит, силу твою сохранит лунный свет, хотя расти при луне и не сможет она. Луна ведь тоже питается сиянием моим. Станем мы следить за тобой день и ночь.

Наполнилось тело Антуана огнем. Охватило пламя кожу, пронзило мышцы и сухожилия, проникло до мозга костей. То самое пламя, что обжигает очищенное железо, превращая его в расплавленные сверкающие лужи, и создает новую и более прочную сущность. И переродился Антуан – теперь готов он был служить господину своему.

Больно было, однако терпел Антуан, зная, что подобная боль – не самая большая цена за честь получить доспехи, которые позволят ему спасти страну. Еще вчера был он высок и худощав, а теперь же мог похвастать мышцами, способными посрамить самого могучего кузнеца. И понял Антуан, что господин его не покривил душой. Эти мускулы не ослабнут, эти руки разрубят надвое любое препятствие – дай только меч. Плечи вынесут любое бремя и удержат самый тяжелый щит – он станет оплотом против сил тьмы.

Повелитель утреннего света снял с груди своей золотую пластину и протянул ее Антуану.

– Это кожа моя, она тебя защитит, а свет мой убережет твое сердце.

Он пристегнул пластину к груди юноши, подумал – и надел на него еще солнечной брони. Облачал он Антуана бережно, с любовью – как и подобает отцу, одевающему сына. Закончив, хлопнул в ладоши, и между ним и его воином разлился небесный свет.

Заструился золотой поток сквозь пальцы его. Солюс то сжимал их, то разжимал, не переставая напевать оду небесному свету, а сам сплетал золотые лучи в нечто чудесное. Наконец вырос из них сияющий меч. Простой клинок наполнен был силой, от которой мерцал воздух.

– Это Ланция де Рейл, Заклинатель луча. Мой тебе дар, который поможет отбросить подползающую тень, – объяснил Солюс, передав Антуану меч.

Задышавшись от благоговения, юноша принял оружие, и сила сияющего клинка пронизала его с головы до ног.

Я отвел световой конус от фигуры Солюса и с помощью граней восприятия принялся создавать новые плетения. Прошептав несколько слов, собрал пламя в подобие узкого копья и выдернул его из стены. Теперь оно сияло над головами публики, словно луч чистейшего солнечного света.

В толпе раздался шепот; несколько человек в страхе отпрянули. Храбрецы же, напротив, потянулись к источаемому копьем свету, однако замерли, не тронув пламенеющее щупальце.

На том Повелитель рассвета не закончил. Оружие для поражения зла передал он юноше, теперь надлежало снабдить его щитом, который уберег бы народ от тьмы. Снова сплел Солюс свет и воздух – и возник у него в руках огромный изогнутый щит в форме солнца. Не было у него имени, однако излучал он ту же силу, что и меч.

– Ни одна тень за этот щит не проберется. Скроешься за ним – сохранишь и жизнь, и рассудок. Считай, что ты за нерушимой стеной солнечного света. Теперь ты готов. – Солюс, Свет

несущий, обхватил ладонями лицо Антуана и коснулся его лба своим. – Прости, что обрекаю тебя на такую судьбу, но нет человека более достойного, чем ты.

Ничего не сказал Антуан, лишь на миг закрыл глаза. А когда открыл – Солюса уж не было. Однако Повелитель рассвета юноше не приснился – вот доспехи, вот щит, вот меч. И Антуан применит их как должно.

Ибо тень уже пала на Кармеам.

– Так. Рох...

Огненное копье, висевшее над головами зрителей, мигнув в воздухе, погасло, а пламя переместилось в то место, что я назначил ему в уме: в рукоять моего посоха. Ток воздуха, что я к нему привязал, никуда не делся и вновь стал проводником для огня. На этот раз огненного шара не будет. Сплетем кое-что поскромнее – маленький конус света, который можно задуть неосторожным выдохом. Таверна «Три сказания» погрузилась в темноту, которую едва рассеивала горящая свеча в моей руке.

Тени накатывали тяжелыми волнами темноты, безжалостно обрушиваясь на самые отдаленные земли. Множество мужчин и женщин пало жертвами Дез Умбрас. Их сущность вывернулась наизнанку, и стали они орудиями тьмы, призраками, пошедшими против собственных семей и приятелей своих.

Я добавил теней. Несложный трюк – достаточно рук и слабенького огонька, и вот уже по стенам маршируют темные армии.

Посреди океана черноты поднялся один воин и выкрикнул боевой клич – был то Антуан.

Я ослабил плетение, удерживающее вертикально мой посох, и, выдернув его из пола, устремился в самую гущу зрителей. Толпа расступилась, и я встал в другом конце таверны, удерживая в руке огонь, а вокруг плясали тени.

Как и обещал Повелитель, Антуан пробивался сквозь тьму, не ведая усталости. Сиял меч его со всей мощностью солнечного света, ослепляя врагов, а наш герой рубил их в капусту. Щит воина отражал удары призрачных лап, сжигая их при каждом прикосновении. Антуан был единственным оплотом, удержавшим силу темного прилива. Мощь его росла от рассвета до полудня, когда достигала пика, а по ночам поддерживал ее лунный свет.

Я резко взмахнул посохом, словно воин, делающий выпад в сторону врага. В воздухе вспыхнула огненная дуга, зависла на мгновение и погасла.

Неважно, какое из светил висело в небе, – с мощью Антуана черные силы совладать не могли. Наш неустрашимый сияющий воин появлялся там, где тень сгущалась пуще всего. Он гнал тьму от деревни к деревне, не зная ни сна, ни отдыха, и шли по стране слухи, что не нужны ему ни сон, ни еда.

Снова направив луч воли на пламя, я раздул его до размера человеческой головы, показав публике, как светился герой моего сказания.

Прошел год, но тень продолжала упорствовать. Антуан – Принц солнечного света – держался крепко и бился отчаянно.

Все переменялось, когда в битву при Кармеаме решил вмешаться самый великий из Десяти Теней – Умбрас Безликий. Подлинное порождение тьмы воплотило в себе ужасы ночи. Прошел Умбрас по свежей траве, и обратилась она под его ногами в соль и пепел. Из мира ушли краски жизни.

Я позволил свету потускнеть и, вернувшись в переднюю часть зала, приступил к новому плетению. На стене таверны возникла колоссальная тень. Она все росла и росла, пока ее голова не уперлась в потолок. Сгорбившись, тень нависла над залом; полы ее черной мантии опустились на передние ряды.

Заплакал ребенок, кто-то издал гневный выкрик, а из другого угла послышалась молитва великому Солюсу. Прочие зрители затаили дыхание.

Некоторое время я намеренно не нарушал повисшую в таверне тишину, дав налюбоваться пугающей тенью, затем напомнил о своей истории. Раздув огонь на рукояти посоха, позволил тени съезжиться. Пламя разбавило тьму, и в толпе вздохнули. Я возобновил рассказ.

Встав стеной перед темнейшей из теней, Антуан направил сияющий меч ей прямо в горло.

– Убирайся, Умбрас! Уходи и прихвати с собой тьму, смерть и отчаяние! Нет тебе места в нашем мире! Окажешься на его краю – прыгай вниз, избавь нас от мерзости!

Умбрас стоял перед ним, черен как ночь. Окутался он темным ветром, поглощавшим малейший проблеск света. Все же он не поднял лапу для удара, а протянул ее для рукопожатия, словно другу. И воззвал к Принцу солнечного света:

– Не тому господину служишь! Не ведаешь ты правды! Вот тебе рука моя! В ней мощь, с которой не сравнится твоя сила. Предлагаю я истину тебе и свободу от ослепляющего света лжи. Призываю тебя покинуть лжеца и шарлатана, лишь играющего в Господа. Связал он тебя и жизнь твою светом и воздухом, разорвав величайшее из плетений. Не знаешь ты, что творишь! В твоих силах все изменить. Примкни ко мне!

Не поддавшись сомнениям Антуан, поднял меч, призвал свет и первый удар посвятил господину своему, Солюсу. Размахнувшись, вонзил он клинок в черную мантию Умбраса.

Я взмахнул посохом, подражая выпаду Антуана, и ткнул им в сторону колоссальной тени.

Увы, удар цели не достиг.

Сияющий клинок не смог пронзить черную завесу, окутавшую силуэт первой среди теней. Однако Антуан нес в себе свет самого солнца, поэтому и не думал сдаваться. Он делал выпад за выпадом, воссияв столь же ярко, сколь и его господин.

Каждый обитатель Кармеама видел это столкновение между светом и тьмой. Рвалась и трещала сама ткань мироздания, когда сражались две небесных силы и среди бела дня опускалась ночь.

Я сдвинул в сторону все грани восприятия, кроме той, что держала огонь на рукояти посоха, и озарил оранжевым огнем самые дальние углы таверны, словно солнцем рассеяв тьму. Тени заплясали вокруг яркого пятна, угрожая поглотить его без остатка.

Бессильно лизнула тень золотой щит Антуана; тот сделал выпад, и Заклинатель луча встретил непроницаемую черную стену. Темная пелена отбросила в сторону неудержимое острие сверкающего меча.

Так бились они день и ночь, и все это время над Кармеамом висели сумраки, что бывают в предрассветный час. Каждый из противников старался взять верх. Кровоточила тьма черной кровью, а золотой свет пытался отодвинуть наползающую на него тьму.

Отклонившись назад, я с размаху ударил концом посоха в темную стену. Пламя, подчиняясь моей воле, то угасало, то вспыхивало вновь. Замах, выпад... Я вновь и вновь повторял движения, воображая, как обмениваются ударами два противника. Огонь против тени...

Однако ни один из врагов так и не был повержен.

Ни один не утомился.

– Сдайся! Ничего мы с тобой не добьемся этой схваткой. Сдавайся, глупый сын света! Не желаешь войти в тень – уступи дорогу! Не губи жизнь свою.

Остановился Умбрас и вновь протянул лапу, искушая Антуана, и вновь тот отверг ее:

– Нет! Если поступлюсь я клятвами, сложу оружие, забереешь ты больше, чем я в силах отдать. Забереешь ты не только дом мой, но и сердце, что не защищено золотым доспехом. Мою Этайнию... – договорил Антуан, и в глазах его сверкнул огонь.

Умбрас быстро отступил на шаг.

– Раз так – я получу лучшее из двух сердец, изолью на него истину, и оба вы окажетесь в моей власти.

С этими словами величайший из Дез Умбрас исчез.

И захватил он Этайнию, и поднялся с ней на вершину холма, где сражался с Антуаном.

– Заклинаю тебя утром: сложи оружие и уходи. Заклинаю вечером: уходи, заверши свой бесполезный поход против тени. Заклинаю тебя ночью: позволь свету исчезнуть!

Вцепившись Этайнии в горло, Умбрас поднял ее вверх на глазах Антуана.

Наш герой не ответил, лишь запрокинул голову и послал рык в небеса, который наверняка услышал великий Солюс. Антуан бесстрашно прыгнул вперед, вонзил свой меч в темное чрево Умбраса и забросил щит на спину, удерживая клинок обеими руками.

Держалось стойко темное создание, упрекая Антуана за безрассудство; затем махнуло когтистой лапой. Только целил Умбрас не в грудь Принца солнечного света, а в его настоящее сердце – Этайнию. Однако и Антуан был не промах. Успел он бросить щит любимой своей, ибо было обещано ему, что сдержит щит любую тьму.

Так и вышло. Ослеп темный властелин, ударив по щиту, и вновь бросился на него Антуан.

Взвыл Умбрас, пытаясь ухватить юношу за горло. Щита при нем теперь не было, и отразить касание черной лапы оказалось нечем. Впились темные когти в плоть героя и рвали ее, впуская внутрь тьму.

Но глубоко в груди Антуана запылал могучий огонь, ибо узнал он правду мира: для того чтобы ударить тень, следует открыться перед ней. Отбросив щит, Антуан заставил Умбраса совершить роковую ошибку. Покуда исчадие тьмы держало нашего героя – оставалось оно уязвимым.

Удар у Антуана вышел безупречным, и погрузился клинок его прямо в сердце тьмы, наполнив чрево Умбраса золотым светом. Сорвало с короля теней черный плащ, и улетел он, словно подхваченный ураганом.

На этот раз я ударил посохом в стену таверны, словно вознамерившись прожечь ее насквозь. Пламя не оставило следа на кирпичной кладке, зато разогнало плясавшие по ней тени.

Но не ушел просто так Умбрас.

– Глупец! Проклял ты мир! Ослепнув от любви, выжег каленым железом истину и спасение, – с последним вдохом взвизгнул демон, стиснув горло Антуана. – Так сгинь во тьме неведения! Я тебя приговариваю! Не увидишь ты больше света, и поглотит сущность твою темнота, ослепнешь ты и в темноте умрешь. Оставляю тебе отныне лишь ночь!

И Умбраса Безликого не стало. Исчезли с его гибелью Десять Теней, и оставили они в покое этот мир.

Я оттолкнулся от стены, воздев посох, и заставил огонь разгореться ярче. Еще выдох – и на рукояти запылал факел, а затем расцвело солнце.

Антуана не одолела слепота, как было ему предсказано, и все же победа обошлась ему дорого. Наш герой склонился над своей любимой – та едва дышала. Тень пронзила горло девушки и отняла голос. Смертельной оказалась рана, и Этайния знала, что ее ждет.

Не медлил Антуан: прижал он губы ко рту любимой и поцеловал долгим и глубоким поцелуем, выдохнув в нее весь огонь, все тепло, что способен был породить Принц солнечного света.

– Люблю тебя! Когда умру – сольюсь с огнем отца моего, буду следить за тобой с небес и отгоню любую тьму.

Разомкнула губы она и заключила любимого в объятия:

– Знаю...

И Антуан из Кармеама, Принц солнечного света, муж Этайнии, в честь которой названа эта страна, покинул бренный мир.

Углубившись в свое сознание, я изучил каждую из бесчисленных граней разума, каждую складку между ними. Выйти из измененного состояния для меня не представляло никакого

труда, и мало-помалу вера и созданные ею плетения начали уходить. Ум расчистился и опустел, уподобившись гладкой поверхности пруда в сезон весенних оттепелей.

Сплетение огня и воздуха, моргнув последний раз, исчезло, а с ним погас и пылающий очаг – языки пламени сперва съезжились, а затем вовсе пропали.

Таверна погрузилась в безмолвие и темноту.

На этом рассказ завершился.

Я глубоко надвинул капюшон – не следует никому видеть мое лицо – и заплакал.

4

Песнь и ложь

Сказание давно закончилось, а в таверне все висела тишина, окутавшая публику почти осязаемой тонкой пленкой. Настолько тонкой, что разорвать ее можно было одним дуновением. Разок выдохнешь – и на зал обрушится лавина звуков.

Кто-то из зрителей сидел, прижав ладонь ко рту, кто-то протирает глаза. Историю, рассказанную мной, они знали и помнили, что случится в конце; и все же никто не сомневался, что я заставлю трепетать сердца. За это меня и любили. Легенда об Антуане дала собравшимся то, в чем они нуждались, – надежду на окончание смутных времен. Каждому хотелось верить, что далекие беды обойдут его дом стороной. А если нет – защитник, подобный Антуану, обязательно появится у порога и отгонит тень. По общему мнению, такие герои существовали. Не могли не существовать.

Одна из девушек в передничках завозилась в темноте, разжигая свечи.

Улыбнувшись, я тихонько пробормотал еще пару формул:

– *Так... Рох...*

Грани восприятия моего разума отразили огонек свечи, и я сплел ткань пространства, соединив между собой горящий фитилек и потухший очаг. Отрывисто щелкнул сучок, и пламя, вспыхнув за моей спиной, бросило на зал оранжевые отблески.

На том и завершился последний акт.

Вернулось солнце, вернулось тепло, и занавес тьмы поднялся.

Таверна словно взорвалась. Люди, что в темноте плакали в кулачок, теперь рыдали в голос, другие кричали «Браво!». Мужчины с бессвязными возгласами поднимали кружки и бутылки, женщины аплодировали, кто-то сидел с угрюмым лицом.

Я не сошел с места. Ждал, пока утихнет общий шум. Как только в зале наступила относительная тишина, я направился к стойке бара, молча кивнув Дэннилу. Разговаривать после подобной истории казалось едва ли не кощунством. Да и что можно выразить словами после такого представления? Облокотившись о стойку, я бросил взгляд в зал, отметив, что несколько посетителей не сводят с меня глаз.

Дэннил, протиравший пустой стакан, тоже уставился мне в лицо. В таверне было шумно: люди разговаривали, звенели бутылками и стучали по столам, однако в зал вновь вполз тонкий ручеек безмолвия, протянувшись от меня к Дэннилу.

Взяв под мысленный контроль связующую нас нить тишины, я приподнял уголки рта в легком намеке на улыбку, а на лице Дэннила вновь появилась маска невозмутимости, которую он надел при первой нашей встрече.

Молчание длилось долго, и народу оно пришлось не по вкусу.

– Черт, скажи хоть слово! Поговори со мной, приятель! – хлопнул меня по спине один из завсегдатаев.

– Вот тебе и оплата за мой эль, и даже сверх того, – во весь рот улыбнулся я трактирщику.

Глянь я на себя в зеркало – наверняка увидел бы, как в глазах плещется свет.

Дэннил откинул голову и расхохотался:

– Что взять с чертова лицедея! Жди здесь.

Цокая языком, он отошел от стойки и исчез за дверью у лестницы. Вернулся быстро, держа в руке маленькую чашку – похоже, что фарфоровую. Над ее ободком поднимался пар.

– Чай, который ты давеча просил, – подмигнул он.

Пересилив желание фыркнуть, я принял чашку с благодарным кивком. Цвет напитка был неопределенным – нечто среднее между сосновой древесиной и сахарной патокой. Я поднес чашку к губам и долго дул на жидкость, остужая ее перед первым глотком.

Кстати, надо сказать, что в Этайнии особого пристрастия к чаю не питали. Интересно, почему, подумал я, ощутив во рту вкус меда и гвоздики. Впрочем, напитку слегка недоставало аромата, который дают особые специи, напоминающие мне о местах далеко на востоке. Порой – в душевном порыве – называю их домом. Ну да ничего.

Не выпить чаю – значит обидеть хозяина.

Сделав глоток, я поставил чашку на стойку.

– Я ведь не случайно сюда забрел, Дэннил. Кое-что ищу.

Мои слова заставили тишину зазвенеть натянутой струной, возбуждая любопытство толпы.

– Что именно?

Трактирщик не глядя забрал у посетителя кружку. Плавнo переместившись к бочонку, с грацией, способной посрамить профессионального танцора, он вновь наполнил ее до краев.

– Кабы знать, – вздохнул я, сдержав улыбку. Любопытная публика была явно разочарована. – В любом случае мне бы где-то переночевать. Не знаешь ли ты достойных таверн, интересующихся представлениями вроде сегодняшнего?

К чести Дэннила, он не задумался даже на секунду. Вытянул кошель и, положив на стойку две бронзовые монеты – каждая величиной с человеческий глаз, – двинул их ко мне.

Не выказав удивления, я глотнул еще чая. Две септы – не самый фантастический для меня гонорар, хотя и несущественной эту сумму назвать тоже нельзя.

Впрочем, порой ценность благодарности зависит от того, кто именно тебя благодарит и что он готов для тебя сделать.

Каждая септа равняется семидесяти битам. Многие из тех, что толпятся сейчас в таверне, таких денег и за сезон не заработают. А если и заработают – потратят на самое необходимое, а в кубышку ничего не попадет.

– За что так много? – на секунду заколебался я.

– За сегодняшнее зрелище. – Дэннил сдвинул монету на дюйм обратно, добавив легкой театральности. – И за обещание повторить представление. Твоя комната – третья слева, под самой крышей. Имей в виду – это лучший номер, что у меня есть.

Он бросил на меня многозначительный взгляд. Дело ясное: от меня ждут продолжения.

– Повторить можно, – согласился я, накрыв ладонью его кисть. – Только, боюсь, не за ту цену, что ты предлагаешь.

Мое лицо превратилось в мрачную маску, по сравнению с которой недавняя каменная физиономия Дэннила показалась бы донельзя веселой.

Вокруг все замерли.

Выждав несколько секунд, я улыбнулся:

– За представление я беру септу, а вторая пойдет в оплату за напитки, которые сегодня выпьют замечательные посетители твоей чудесной таверны.

Зал разразился аплодисментами и выкриками: «Слава сказителю!»

Заставить зал полюбить тебя – настоящее искусство, едва ли не более сложное, чем умение рассказывать легенды. Зритель должен понимать, что его ценят. Для сказителя это задача несложная, а для любого человека значит очень много.

Ибо что это за мир, в котором нет уважения, что за мир, в котором люди ничего не стоят...

Аплодисменты стихли, и на меня уставились глаза самого прекрасного в «Трех сказаниях» создания. Сейчас она не напевала, однако музыка осталась с ней. При каждом шаге ее

браслеты издавали легкий мелодичный перезвон, пробивающийся яркой вибрирующей нотой сквозь общий гомон. Очень необычно. Меня невольно к ней потянуло.

Я сверкнул из-под капюшона ослепительной улыбкой, и женщина на нее тут же откликнулась:

– Щедро...

Всего одно слово, а музыки в нем куда больше, чем в иной песне.

– Ко мне твое предложение тоже относится?

Изогнув черную бровь, она приподняла уголки губ, однако обещанной ими улыбки я не дождался.

– А как же! Дэннил, этой даме – все, что она пожелает. – Повернувшись на табурете, я откинул капюшон и взглянул на певицу. – Ужасно, что я не знаю твоего имени.

– Что ж, мне жаль, но придется тебе на некоторое время смириться с этим неприятным ощущением. – Она нахмурилась. – Кстати, я рассчитываю на новые сказания, только пусть они будут не хуже сегодняшнего. Хотя, боюсь, больше у тебя в запасе ничего не найдется. – Она сверкнула сочувственным взглядом из-под длинных ресниц и положила руку мне на плечо.

– И мне жаль. Жаль, что не расслышал, как тебя зовут. – Я сжал ее пальчики в своей ладони.

Женщина быстро высвободила руку и сделала несколько скользящих шажков назад, проведя пальцем по поверхности стойки.

– Не припомню, чтобы я его вообще произносила. – Певица подарила мне широкую, исполненную внутреннего жара улыбку, замурлыкала какой-то мотив, и мои вопросы испарились сами собой. – Все же, вполне возможно, свой шанс ты получишь, – добавила она с лукавым взглядом.

Подошел Дэннил и поставил перед моей собеседницей хрустальный бокал с плескавшимся внутри светлым янтарным напитком. Наверняка знал ее предпочтения.

Я сделал мысленную зарубку – на память.

– Благодарю, Дэннил, – произнесла она, не сводя с меня глаз, и сделала несколько глотков.

Странно, но пены на ее губах не осталось – похоже, она к ним не липла.

Рядом остановился мужчина. Пошатнувшись, он случайно толкнул меня в плечо.

– Песню... – Незнакомец оглянулся в поисках поддержки. – Песню, песню! Давай же! Сказание мы уже послушали – прекрасную, настоящую историю. Так красиво ее еще никто не рассказывал. Почему бы не сопроводить легенду хорошей мелодией? Что-нибудь поживее, чтобы у нас высохли слезы.

Я невольно вцепился в деревянную стойку и едва сдержался, чтобы не осадить парня.

Продолжая смотреть мне в лицо, певица снова отступила назад.

– Похоже, шанса тебе придется подождать. – Она двигалась изящно, словно молодой лист под легким ветерком. – Разве я вправе после такого сказания отказать им в песне?

То ли вопрос, то ли не вопрос... Взглянув в ее смущенные глаза, я увидел в них правду.

Мы оба знали правильный ответ.

Я устроился удобнее, ожидая музыкального представления.

– Если желаешь, могу предложить тебе что-нибудь покрепче чая. Мой напиток внесет покой в твои мысли. Поверь, сказитель, услышав, как поет эта птичка, ты обязательно захочешь выпить. – Дэннил по-дружески пихнул меня в бок.

Однако я отмахнулся. Зачем отуплять свой разум? Если голос певицы столь хорош, как обещают, я хотел запомнить каждую ноту.

Она грациозно шагнула в центр зала, заняв мое прежнее место, и звон ее браслетов уладил мой слух. Еще шагок – быстрый и твердый. Снова звон – ясный и чистый, задающий ритм.

Посетители прервали свои разговоры и обратили внимание на певицу. Та замурлыкала без слов – протяжно и низко, и шум в таверне стих окончательно.

Переливы ее голоса заставили меня задрожать. Я весь трепетал в ожидании чего-то большего. Певица задела во мне душевную струну. Магия... Почти магия.

И вдруг мелодия прервалась.

Внезапная пауза меня потрясла. Позвоночник пронзило болью, заслезились глаза. Почему она остановилась? Оглянувшись, я заметил тот же самый вопрос в глазах зрителей.

Впрочем, певица почти сразу продолжила выступление. На ее губах заиграла лукавая улыбка. Выходит, она просто дразнит публику! Словно на миг лишает замороженного зрителя дыхания, зато как сладок потом первый вдох...

– Итак, песня. Простая, но волнующая – чтобы вы не засиживались. Песня, которая зажжет в вашей груди огонь, которая заставит вас петь и танцевать. Поверьте, мне это по плечу.

Певица хлопнула в ладоши, и снова раздался мелодичный звон. А потом она запела:

Эгей, друзья!
Пора настала
Уйти за дальние моря.
Наполнит парус ветер шалый,
Там новая нас ждет заря.

Эгей, друзья!
Мы уплываем,
Стремясь за дерзкою мечтой,
За тайным кладом, за которым
Шел древних эпосов герой.

Она замолчала и снова хлопнула в ладоши, предлагая публике ее поддержать. Зрители вступили дружным хором.

В тот миг я забыл обо всем. Песня и вправду оказалась простенькой – обычный напев, что звучит в тавернах, – однако певица превратила ее в нечто впечатляющее. Пела она с настоящим мастерством и страстью, что свойственна людям, исполняющим любимые произведения. У меня перехватило дыхание, а грудь словно стянули обручем.

После короткой паузы она запела вновь, на этот раз пританцовывая перед очагом. Звенели браслеты, топали ноги, стучали по столам кулаки. Толпа подпевала. Женщина кружилась в вихре красно-белых юбок, словно одержимая дьяволом. Длинными золотыми лентами сверкали подсвеченные пламенем очага браслеты.

Словно наблюдаешь за мерцанием одинокой свечи в темную ночь... Все остальное просто перестало существовать. Осталось лишь пламя – то вспыхнет, то погаснет, то колыхнется под дуновением. Глаз не оторвать. Так и ловишь взглядом каждую искорку, пока ее образ не отпечатается в голове.

Танец закончился, и женщина низко поклонилась публике, вытянув вперед ножку.

Толпа взорвалась аплодисментами, и я присоединился к хлопающим, однако на этом выступление не завершилось.

Певица сместилась к одной из стен зала и вновь тихонько запела, вытянув к зрителям руки и грациозно шевеля пальчиками перед лицами возбужденных слушателей. Те следили за ней во все глаза, раскачиваясь так, что едва не падали со своих табуретов.

Сердце вставшей против тьмы
Храброй дочери луны
Смерть любимого разбила,
Душу мглою затопила.

Принца солнца больше нет,
Тень застила белый свет...
Дочь луны стояла твердо,
Не сдалась зловещим ордам.

Тьма рассеялась. Любовь
Солнце в мир вернуло вновь.
Дочь луны на землю пала
И над милым зарыдала.

На этот раз все отвели взгляды в сторону, словно испытывая приступ сердечной боли. По лицам зрителей бродила растерянность: каждый из них вожадел певичку, и каждый вспомнил о той жертве, что принесла Этэиния, – а раньше об этом никто не задумывался.

Певичка заставила взволнованную и возбужденную публику вскочить с табуретов, будто для танца, и тут же обрушила на их головы самые трагические эпизоды моей истории.

Выступила она мастерски, играя нами легко и ненавязчиво.

Я, как и все, сожалел о потере Этэинии, ощутил внутренний трепет. Лечил от скуки других, а попался сам. С другой стороны, не оценить впечатляющее выступление певички я не мог. Зрителя она обводила вокруг пальца без малейших усилий. Легкий поворот сюжета – и зал дышал с ней в унисон, готовясь к развитию действия.

Еще один напев – громкий, переливчатый, словно невидимая рука дернула струну лютни. И вновь зазвучал протяжный звон, а женщина тем временем, продолжая звякать браслетами, переместилась на мою сторону зала. На долю секунды наши глаза встретились, и она мне подмигнула. В ее взгляде было куда больше тепла и огня, чем в горячем чае.

Что вам сказать,
Что спеть мне вам?
Какую песнь продать
Таким-то молодцам?

Скажите, смельчаки,
Со мной поговорите,
Что сердцем слышите мужским?
Песнь выбрать поспешите.
Скажите, смельчаки...

О сестры милые мои,
Что спеть мне вам?
Чем слух ваш усладить?
И где найти слова?
Скажите, милые мои...

Какую песнь мне спеть?
Чем вас развеселить?

Двигалась она так, словно в самом ее теле была заключена музыка, и воздух перед ней расступался, опасаясь помешать.

Я наблюдал за ней неподвижно, молча.

Спела она несколько довольно сложных песен, однако в ее исполнении они прозвучали легко и просто, словно колыбельные. Совсем не то было вначале – тогда женщина превратила несколько незамысловатых трактирных песенок в серьезные произведения, которые потом долго не шли из головы.

Что же дальше?

Дальше она пропела простой вопрос: «Чего еще изволите?» – и тем самым получила некоторую передышку.

Толпа задумалась, зашумела: что бы попросить? Песен было несметное множество, и каждую из них хотелось послушать. Обсуждение шло, певица отдыхала.

Я улыбнулся про себя: умно... По сути, она держала зрителей в заложниках, нагнетая напряжение затянувшейся паузой перед следующим номером. В то же время у каждого был выбор. И вина за то, что на таверну вновь опустилось безмолвие, лежала только на зрителях. Впрочем, мне был известен способ его рассеять.

Нагнувшись, я приложил ладони рупором ко рту, чтобы выкрикнуть название песни, которая уж точно поставит ее в тупик:

– А как насчет...

– Спой «Плетение огня»! – перебил меня выкрик из зала.

Кричал один из стариков, сидевших в «Трех сказаниях», когда я несколько часов назад впервые перешагнул порог таверны.

Я крепче сжал посох и с заколотившимся сердцем уставился на кричавшего.

Если молодую женщину и обеспокоил выбор песни, она ничем свою тревогу не показала, лишь снова замурлыкала тихий напев.

– Значит, вы хотите балладу, короткую, но милую, о том самом человеке? Для кого-то он легенда, для других – злодей. На самом деле – ни тот ни другой. Некоторые говорят, что он – едва ли не равня Богу. Миф, возражают другие, обман! Храбрец с львиным сердцем, способный сплести огонь в нечто вечное, – вот он кто.

Старик кивнул, и аудитория согласно замотала головами.

Я знал песню, о которой говорил завсегдатай. Всего несколько куплетов. Тем, кому известна правда, ни сладкой, ни милой она точно не казалась. Меня вновь одолело искушение погрузить таверну в безмолвие, однако я прикрыл глаза и от этого замысла отказался. Не было у меня такого права.

Черная грива, буйная смоль...
Лев, преисполненный отваги,
Что скрытого наречья помнит знаки,
Забывшей власти тайну превзошел.

Что он открыл,
Что за плетенье сплел?

Огня первозданного пламенный смерч
Гневно и жарко во тьме полыхнул
И льву покорился. Лег в руку как меч.
Пылающий луч напоследок сверкнул,
И сплел его лев, и связал, чтоб сберечь
Невидимый яр в своем вечном плену.

И вновь она заманила в ловушку посетителей «Трех сказаний». Спела балладу так, что, считай я ее ложью, все равно проникся бы старой историей.

Впрочем, с таким же успехом незнакомка могла дать мне пощечину.

Я обернулся к Дэннилу:

– Что у тебя найдется из крепкого? Знаешь, чтобы, с одной стороны, напиток позволил расслабиться, а с другой – не помешал добраться до койки.

Трактирщик нахмурил брови, поджал губы и перевел взгляд с меня на женщину, затем обратно:

– Тебе что-то не по душе? Выступление не доставило удовольствия?

Что-то здесь не так...

– Нет, ничего подобного. Просто решил, что хороший напиток позволит мне достойно завершить замечательный вечер. Порой, опрокинув кружку, начинаешь тоньше ценить прекрасное.

Я подмигнул, и хозяин заведения улыбнулся, наливая мне напиток. Добрый человек – об оплате снова не попросил.

В кружке плеснуло нечто темное, и Дэннил, едва не коснувшись губами ободка, вдохнул аромат напитка.

Я молча окинул его вопросительным взглядом.

– *Эрелла махд*, – пояснил тот. – Солод и насыщенный, острый вкус землицы нашей, а в конце – нотка пряностей. Наслаждайся, отличная штука. – Он выразительно посмотрел мне в глаза, давая понять, что угощение не из дешевых. – *Эреллу махд* нужно смаковать.

Я благодарно кивнул и поднял кружку за его здоровье.

Отведать хмельного настоя я не успел – на мою кисть опустилась чья-то рука. Певица... Улыбнувшись, она выхватила у меня кружку и поставила ее на стол.

– Прогуляемся?

Я метнул взгляд на Дэннилу, однако тот внезапно проявил живейший интерес к восстановленному мною пятачку на стойке. Впрочем, не секрет: когда дело касается слабого пола, мужчины друг другу не помощники. Еще раз глянув в кружку, я протяжно вздохнул:

– Уж боялся, ты не попросишь.

Подняв свой футляр, я подарил женщине самую обворожительную из своих улыбок и пристроился за ней. Мы пошли к выходу.

Путь наш оказался короче, чем я рассчитывал.

Большинство мужчин, оказавшихся в компании прекрасной женщины, лелеют надежду, что подобная прогулка под полуночным звездным небом будет длиться часами.

Мы спустились на пять ступенек и встали, облокотившись о перила. С этого места все посетители таверны были как на ладони. Нашей встрече явно не хватало ни уединенности, ни романтики. Опустив футляр на пол, я прижал его лодыжкой к лестнице.

– Меня не раз приглашали на свидания, но чтобы в таком месте... – пробормотал я, покосившись на певицу.

– У приглашавших тебя женщин на уме было нечто иное, – усмехнулась она, твердо ответив на мой взгляд.

– Что же на уме у тебя?

Я придвинулся ближе, и на этот раз женщина не отстранилась.

– На уме у меня вопрос.

В ее глазах вспыхнуло такое пламя, что огонь в очаге показался бы не более чем искрой на труте.

– Что ж, спрашивай. За свою жизнь я рассказал тысячи историй и столько же услышал. Дам ответ на любой вопрос. И о событиях, которые у всех на языке, и о тех, что давно позабыты. Скорее всего, я удовлетворю твое любопытство.

Певица не стала ходить вокруг да около, и ее слова резанули меня, словно ножом по сердцу:

– Почему ты лжешь?

Я невольно моргнул. Она застала меня врасплох – ответ пришлось вылавливать в темных водах, где не видно ни зги. В конце концов я не нашел ничего лучшего, чем задать встречный вопрос:

– О чем ты?

– Об этой легенде про Этайнию. Ты ведь подал историю так, как ее рассказывают уже десятки лет.

Певица сделала многозначительную паузу, глянув в пустоту, словно погрузившись в далекое, ведомое только ей прошлое.

– Как еще я должен был ее рассказать?

Моя собеседница словно вернулась в настоящее и, по-прежнему не глядя мне в глаза, покачала головой:

– Ты ведь знаешь, как она заканчивается на самом деле. Я по твоему лицу вижу, и вижу, что ты плакал. – Певица подняла взгляд, и пламя в ее глазах превратилось в тлеющие угольки. – Скажи мне правду, – умоляюще произнесла она.

Я нерешительно облизал губы. Давным-давно никто не подвергал сомнению мои истории, а уж их истинность – тем паче. И впервые прозвучал вопрос по делу.

– Этайния не была чадом солнца, – склонил я голову. – Она принадлежала к иному народу, более древнему, – народу звезд, несущему в себе лунное сияние. Это не делает ее менее значительной героиней. Разве луна не подхватывает свет солнца, когда то скрывается за небосклоном? Так вот, Этайния – дитя луны и звезд – поддерживала свет Антуана, что тот изливал в борьбе с Дез Умбрас. Все же он пал под ударами тьмы. Принца солнечного света накрыл мрак. В тот день родился новый слуга тени. Так бывает всегда. И всегда будет Десять Теней – ни больше ни меньше.

Я тяжело сглотнул и попытался прозреть то место, куда вперила свой невидящий взгляд певица.

– Почему же ты скрыл от слушателей правду?

Я усмехнулся:

– Людям правда не нужна и не всегда интересна. Уж точно не сегодня. Маленькая и большая ложь – вот что необходимо. Я скормил зрителям историю, которая даст им возможность жить дальше. Истина наверняка их сломила бы.

Их – и меня...

Певица поджала губы, но спорить не стала. Более того, похоже, она меня поняла.

– Что с ней случилось?

– С кем? С Этайнией? – вынырнул я из задумчивости.

Певица кивнула.

– Она совершила самый смелый поступок на свете. Этайния – женщина, сотканная из звездного света, холодной стали и сияния луны, – попыталась спасти Антуана и в одиночку сразилась с Десятью Тенями. Все это время ее охраняли солнечные щит и меч.

– Это она убила Антуана?

– Нет, все было гораздо хуже. – Я помолчал, чтобы собеседница осмыслила мои слова. – Она умерла за него и от его руки. И этот самоотверженный поступок спас частичку ее любимого. Однако от него мало что осталось: Антуан уже не был прежним героем. Его мучило эхо воспоминаний о том, кем он когда-то был, он постоянно слышал голос любимой, осознавал то, что ему пришлось сделать. Ах, несчастная Этайния...

Глаза женщины наполнились слезами, однако она решительно стерла их рукавом. Я вежливо не обратил внимания на ее жест. Откашлявшись, певица притянула меня к себе:

– Десять Теней в твоём исполнении звучали почти как настоящие...

– Вот именно что «почти», – слабо улыбнулся я.

Правую сторону тела словно закололо тонкими иголками, и я скривился от боли.

Не заметив моей болезненной реакции, женщина наклонилась ко мне и жарко задышала прямо в шею. При желании она вполне могла бы поцеловать меня в ухо.

– Перед разными людьми я называлась разными именами, но среди них не было ни одного истинного. Однако ты рассказал мне правду, которую я желала услышать, и тебе я не солгу.

Она отступила назад, так и не коснувшись губами моей щеки.

Я улыбнулся, надеясь, что не успел стыдливо покраснеть.

– И каково же твое истинное имя?

На ее лице заиграла коварная кошачья ухмылка:

– Я сказала, что не солгу, однако назвать его не обещала.

Между нами, подобно удару молота, обрушилась тишина.

Я с трудом пытался подобрать подходящий ответ. Хитра...

– Видишь ли, поразительные героини любого сказания обязательно имеют имя, и имя не менее ошеломляющее, чем внешность. Могу я сам придумать, как тебя называть?

Она выгнула брови и с притворным удивлением посмотрела на меня через плечо:

– Вот, значит, кто я? Сказочная героиня? Ну что ж, пожалуйста.

Могу поклясться – уголки ее губ сложились в намеке на довольную улыбку, хотя меня могла ввести в заблуждение игра света.

– Каждый из нас – целая легенда. Тем не менее не все осознают свою значимость. Есть разные истории: кто был до нас, где мы сейчас находимся, куда направимся в будущем. Истории о жизнях, с которыми нам пришлось столкнуться, и о жизнях, что мы потеряли. Все мы – важнейшая субстанция мировой ткани. Есть ли в мире что-то более важное, чем история? А каждый из нас – ее значимая часть.

Она все еще стояла вполборота ко мне, однако при этих словах подошла ближе.

– Милый мой сказитель! Когда ты так говоришь, у меня возникает опасение, что я в тебя вот-вот влюблюсь.

Я пошатнулся от ее признания, словно получив обухом по голове, и пришел в себя не сразу.

– О любви и влюбленных существует огромное количество сказаний.

– И среди них, без сомнения, немало романтических, – добавила певица.

И немало трагических – таких, что я даже и рассказать-то не посмею...

– Значит, ты называешь свое выступление пением? – Один из посетителей, пошатнувшись, встал из-за стола, продолжая бессвязно бормотать: – Женщина – существо приятное, как ни погляди. Спору нет. Мне бы такие титки и такую задницу – у моих ног лежал бы весь мир. Но у меня нет ни того ни другого, – икнул остряк, – поэтому я покажу тебе, что значит петь!

Забияка снова качнулся на нетвердых ногах.

Я машинально ухватился за перила лестницы – так, что побелели ногти.

Положив руку мне на плечо, певица нежно сжала пальчики:

– Пусть его... Тысячу раз видела, как мужчина пытается в гневе отстоять мою честь. Обычно подобные сцены кончаются плохо для всех, кто в них участвует. А мне так не хотелось бы искать сегодня другое место для ночлега... – Она улыбнулась, и мое негодование растаяло без остатка. – Пусть споет. Для людей, подобных нам, даже интересно послушать, как непосвященный пробует силы в нашем ремесле.

Певица озорно подмигнула.

А ведь она права. Многие женщины чаще всего в итоге оказываются правы, однако опасно даже намекать им, что ты об этом знаешь.

Расслабившись, я облокотился на перила. Насладимся представлением профана.

Тот помялся, пытаясь привести в порядок «корону бедняка» – жалкий венчик волос вокруг лысины. Одет старик был в простую холщовую рубаху со штанами и очень напоминал

выжившего из ума деда, незаметно улизнувшего из дома. Словом, персонаж из тех, к кому родители своим деткам прислушиваться не советуют.

Старик громко откашлялся, прочистив горло:

– Слушайте, и не говорите, что не слышали! Есть у меня отличная песня! – Он прищурился на толпу, словно ожидая ответа. Не дождавшись, пренебрежительно махнул рукой: – Мою песню вы точно захотите послушать. Может, она и не шибко длинна, зато тепла в ней хватает, как в твоём очаге, Дэннил! И это святая правда, такая же правда, что я лысый!

Певец потянул себя за жидкие пряди волос, вызвав в зале смешки, и продолжил:

– Поведаю вам историю о *нем*. О человеке, что znalся с Шаен, самым прекрасным народом мира – не нашего мира, сражавшимся за любовь, за свою принцессу.

– Я расскажу вам, то есть спою, о человеке, который не был человеком. Он был больше чем человек. – Старик вновь икнул. – Расскажу, да. Герой моей песни имел свой собственный, невидимый другим огонь. Слушайте песнь о герое, омытом несмываемой кровью, герое, что мог подчинить своей воле небеса, заставить их выполнить любое желание, о человеке, что мог вызвать бурю и остановить Шаен!

Толпа замерла. Глиняные кувшины с напитками повисли в воздухе. Приподнятые кружки так и остались над столами. Люди сидели в нерешительности, опасаясь помешать рассказчику. Многие обменивались смущенными взглядами.

Кто-то воспринимал человека, о котором старик собирался вести рассказ, злодеем, другие считали его героем. Больше всего пугало публику, что персонаж песни не был вымышленным и вполне мог до сих пор бродить по миру.

Ничто так не пугает, как напоминание о настоящем, реальном чудовище. Старик стянул на себя все внимание публики, хоть кое-кто и поглядывал на выход. Наконец он запел:

Сердце трепещет в круге огня,
Алый венец горит над челом.
Имя любимой он прошептал,
Он за Алюн прилетел орлом.
Хир'на'Эддерит в пыль он втоптал,
И Шаен стал он вечным врагом.

Он человеком быть перестал,
Он приручил небесный огонь,
Тайный закон вселенной познал,
В магии грозной был он силен.

Жестокою начал он войну.
Песен о ней никто не сложил,
Хаос кровавый свет захлестнул,
Вихрем злоеющим мир закружил.

Сердце трепещет в круге огня,
Алый венец горит над челом.
Имя любимой он прошептал,
Он за Алюн прилетел орлом.
Хир'на'Эддерит в пыль он втоптал,
И Шаен стал он вечным врагом.

Певец замолчал, глядя в лицо смущенной публике; некоторые зрители тихо роптали, другие робко аплодировали. И никто не услышал, как я пробормотал последние две строки:

В смерти прекрасной Алюн вина
Душу его затопила до дна...

Мой голос прозвучал словно шепот ветра в дупле пустотелого дерева – слабый и тихий, а все ж отдавшийся легким эхом. Я с благодарностью ощутил на себе взгляд певицы – похоже, окончание песни расслышала лишь она.

Приятно – и на этом пора заканчивать. Я улыбнулся и, пройдя мимо нее, ступил на лестницу.

– Подожди, – попросила женщина, и я остановился, бросив на нее внимательный взгляд.

– Ты обещал дать мне имя, сказитель.

Было дело. Негоже уходить, не исполнив обещания.

– Пусть будет Элойн – имя, напоминающее то, что мы сейчас слышали. Вечно сияющая, поцелованная солнцем. Моя принцесса тепла и солнечного света. – Я низко поклонился.

Принцесса солнца – ибо я никогда не смогу полюбить другой дочери луны. Никогда – и уж точно не сегодня вечером.

Ее лицо просияло, оправдывая придуманное мною имя.

Решив оставить певицу с этим скромным даром, я подхватил поклажу и двинулся на поиски своей комнаты. Впрочем, мой путь оказался недолгим. Я открыл дверь. Все равно, *что* там есть, – только была бы кровать. Посох лег на пол, за ним последовала перевязь с книгами. Со всей возможной осторожностью я пристроил рядом футляр с мандолиной, а затем обрушился в койку и попытался изгнать из головы две последние строки недавно прозвучавшей песни.

Ничего не вышло.

Я сложил материю разума добрый десяток раз, когда это не помогло – еще десяток.

Вот только каждую из граней восприятия заполнила Алюн.

Как уснул – не помню. Помню, что плакал.

5

Вопросы

Проснулся я от барабанной дробы дождя по жестяной крыше. Полежал в постели в полусне, прислушиваясь к непрерывному перестуку. Ритм дождевых капель, казалось, полностью повторял шум в моей голове. Наконец я осмотрелся в комнате, которую занял на ночь.

Дэннил явно воздал должное моему таланту и опыту. Подобный номер обошелся бы обычному постояльцу в приличную сумму, и вскоре хозяин таверны имел бы на руках целую септу.

Стало быть, Дэннил намерен выжать из меня все, что можно.

В нескольких шагах от кровати стояло огромное корыто для мытья – при желании в таком вполне можно улежаться на спину. Рядом – мягко светящийся небесной голубизной кувшин.

Прочая обстановка комнаты у меня в голове не задержалась – разве что раскрашенная ширма в углу. Я разглядел роспись: фермерское поле, солнце в зените, одинокий человек – худой и загорелый – трудится под палящим зноем.

Антуан... Я улыбнулся. Немудреная картина отвлекла меня от мрачных образов, что роились в голове перед сном. Не принять ли ванну? Я быстро передумал – не стоит разнеживаться. Конечно, будет время подумать, но думать мне как раз не хотелось.

Выпрыгнув из кровати, я схватил посох и бросил взгляд на остальное свое имущество. Трогать чужие вещи здесь никто не стал бы, уже не говоря о том, чтобы украсть.

Многие люди не слишком увлекаются историями; исключение составляют случаи, когда рассказчик умелый, – иначе любые легенды воспринимаются как нудные, никому не нужные поучения. Футляр же оказался бы громоздкой ношей для вора, да и ценности никакой собой не представлял.

Как жаль, что важнейшие вещи в мире редко таковыми воспринимаются.

Нагнувшись, я поднял верхний том из стопки. Книги нуждались в постоянной заботе, и я не отказывал им во внимании. Вот и на этот раз аккуратно перетасовал всю кучку сверху донизу – тщательно, можно сказать, с благоговением – и туго затянул перевязь. Теперь ни одна не выскользнет, не упадет. Я подошел к столу.

На столешнице лежал медный ключ, который вечером мне на глаза не попался. К замку самого большого ящика он подошел; тот вздрогнул, крикнул и наконец неохотно открылся. Осторожно опустив внутрь перевязь с дневниками, я мягко его задвинул.

Ключ некоторое время сопротивлялся моим усилиям и проворачиваться не желал – видно, им давненько не пользовались. Пришлось покачать его в разные стороны, после чего раздался звучный щелчок.

Не в силах отделаться от эффектной привычки, покрутил тяжелую медную железку между пальцами, перекинул ее с указательного пальца на мизинец, встряхнул плащом, и ключ скользнул по складкам в потайной кармашек на рукаве.

Порой старые навыки кажутся не слишком практичными, однако долгая жизнь научила меня: пренебрегать ими не следует. Готовность в любую минуту применить один из трюков своего арсенала однажды может спасти чью-то жизнь.

Я плавно переложил ключ из тайного чехольчика в рукаве во внутренний кармашек на груди, ни разу не распахнув плащ. Удовлетворенный своей ловкостью, вышел из комнаты и бесшумно закрыл дверь.

Коридор освещался слабеньким огоньком свечи размером с ноготь большого пальца. Единственным напоминанием о внешнем мире за стенами таверны служило маленькое стек-

лянное окошечко в торцевой стене. На улице меня ждала темнота, расчерченная белыми брызгами разбивающихся о стекло дождевых капель.

Я двинулся по лестнице, спускаясь тихо, с грацией уличного кота. Одна из досок прогнулась и – вроде как передумав – не скрипнула.

Давняя память тела позволила мне добраться до первого этажа бесшумно и быстро. Беззвучным передвижением я владел неплохо. Лодыжки сразу заныли – даже не физически, а на уровне воспоминаний о старых ранах и бесконечных упражнениях. На последнюю ступеньку я шагнул, корчась от воображаемых болей. Слава Солюсу, ни разу не стукнул по пути посохом.

Я ухмыльнулся, вспомнив о заплетенных плющом каменных залах, о просачивающейся с потолка воде и о бесчисленных угрозах собственной жизни.

Внизу со вчерашнего вечера ничего не изменилось. Не будем нарушать безмолвие, в которое погрузились «Три сказания». Сделав шаг к дверям, я остановился: сзади прозвучал тихий звон металла, и мою грудь словно сковало ледяным обручем.

Резко обернувшись, я поднял конец посоха в направлении звука.

Она вышла из дальнего, скрытого пеленой тени угла, и на ее губах заиграла удовлетворенная улыбка.

– Куда собрался?

– Элойн... Боже, какая неожиданность!

Отступив на шаг, я поклонился. Легкое движение кистью руки плюс небольшое умственное усилие – и полы моего плаща впечатляюще взлетели.

– Надеюсь, неожиданность приятная?

В ее тоне смешались нотки любопытства и удовольствия. Глубокий голос – что во время вечернего выступления, что сейчас.

– Нет неожиданности приятнее, чем вдруг встретить тебя. Надеюсь, это не последний сюрприз?

Исподволь взглянув на женщину, я обратил внимание, как она расцвела в улыбке.

– Забегаешь вперед, сказитель...

Я стойко выдержал ее взгляд, и мы помолчали.

Наконец, широко распахнув глаза, моя собеседница вздохнула. Игра, хорошая игра... Не обошлось без прижатой ко рту ладошки, якобы скрывающей возмущенную гримасу.

– Ты был со мной ужасно груб, не пытайся отрицать – я все помню. Наделил меня именем – спасибо за подарок. А вот что насчет другого имени? Невежливо отказывать женщине в ее желаниях.

Мое лицо предательски дрогнуло в жалкой улыбке. Похоже, дама не шутит. Что ж, следует быть с ней любезным. Сделав вид, что не понял вопроса, я церемонно кивнул.

– Прости, Элойн. Ни за что не обидел бы тебя, однако не догадался, что твое желание серьезно. И все же ты меня озадачила. – Я молча пожевал губами. – Имя я тебе дал. Уж не хочешь ли ты сказать, что оно тебе не по душе? Два имени – многовато. Какой в том толк? Сколько же человеку нужно имен?

За словом в карман Элойн не полезла:

– Вот ты мне и скажи. У тебя лицо и манеры человека, который видел многое – наверняка куда больше моего.

Так-так, уже теплее...

– И обидел ты меня не раз, а целых два. Ведь я спросила тебя – куда ты собрался? – Ее глаза слабо заблестели. Элойн явно наслаждалась пикировкой.

– Прости, мне послышалось другое: ухожу ли я? Да, я ухожу. – Я ухмыльнулся подобно юному мальчику, получающему удовольствие от собственного остроумия.

Похоже, напрасно я так веселился.

Элойн свела брови, одновременно поджав губы:

– То есть «не лезь не в свое дело»? Полагала, тебе требуется хорошая компания... Я готова ее составить.

Если ты настороже – в подобном тоне наверняка услышишь угрозу. В голосе певицы звучало коварство, смешанное с девичьей нерешительностью – точь-в-точь первый хрупкий ледок на озере.

Я ненадолго замялся.

– Лучшей компании и желать не приходится. – Я изящно выгнул запястье, предлагая ей руку. – Принимаю близко к сердцу твой упрек: говоришь, я слишком забегаю вперед? Не позволяй же мне отклоняться слишком далеко, сделай одолжение!

Она вложила ладонь в мою руку. Я улыбнулся, ощутив ее прикосновение: мою кисть словно согрел луч летнего солнца.

– Хм... Подчинить своей воле мужчину – не самая простая задача, и все же придется с ней справиться. Лишь однажды я потерпела неудачу – в Алтайе. – Элойн искоса взглянула мне в глаза. – Порой с жеребцом управляться легче, чем с мужчиной.

Сомкнув губы, я с силой выпустил воздух, подражая фырканию норовистого коня. Кстати, оговорка Элойн об Алтайе не ускользнула от моего внимания. Известно, что именно там, высоко в горах, на востоке, обитают лохматые выносливые лошади.

Положив руку на грудь, певица вздохнула и покачала головой:

– Мне нужен такой мужчина, который пойдет со мной, невзирая на дождь и безлунную ночь. Увы, я пока вижу лишь юношу, притворяющегося непокорным жеребцом.

Уныло опустив плечи, она двинулась к выходу, однако от меня не ускользнул ее мимолетный взгляд.

– И-го-го! – заржал я, изо всех сил пытаюсь подражать лошади. – Неправда! Ты нашла настоящего Мужчину с большой буквы!

Певица замерла на полушаге, невозмутимо уставившись мне в лицо:

– Нет...

– Да!

– С одной стороны, мне не хочется оставлять тебя здесь в одиночестве, с другой – зачем заставлять тебя мокнуть под дождем?

– Боюсь, я и без тебя направлялся на улицу. – Я вновь предложил ей руку. – Так стоит ли мокнуть в одиночку?

Элойн тихо выдохнула. Явно поняла мои намеки и сочла их сколь забавными, столь и утомительными. Наконец она приняла мою руку.

– Еще не встречала мужчины, который ставил бы обе стороны в равное положение. Может, сегодня именно такой день?

Она выгнула бровь, изучив мое лицо, и более ничего не сказала.

Распахнув двери таверны, я вышел в дождь под руку с самой прекрасной женщиной в мире. Мой плащ тут же покрылся мокрыми пятнами, а дробная капель отвлекла меня от сумрачных мыслей.

– Всегда любила дождь...

Я глянул на свою спутницу. Влажные волосы облепили ее голову, однако не смогли скрыть красоту: намокшая одежда соблазнительно подчеркнула ее формы. Я отвернулся, устремив взгляд на дорогу.

– Пожалуй, это впервые, – хмыкнула Элойн. Я промолчал, медленно шагая вперед и твердо придерживая ее за руку. – Знаешь, не каждый мужчина отвел бы от меня глаза.

Я знал. Многие мужчины не умеют обуздывать свои желания. Почти любой паялился бы на формы Элойн, словно ребенок, который никогда не слышал слова «нет». Однако же следует иногда задумываться о последствиях. Я понимал, к чему приводят подобные взгляды и необдуманные действия, какой вред они способны нанести, если не держать себя в руках.

Порой одним неправильным взглядом можно загубить самое хорошее дело.

– Тебе тоже кажется привлекательной моя фигура?

Сложный вопрос, а для множества мужчин – настоящая ловушка. Тем не менее я ответил без колебаний, и ответил правду:

– Да.

– И все же ты на меня не глазеешь...

Я решил объясниться и поставить в этом вопросе точку:

– Я – далеко не «каждый мужчина». Именно поэтому и кажусь тебе в высшей степени забавным, а может – странным, даже непонятным. Что ж, таков мой опыт общения с женщинами.

Недавно отремонтированный участок мощеной дороги жестко отзывался каждым булыжником в подошвах моих сапог. Мы шли мимо лавочек и одноэтажных домишек с плоскими крышами. Кое-где в щелях между закрытыми ставнями мерцал огонек свечи. Вскоре на другой стороне дороги показалась еще одна таверна. Почти вплотную к ней примостилось приземистое здание.

Час был поздний, и все же мне требовалось отвлечься и сменить обстановку. Таверна «Три сказания» станет мне домом, по крайней мере, на ближайшие несколько дней.

Однако дом домом, а мне сейчас нужно нечто иное.

– По-моему, ты сам себе оказываешь медвежью услугу, мой сказитель. – В гортанном голосе Элойн зазвучала теплая нотка. – Тебе удалось произвести на меня самые разные впечатления: ты умудряешься отвлечь от забот, ты странный и занятный. Ты умеешь раздражать.

Мы с ней не смотрели друг на друга, однако я и без того знал: Элойн от души улыбается.

– Что ж, счастлив превзойти ваши ожидания, моя прекрасная дама.

– Неужели? – Элойн усмехнулась. – У меня и вправду раньше не было такого опыта. Никто не называл меня прекрасной дамой, во всяком случае – не вкладывал в это слово настоящего чувства. Сколько раз видела в глазах мужчин подбострастие, любовный голод, слышала, как они плетут всякую всячину, стараясь получить то, чем им обладать не дано. Ты же – другое дело. Что думаешь – то и говоришь.

Я посмотрел ей в глаза и, несмотря на дождь и безлунную ночь, лишился дара речи. На миг тьма разошлась, явив мне часть женского лица – изгиб рта и полные губы. Во мне пробудилось желание прижаться к устам спутницы. Порыв я успешно подавил и сосредоточился на иной цели.

Подтянув к лицу ее кисть, я запечатлел на ней поцелуй.

– Я действительно думаю именно то, о чем говорю. Ты для меня – прекрасная дама в полном смысле этого слова: о таких, как ты, слагают истории. Такие, как ты, вдохновляют искусство всего мира. Ты образец прекрасной дамы. Прекрасной настолько, что и сравнить не с чем.

Я махнул рукой вперед, и мы продолжили путь.

– Хм... – Она слегка замялась. – И почему не все мужчины похожи на тебя?

В ее голосе прозвучала давняя усталость. Этой женщине явно было что рассказать.

Например, о боли и разочаровании.

Много раз слышал подобные отголоски при разговорах с самыми разными людьми. Разумеется, у каждого человека свои нотки, и ни одна из них не похожа на другую. А вот реакция всегда одинаковая: к тебе прислушиваются, твои слова взвешивают, а потом стараются уйти от разговора.

Не будем развивать тему. Пусть успокоится – вреда в том нет. Я плотнее запахнул плащ и надвинул капюшон. Одевание намокло, обвисло и уже не напоминало кипящий алый омут.

– Мне неприятно, что ты по моей вине попала под дождь, Элойн...

– Это поправимо.

Она заставила меня остановиться, притянула к себе, и мы обменялись долгим взглядом – как обычно делают герои в сказаниях. Вот только, в отличие от сказаний, сегодня этот миг был совсем недолгим. Быстро отстранившись, Элойн взглянула на дорогу:

– Отведи меня куда-нибудь. Все равно куда, разницы нет. Просто...

Женщина прикусила губу, и даже настойчивый стук дождя не смог заглушить ее тяжелый вздох.

– Почему бы и нет.

Я двинулся вперед, направляясь к давно замеченной мною таверне. Элойн что-то пробормотала себе под нос, вероятно, не слишком желая, чтобы я ее расслышал:

– *Спасибо...*

Пришлось признать: меня потряс ее отклик. Произнесенная шепотом благодарность таила в себе и неуверенность, и облегчение, и какие-то новые чувства, о которых нельзя говорить во весь голос. Я задумался: что же за жизнь прожила Элойн, если ее удивляет самая обычная доброта?

Тем временем мы дошли до таверны, поднялись на крыльцо, и я, распахнув двери, пропустил свою спутницу внутрь. Створки закрылись за моей спиной.

В отличие от «Трех сказаний», здесь на столах еще догорали свечи, озаряя зал желтыми отблесками. В слабом свете я разглядел беспорядочно расставленные за стойкой бутылки, сверкающие россыпью драгоценных камней. Толпа посетителей схлынула; в зале успели прибраться.

Мое внимание привлекла вырезанная на дереве фигура, ростом превосходящая самого высокого мужчину. Широкие плечи и могучее сложение говорили о том, что на стене таверны увековечен герой – бородатый человек средних лет с твердым, резким и в то же время теплым лицом. Одет мужчина был как обычный фермер, однако огненная корона на макушке с первого взгляда позволяла понять, кто именно смотрит со стены.

Солюс, Господин утреннего света. Божество изобразили без сияющих доспехов, спустив его в мир обычных людей. Должно быть, так простолюдины чувствовали себя ближе к своему кумиру.

Я был не склонен винить создателя барельефа. Несмотря на всю нашу храбрость, существа мы во многих отношениях довольно пугливые. Испытываем неуверенность, одиночество; путешествуя по долгой и темной дороге, невольно желаем встретить попутчика. Можно ли представить себе компанию лучше, чем божество? В минуты опасности невольно надеешься, что сверху за тобой присматривает молчаливый наблюдатель.

Я посмотрел в глаза Солюсу и долго – необычно долго – не мог оторвать от него взгляд.

– Что вам угодно?

Я моргнул, вернувшись в темный зал.

Хозяин таверны, мужчина с меня ростом, был изрядно потрепан годами и жизненными невзгодами. Судя по выражению лица, терпение его истощилось уже пару-тройку часов назад. Обычный этайнианец – ничего примечательного. Он запустил пятерню в спутанную копну пронизанных седыми прожилками темных волос. Того же оттенка была и короткая клочковатая борода.

– Нам бы место, где можно спокойно посидеть, подумать у очага и, если тебя не слишком затруднит, выпить и перекусить, – ответил я с приятной улыбкой и наткнулся на недовольный взгляд хозяина.

Элойн придвинулась ближе, едва не коснувшись губами моего уха.

– По-моему, над улыбкой тебе еще надо поработать.

Я нахмурился.

– Нет, не так, – жарко дыхнула она мне в щеку. – Вот смотри.

Отодвинувшись, она одарила трактирщика такой улыбкой, от которой любой мужчина потерял бы душевное равновесие, а женщина пронзила бы соперницу ревнивым взглядом.

– Что-нибудь я для вас найду, – почесав бороду, пробормотал трактирщик. – Есть особые пожелания?

Вопрос с затаенным смыслом: готовы ли вы платить, а если готовы, то сколько именно?

Запустив руку в складки плаща, я нащупал узкий кармашек и достал приятно звякнувший кожаный кошелек. Удовлетворенно кивнув, трактирщик занял место за стойкой.

– Так что закажете? Мои девчонки уже разошлись, разве только одна или две еще где-то тут бродят, поэтому принесу что бог послал – скорее всего, готовые блюда. *Сьета*?

– *Сьета*, – в один голос согласились мы, и Элойн добавила:

– Нет ли горячих напитков, например шоколада?

На севере и западе шоколад был не слишком распространен, однако Этайния бойко торговала с южными странами, и я надеялся, что заказ певицы выполнят.

– Похоже, ваша женщина настолько замерзла, что ей потребуется двойная порция, – невозмутимо кивнул хозяин таверны.

Судя по всему, его куда больше заботила дополнительная выручка, нежели здоровье моей спутницы.

– Довольно будет и одной, – возразила Элойн. – Люблю дождь, тем более что сегодня он совсем не холодный. А не будет ли у тебя, часом, тушеного мяса?

– Свиная с морковью, сахаром, цукини и костным мозгом молодого поросенка. Устроит тебя такое блюдо?

– О боги, конечно, да.

Элойн тут же заняла место за ближайшим столом, не заметив, как вдруг напрягся хозяин. Его глаза потемнели, лоб пошел складками.

– Бог у нас один, – резко мотнул он в сторону изображения Солюса. – Наше Солнце, Господин Света и Урожая. Мне все равно, кому молятся люди из других стран, но смуглая, поцелованная светом женщина обязана помнить о едином боге. И одеваться должна, как одна из наших.

Он запнулся и, сурово сдвинув брови, пошел за заказом. Я выждал, пока хозяин удалится, приблизился к Элойн, и та указала мне на стул рядом с собой.

Я присел, не сводя с нее взгляда; в голове не переставал вертеться один вопрос.

– Джентльмен поступил бы иначе, – поджала губы певица. – Сперва подвел бы даму за ручку и усадил, а уж потом устроился сам. – Она многозначительно на меня посмотрела и усмехнулась.

Сыграно было неплохо, и в то же время Элойн дала мне понять, что мое поведение ее несколько не раздражает.

– Возможно, для тебя эти слова станут потрясением, но я не джентльмен. Изобразить могу, да так, что комар носа не подточит. И все же...

– Хм... Что ж, хорошо.

Она придвинулась ко мне и обхватила сзади за плечи. Наверное, несмотря на прилагаемые усилия, меня пробила дрожь, однако плащ, подчинившись моей воле, ее скрыл.

Пальчик Элойн прошелся по воротнику. Она замерла, пристально разглядывая мое одеяние.

– Как странно...

– Что странно?

– Да твой плащ... – Ее глаза озадаченно сузились. – Я промокла насквозь, а на тебе – ни капли. – Элойн несколько раз моргнула, словно не была уверена в своем впечатлении. – На ощупь он теплый, как кожа человека, сидевшего на солнце. И он напоминает...

Она отпрянула, прикусив нижнюю губу.

Я промолчал. О моем плаще думали разное, и все же каждый находил для себя правдоподобный ответ: хорошее качество, необычный новейший материал...

Все проще, чем признать правду.

– Он напоминает кровь. – Элойн судорожно сглотнула. Смотрела она словно внутрь меня, пытаясь проникнуть в душу. – Что же это такое?

Я открыл было рот, однако певица остановила меня взмахом руки и все тем же странным взглядом уставилась в стол.

– Вокруг твоего плаща – кроваво-красная дымка. – В глазах Элойн забрезжила искра понимания, и она взглянула на меня так, словно только заметила.

Вокруг нас воцарилось безмолвие – наподобие того, что окутывало «Три сказания». На этот раз я с удовольствием его нарушил бы, однако не знал как. Молчание тянулось и тянулось, и я остро ощутил пустоту зала. Подобное безмолвие, став осязаемым, вполне может свести человека с ума.

– Хочу задать тебе один вопрос. Знаю, у меня нет на то права, поскольку я на твои отвечать не стала, и все же попробую.

Не в силах произнести ни слова, я молча кивнул.

– Ты – это *он*?

Она могла не продолжать. Трех слов вполне достаточно. Тем не менее я попытался уйти в сторону:

– Кто – он?

В ее глазах загорелся темный огонь:

– Перестань! Люди думают обо мне разное – и всякий раз ошибаются. Однако все сходится в одном: я не глупа.

Между нами вновь повисла тишина, но Элойн тут же ее разогнала:

– Существует добрый десяток легенд, каждая из которых похожа на другую, и все же в некоторых подробностях они здорово расходятся. Такое впечатление, будто некто умный долгие годы сознательно искажал историю и добился того, что в устах разных людей она и звучит по-разному. Знаешь, что меня давно удивляет? – Она впилась в меня взглядом, способным прожечь дырку в стволе могучего дуба.

Я знал, однако ответил так, чтобы не обманывать ее ожиданий. Понятно, что последует дальше – моя спутница скажет то, чего мне услышать не хотелось бы.

– Нет.

– А если на самом деле это одна и та же история? Все тот же человек, та же самая легенда... Просто ее пересказывают тысячи раз, и в пути она понемногу изменяется, как слова в старинной песне? Только делается это намеренно и мастерски. И за каждым изменением стоит первый рассказчик. Уж не ты ли, часом? – Задав вопрос, Элойн еще внимательнее изучила мое лицо. – Не ты ли нанес удар по Хир'на'Эддерит и тем самым развязал войну с Шаен? Не ты ли уничтожил Рокаши? А кто вызвал шторм, потопивший Захинбахари? Легенда говорит нам о герое с тысячей лиц, но не о разных людях. Этот герой – ты?

Я уже говорил, что истина запросто может сломать человека. Мне хотелось бы ошибиться в этом утверждении, но увы...

– Да.

Короткое слово прозвучало, словно удар грома, – сам не ожидал. Скрипнула деревянная стена таверны, словно в нее ударили гигантской ногой. Пыль, что не вытерла невнимательная служанка, взвилась в воздух и закружила по залу. Свечи мигнули от порыва несуществующего ветра, и мир на миг потускнел.

Наступила тишина.

– Ари... – тяжело выдохнула Элойн, словно мое имя было под запретом. – Меч, орел, лев... Плетущий пламя, оседлавший молнию. Убийца принцессы... – Ее слова ударили мне в сердце и отдались могучим эхом в голове, угрожая разорвать мой мозг в клочья.

– Что тебе известно? Что знают обо мне люди? – Прозвучавшая в вопросах горечь вполне могла разесть каленое железо. Я судорожно провел ногтями по столешнице, и дерево вздрогнуло.

– Лишь жалкие обрывки правды, которые рассказывают в тавернах по всему миру. Выдумки, которые ты сам и сочинил для ведомых только тебе целей. Самим богам не известно, где на самом деле истина.

Я уставился ей в лицо, испытывая отнюдь не мимолетное раздражение. Во мне зрел горячий гнев, раскаленный, словно железный прут, извлеченный из кузнечного горна.

– Ты говоришь о моих целях? Они могут быть какими угодно. Моя цель – странствовать по миру, не волоча за собой шлейф позабытых имен. Моя цель – уйти от покрытой мраком эпохи Шаен, что пытается меня преследовать. Моя цель – творить добро, скромное, незаметное добро, способное заставить людей улыбаться. Это самое меньшее, что я могу сделать, прожив ту жизнь, которая мне выпала.

Избавить мир от последствий...

– Моя цель – появляться там, где я считаю нужным, и тогда, когда это необходимо. Если захочу, чтобы мне всю ночь светили звезды, – их не закроют тучи. Если мне требуется мягкая постель на постоялом дворе – она будет. Вот мои цели.

Элойн хранила молчание. Облизала губы, не сводя с меня глаз. Похоже, искала подходящий ответ.

– Понимаю... – произнесла она так тихо, что самый слабый ветерок унес бы слова певицы без следа.

Предназначался ли ее ответ мне? Или то был крик души, не требующий собеседника?

Хозяин таверны возник у стола и поставил перед нами две кружки. Сделал шаг назад и все же вернулся.

– Сейчас я принесу еду, но у меня есть некоторые правила. – Он воздел вверх палец. – Во-первых, деньги – и не в кармане, а на столе. Во-вторых, ваша трапеза должна проходить в тишине и спокойствии. Если желаете побраниться – это не здесь. Не хочу прислушиваться к размолам. А люди, что остановились здесь на ночлег, – тем более. Вы меня поняли?

Ответа он ждать не стал.

Я перевел гневный взгляд с Элойн на трактирщика и невольно сжал рукоять посоха. Вверх по кисти пробежал слабый ток, однако певица положила руку мне на плечо и до боли его стиснула. Моргнув, я разглядел уже складывающиеся грани разума и отпустил зарождающееся плетение. Посчитал в уме, пытаюсь успокоиться. Плетение распустилось.

Ладонь Элойн легла мне на щеку, слегка сжала и спустилась ниже, на подбородок.

Я обернулся к ней и вдруг против воли заговорил:

– Есть десять формул плетения, которые должен знать каждый.

Простой постулат заставил меня забыть о трактирщике, восстановив в памяти изнурительные уроки юности и философию давно ушедших лет.

– Что ты сказал?

– Ничего. – Я взял ее за руку. – Просто воспоминание.

Кстати, что там в кружке? Надеюсь, напиток поможет забыться. Легкий аромат миндаля и каких-то незнакомых специй защекотал мне ноздри. Глотнув, я щелкнул языком. Кайенский перец! Итак, в кружке пряный шоколад.

Я сделал еще один глоток и задержал напиток во рту, позволив острому привкусу осесть на языке. Посмаковал. Шоколад легкой волной покатился вниз по пищеводу. Сладость смяг-

чила остроту, оставив в желудке приятное тепло, и прогулка под проливным дождем тут же забылась.

Элойн осторожно пригубила напиток, посматривая на меня поверх ободка кружки.

– А если я попрошу рассказать мне все с самого начала? Ты расскажешь?

Не знаю, что заставило меня согласиться. Ее прекрасное личико? Или окутывающая женщину таинственная аура? Прошрое, лежавшее во мне тяжелым грузом, искало выход. Возможно, Элойн меня поймет, услышав мою повесть от начала до конца.

Собственно, подойдет любая из романтических легенд, что можно найти в книгах. Все они далеки от истины, и в то же время сегодняшним вечером каждая из них окажется единственно правильной. Но...

– Расскажу.

Нет ничего хуже, чем носить в себе историю, запертую за семью замками.

6

Прерванный ужин

Наконец принесли еду, и наш разговор, к моему несказанному облегчению, прервался. Слегка поклонившись, трактирщик поставил на стол две деревянные миски и выложил пару оловянных ложек. Еще к ужину полагались две оловянные чашки с водой. Скажи мне, какая в таверне посуда, и я скажу, что это за таверна.

Какие-то из них гордятся своими столовыми приборами и иной кухонной утварью. Где-то из кожи вон лезут, чтобы все, что подается посетителю, было безупречно. Многие заведения балансируют на грани, пытаясь сэкономить на простом люде и в то же время удовлетворить запросы лучших клиентов.

Здесь было не так. Упрекнуть хозяина не в чем, однако взгляд по сторонам говорил о многом. Таверна рассчитана на обычного среднего посетителя, и не более того. Похоже, подобный подход хозяина вполне устраивал. Все прочно, основательно, продумано вплоть до барельефа Солюса. Подобная обстановка внушает клиенту доверие.

Никаких излишеств и богатых украшений я не заметил. Все как дома. А под внимательным взглядом божества особо не забалуешь.

Наше кушанье исходило ароматным паром. Мясо и специи... В похлебке плавали мелко натертая морковь и кубики картофеля.

Зачерпнув полную ложку, я подул, чтобы не обжечься, сунул ее в рот и сразу согрелся. Кабачки и сметана придавали бульону отличный вкус. Мы с Элойн ели размеренно, как делают странники и бродячие артисты, и, сосредоточившись на еде, помалкивали.

Элойн пока хлебала лишь бульон, оставляя гущу на дне, и раз за разом запивала еду чистой водой. Иногда она замирала с ложкой у рта и шевелила губами, словно раздумывая, как продолжить беседу.

Прикончив по трети миски, мы вновь вернулись к разговору.

– Почему? – наконец пробормотала моя спутница.

Всего одно слово... Я ее прекрасно понял и все же сделал нетерпеливый жест, предлагая закончить вопрос. В ожидании забросил в рот еще несколько ложек с варевом.

– Почему ты скрываешь свою подлинную историю?

Элойн покачала головой, тряхнув еще влажными волосами. Поджала губы. Впрочем, поджимай не поджимай – все равно видно, какие они сочные и полные.

– Столько разных вариантов: Ари, Ареш, Ба'шаен, Меч, Лев Амира... – Певица вздохнула, допив остатки шоколада. – Ведь все известные нам персонажи – по сути, один человек. Это ты, – прошептала она, сама не веря в то, что докопалась до истины. – Как, почему? Кто-то еще догадался?

– Как? Да вот так. Почему? Потому. Правду знают лишь несколько человек, и им известны подробности, не упомянутые в книгах.

Я съел еще немного похлебки и, последовав примеру моей спутницы, допил последние капли шоколада. Напиток обдал горло чудесной смесью сладости и горечи.

Глаза Элойн вновь загорелись:

– Умный человек потому и умен, что понимает, когда злоупотреблять своим умом не стоит.

Я загадочно улыбнулся. Никогда не следует дразнить женщину – пользы не будет. Наоборот.

– Зачем выворачивать историю наизнанку, как это делаешь ты? Одна и та же легенда в разных устах рисует тебя то негодяем, то героем. Предание пережило столько изменений, что

люди уже не понимают, верить ему или нет, хотя... – Она обвела рукой зал. – Амир идет на Севинтер. Со всех концов света поступают слухи о набегах Шаен. Шаен! Сказания становятся былью, мирные хутора и деревни превращаются в покрытые снегом обледенелые пепелища – и это в разгар весны! Чему вообще можно верить?

Оттолкнув миску, я бросил на Элойн спокойный и уверенный взгляд:

– Надо верить в то, во что хочется верить. В том все и дело. Поэтому я позволяю сказанию жить своей жизнью, слегка подправляя его, когда и где мне требуется. Бывает, легенду расскажет не тот человек и не так, как нужно, и она обретает новые повороты. История живет и меняется, и каждый раз в ней возникает новая правда. Некоторые подробности неверны – что ж, просто страдает точность изложения, и только.

– Тебе не кажется, что не следует столь бесцеремонно обращаться с историей, которая дорога твоему народу? – возмущенно выгнула бровь Элойн.

– Моему народу? – повторил я, уставившись на нее немигающим взглядом.

– Посмотришь в зеркало. Впрочем, дело не только во внешности. – Элойн нахмурилась, пристально изучая мое лицо. – Достаточно услышать, как ты рассказываешь предание. Когда ты говоришь – содрогается воздух, искривляется пространство. В твоем голосе слышится настоящая магия – а это дар Рума, второго народа, что пришел в наш мир. Рума – люди, родившиеся из огня и далекого эха первых людей. Вы сидели в поисках тепла вокруг первобытных костров и, прислушиваясь к голосам далеких предков, сплетали звуки древнего мира в истории. Вы были первыми сказителями.

Я попытался сглотнуть и не смог – так пересохло во рту.

– Где ты этого наслушалась? Откуда знаешь о Рума?

Элойн погрозила мне пальцем:

– Не твоя очередь спрашивать. Боги все слышат: ты уже задал мне достаточно вопросов. Теперь я спрашиваю – ты отвечаешь. Ты обещал, в конце-то концов!

Я хотел ей напомнить, что соглашался на некоторые условия, а вот обещать ничего не обещал. Впрочем, моя тактика – не вываливать все разом – сослужила хорошую службу: чем дольше мы с Элойн говорили, тем больше я о ней узнавал.

Допустим, я уже догадался, что моя спутница умела управлять редкой породой лошадей с далекого востока. Ее одежда и манеры рассказали мне о некоторых талантах, подобных которым я в жизни не видывал, а это говорило о многом. Элойн хотя бы частично знала правду обо мне и кое-что понимала о моем народе.

Странно и крайне неожиданно... Теперь я мог держать пари, что певица – не просто заурядная, хоть и прекрасная странница, выступающая в тавернах за кров и еду. Здесь было нечто другое.

Я страстно желал узнать, что именно. Хотел ее постигнуть – от завитков черных волос на макушке до кончиков ногтей на ногах – и сам не мог объяснить себе причину подобного интереса. Наверное, подсознательная тяга. Похоже, мы с Элойн были связаны, как связаны луна и солнце, которые, нескончаемо сменяя друг друга на небосклоне, в то же время не делят его между собой.

Впрочем, бывают мгновения, когда они сближаются настолько, что друг друга перекрывают. Вряд ли эти краткие встречи доставляют им удовольствие.

Меня вдруг осенило, как каждый из нас может спокойно получить желаемое, и я задвинул философские соображения подальше.

– Хорошо. Я расскажу тебе все, хотя пока не знаю, с чего начать.

– Разве может сказитель сомневаться, с чего начать сказание? – усмехнулась она, и в ее голосе прозвучал упрек.

– Я провел долгие годы, кропотливо создавая разные варианты своей истории, и добился, что любые два собеседника обязательно усомнятся в версии друг друга. Столько лет, столько

маленьких обманов... Ладно. Пожалуй, я все же знаю, как размотать клубок, но... – Я сделал паузу, бросив на собеседницу многозначительный взгляд.

– Но... – с нажимом повторила она, словно прочитав мои мысли, – ты хочешь получить что-то взамен. – Поставив подбородок на сжатые кулачки, Элойн поглядела на меня, невинно хлопая ресницами. – Что же я могу тебе дать? Чего может попросить сказитель у обычной девушки? Каковы его тревоги? Попробую догадаться. Неужели тебя интересует история моей жизни? – Словно удивившись собственной догадке, она насмешливо распахнула глаза. – Прекрасный обмен, лучше не придумаешь.

Наклонившись к Элойн, я ощутил запахи сандалового дерева и можжевельника, хотя любые ароматы должен был смыть недавний дождь. Она смущенно отпрянула:

– Это будет довольно грустный рассказ, пожалуй – даже трагический. Не те байки, что принято травить в тавернах. Знай ты, о чем я говорю, – вряд ли тебе захотелось бы его услышать.

Губы Элойн изогнулись в печальной улыбке, и меня словно кольнули иглой в самое сердце. Впрочем, бесстрастное выражение лица я сохранил без труда.

– Позволь твоему слушателю самому судить, какие истории ему по нраву. А потом, – тяжело обронил я, – кто сказал, что повесть моей жизни менее трагична?

Элойн слегка оживилась и пристально глянула мне в глаза.

Ответить она не успела – у нашего стола вновь возник трактирщик и навис над нами неподвижно, словно статуя. Наконец одна из его рук ожила, и он вопросительно потер пальцами.

Я сделал медленный вдох, свернув материю разума, однако грани восприятия пока оставались пустыми.

– Сколько?

– Шоколад нынче недешев, – невозмутимо заявил хозяин таверны.

Я кивнул.

Мужчина задумчиво поскреб подбородок, разглядывая то меня, то мою спутницу, на которой задержал взгляд надолго. Наконец повернулся ко мне:

– Тушеное мясо я приготовил из остатков, и все же получилось отличное блюдо. А хорошее мясо тоже дорого. – Он потихоньку прощупывал меня, полагая, что хитрость сойдет ему с рук. – Значит, на круг получается двадцать оловянных битов.

Он еще не договорил, а я уже твердо поднял руку:

– Насколько я помню историю Этайнии, вода здесь всегда подается бесплатно. Солюс обещал Антуану, что тот никогда не испытает жажды, и его обещание относится не только к этайнианцам. Солюс имел в виду каждого странника, пересекающего границу страны. Да не пересохнет твой язык, говорил он.

Трактирщик ошетинился и все же смолчал.

– Шоколад стоит пять битов за десять долек, то есть десять граммов. Так? – Я не стал дожидаться его ответа. – Не думай, я много странствовал с торговцами и кухню эту знаю превосходно. Для двух кружек ты и близко десяти долек не использовал. Мясо? Мясо неплохое, спору нет. Однако остатки – они и есть остатки. Специально для нас ты их не готовил – посетителей у тебя больше не было. Десять битов за все про все, и это неслыханная щедрость.

Глаза трактирщика превратились в узенькие щелочки, лоб пошел хмурыми складками. Челюсть его напряглась, и взгляда он от меня не отвел. Впечатляюще, однако меня подобными гримасами не испугаешь.

Через мгновение он вздохнул и протянул руку.

В кошель я не полез – вручил хозяину бронзовую септу. Люди порой странно реагируют на иностранные деньги, а местной валюты, кроме полученного от Дэннила гонорара, в кошельке у меня сегодня не было.

Глаза вымогателя загорелись, и он выхватил у меня монету.

Я чувствовал, как щелкают счеты в его голове.

– Очевидно, что я не из ваших краев, и все же должен тебя предостеречь: я знаю не только цену шоколада и мяса. *Сьета?*

Трактирщик скрипнул зубами, однако ответил почтительным кивком.

– *Сьета.*

Вытащив кошелек, он выудил мелочь и, поджав губы, небрежно швырнул на стол десять оловянных битов. Зачерпнул еще горсть и еще, пока шестьдесят монет не усеяли всю поверхность столешницы.

– *Дисфра э коми, баша...*

Трактирщик затянул горловину денежного мешочка и ушел, всем своим видом показывая, что возвращаться к нам более не намерен.

– Можно было сократить счет еще больше, – воинственно заявила Элойн. Таким голосом легко снять стружку с деревянного стола.

– Ты поняла, что он сказал?

Я уловил смысл лишь одного слова из реплики хозяина заведения. Путешествовать мне приходилось немало, однако я никогда не ставил себе цель изучить этайнианский, поскольку местные жители прекрасно владели универсальным языком торговцев.

– Приятного аппетита, поганцы, – мрачно перевела Элойн.

– Ты ведь не этайнианка, – задумчиво сказал я и, собрав монеты, опустил их в карман плаща.

– Кто тебе сказал? – усмехнулась она, окинув меня холодным оценивающим взглядом.

– Нет, ты, конечно, можешь сойти за местную, однако смуглость – еще не доказательство происхождения. Мы оба не из Этании, и даже не из соседних с ней стран. Я знаю, где мои корни, а ты?

Элойн одарила меня сладкой улыбкой, по сравнению с которой горячий шоколад казался бы невыносимо горьким.

Я вздохнул и, признавая поражение, поднял вверх руки.

– Отлично. Раз так – давай вернемся к нашему разговору. Меняю свою историю на твою.

– Так ты предлагаешь начать с меня? – с притворным удивлением осведомилась Элойн.

Сыграла целую пантомиму, прижав руку к груди, и я невольно перевел взгляд с ее лица на шею. Во впадинке между ключицами скопилось несколько капель дождевой воды, сияя в свете свечей подобно драгоценному камню.

– Именно так, – плутовато ухмыльнулся я.

Знакомое представление... Впрочем, на этот раз я предпочел бы не говорить, а слушать.

– Не сомневайся, моя история тебя поразит.

– Только сам дьявол может так поступить с бедной женщиной.

– Ты ведь слышала легенды? Некоторые из них так и говорят: Ари – дьявол.

Я изобразил волчий оскал, и моя спутница опустила уголки губ книзу, явно стараясь не расхохотаться. Ее глаза сверкнули, и твердый локоток воткнулся мне под ребра.

– Ты прекрасно знаешь, что я знакома далеко не со всеми вариантами. А те, что помню, представляют тебя не с лучшей стороны. Например – рассказ о том, как ты получил вот это. – Она указала на мой плащ и зажала складку материи между пальцами. – Вроде бы он еще сырой после дождя, однако почему у меня на руке не осталось ни капли влаги?

– Стало быть, ты желаешь, чтобы я начал именно с плаща? – поддразнил я ее. – Хочешь знать, как он мне достался? Что ж, этот рассказ позволит многое понять о моей жизни, но далеко не все. – Я пожевал губами и поднял взгляд к потолку. Сделал паузу. Пусть немного позлится.

– С начала, пожалуйста.

Элойн запрыгала на стуле, словно ребенок, предвкушающий длинную увлекательную сказку. Сказку о моем прошлом.

У меня слегка потеплело на душе.

Каждый желает, чтобы его рассказ был не пустым звуком. Для этого требуется хороший, внимательный слушатель, который будет ахать и охать в самых важных местах. Нужно кое-что еще: условный собеседник не должен осуждать ваши грехи, особенно если те переходят допустимую грань.

Именно такого слушателя я надеялся найти в лице Элойн.

– Что ж, прекрасно. С начала – значит, с начала. Позволишь мне собраться с мыслями?

Я уставился вдаль, однако не преминул лукаво покоситься на свою спутницу, и та усмехнулась:

– Сколько я слышала подобных просьб! Вот только последующий рассказ оказывался уж совсем куцым, во всяком случае – на мой взгляд. – По ее лицу расплылась озорная улыбка. – На этот раз надеюсь, что твоя история будет длинной и занимательной.

Мои щеки невольно запылали.

Негоже великому сказителю терять самообладание. Я откашлялся и сложил материю разума – сперва в два раза, а затем в четыре. Каждая грань восприятия пока оставалась девственно чистой, словно новенький холст, установленный на мольберт живописца. Идеальное пространство, которое можно расцветить любыми красками, будь то история жизни или твердая вера, что позволит преобразить окружающую действительность.

В моем случае следовало запечатлеть на каждой грани другое место и другое время. Место, ни в каком смысле не сравнимое с Этайнией. Место, которое я мог назвать домом.

Двери таверны с треском распахнулись, и на пороге появилась троица. Похоже, вновь прибывшие не ведали другого занятия, кроме как травить невинных. В центре стояла медленно приближающаяся к среднему возрасту женщина, подле нее – двое мужчин в кольчугах и белых, ниспадающих с плеч длинных плащах с узором. Золотые зазубренные кольца – символ солнца.

Пастыри...

Я тяжело сглотнул и отвернулся, продолжая незаметно посматривать в их сторону. Лицо женщины – жесткое, острое, угловатое, словно вырезали из камня. От него так и веяло холодом.

На ней было длинное бурое пальто и кожаные штаны оттенка свежих оливок, на бедре – притянувший мой взгляд клинок. Тонкая рукоять, причудливо изогнутая гарда. Меч для знати или для высших чинов.

Я нахмурился. Пастыри – церковные воины Этайнии, поклявшиеся служить высшим религиозным органам до последнего. Своих обетов они придерживались неукоснительно. Прикажи им церковный деятель сжечь человека заживо – сожгут и не задумаются, а Господь потом разберется. Подобные безжалостные фанатики представляли собой идеальный инструмент террора, поддерживающий теократический режим Этайнии.

– Боюсь, с рассказом по очевидным причинам придется повременить, – прошептал я, склонившись к уху Элойн. – Мне бы не хотелось, чтобы эти люди поняли, кто перед ними сидит. – Я печально усмехнулся и тут же помрачнел, взглянув в лицо моей прекрасной спутницы.

Элойн застыла на месте, приоткрыв рот и широко распахнув глаза. У нее на щеке выступили крупные капли пота.

– Им нет никакого дела до того, кто ты есть и кем был...

Она судорожно вздохнула, склонилась над своей миской и, словно невзначай, прикрыла лицо рукой, опершись локтем о стол. Просто усталая странница, которая вдруг почувствовала себя неважно.

Я понял ее молчаливый намек и придвинулся ближе. В жилах у меня закипела кровь, и плащ взметнулся, отвечая на мое душевное состояние. Раскинув руки, я прикрыл Элойн и притянул ее к себе.

– Надеюсь, это не слишком большая вольность с моей стороны?

– Надеюсь, твоя дерзость не перейдет границ.

Ее голос дрогнул, а огонь, до того горевший в глазах, погас, и взгляд стал холодным, отстраненным.

– Трактирщик! – окликнула женщина хозяина постоянного двора.

Ну и голос... Словно острым железом по льду. Жесткий, решительный тон. Так может говорить лишь человек, облеченный абсолютной властью.

Трактирщик засуетился и, пробормотав вполголоса проклятие, замер на месте, однако уже в следующий миг взял себя в руки.

– О блюстительница Правосудия...

– Именно. – Голос женщины, словно меч, рассек надвое повисшую в зале тишину. – Час уже поздний. Ты ведь послал весточку?

Весточку?

Я покрутил это слово в уме, и у меня остался вопрос: с какой целью?

– Да, уважаемая... э-э-э...

Трактирщик заломил руки, пытаясь избежать взгляда блюстительницы.

– Мое имя не имеет значения. *Сьета*? Мой ранг – это все, что тебе следует знать.

Хозяин послушно кивнул и тут же указал подбородком в мою сторону. Я напрягся, сомкнув пальцы на рукояти посоха. Не стоит действовать опрометчиво. Обдумав собственный совет, я подавил усмешку. Мысль благоразумная, и все же...

Когда я соглашался с осторожным внутренним голосом?

Не успел сделать и пару вдохов, как блюстительница правосудия нависла надо мной, окинув меня презрительным взглядом. Как еще смотреть на низшее существо?

В подобной ситуации оставалось лишь одно. Совершить поступок, способный донельзя взбесить тех, кто причисляет себя к элите и считает, что в их жилах вместо красной кровушки текут золото да серебро. Я бросил на блюстительницу взгляд, каким достаивают не воинов церкви, а деревенских девчонок, с которыми позволительно встречаться под луной.

– Господи, похоже, я благословен, коль мной интересуется дева неземной красоты.

– Если желаешь насладиться неземной красотой, взгляни в зеркало, – поморщилась блюстительница. – Ты достаточно смазлив, чтобы смотреться в него день и ночь.

Я не позволил ее едким словам стереть улыбку с моего лица. Лицедействовать так лицедействовать.

– А если я найду зеркало, в отражении которого мы поместимся вдвоем? О, это будет непревзойденная картина...

Блюстительница помолчала, затем назидательно подняла вверх жесткий, словно штырь, палец. Ткнула в висящий на груди металлический кружок с острыми выступами – нечто наподобие солнца с огненными лучами.

– Знаешь, что это? – сузила она глаза.

– Знаю.

Блюстительница коротко кивнула:

– Я удостоена железного знака самого понтифика и дарованного им меча. – Она указала глазами на зачехленный клинок и добавила, приложив два пальца к металлическому кружку: – Я уполномочена говорить от имени самого Солюса. Внимай тому, что слышишь. Ты обязан обращаться ко мне с должным почтением и отвечать на любые вопросы. *Сьета*.

Склонив голову, я не изменил позы. Стоит двинуться – и плащ соскользнет с плеча полуприкрытой им Элойн. Попытаешься вновь оградить ее от пристального взора – лишь возбудишь лишние подозрения.

– Ты не из наших мест. Не из Этайнии.

Я покачал головой.

Блюстительница застыла на месте, не сводя с меня глаз:

– Ах, рассказчик...

– Сказитель, – твердо ответил я, дав понять, что перед ней лучший из лучших.

Не для того я годами зарабатывал свою славу, чтобы меня смешивали с племенем бродячих сказочников.

Мое ремесло – моя кровь, дар моего народа. Я заслужил право быть первым среди равных.

Слегка расслабившись, блюстительница фыркнула и сделала шаг в сторону, пытаясь сунуть нос под мой плащ.

– Кто с тобой?

– Моя спутница. Она устала и проголодалась. Тяжелый путь без еды и воды. Она заслужила право на вечернюю трапезу в тишине и покое. – В моем голосе зазвучал металл, глаза блеснули вороненой сталью.

Блюстительница облизала губы. Явно не привыкла к подобной независимости, и мои смелые слова задели ее за живое.

Я готов был поспорить на бронзовую септу, что дурная слава ее касты и высокий ранг никому иному не позволили бы даже пробормотать под нос тихое проклятие.

Она совершила привычное движение, и меч мягко вышел из ножен, заиграв в свете свечей серебристым блеском. Узкое и острое лезвие напоминало невероятно длинную травинку. Блюстительница медленно подняла его, едва не коснувшись острием моего правого глаза.

Я даже не моргнул. Видали и не такое.

– Если я всажу в тебя клинок – ни у кого и вопроса не возникнет. Никто слова не скажет. Не успеет твоя кровь остыть, а о тебе уже забудут.

– Постыдись! Моя репутация не заслуживает подобного обращения. – Я пожевал губами, сделав вид, что глубоко задумался. – Мы могли бы исправить недоразумение. Удели мне всего десять минут наедине – а больше и не потребуется, – и ты запомнишь меня надолго.

Она побледнела, как молоденькая девушка, затем кровь бросилась ей в лицо, словно после первого в жизни поцелуя. Пастыри обменялись удивленными взглядами и оглядели зал, будто выискивая местечко, где спрятаться.

Железная выдержка изменила блюстительнице. Скривив рот в страшном оскале, она вскрикнула от ярости и, дернув мой плащ, сорвала его с Элойн.

– Плохая маскировка, *баши*! – ядовито процедила она.

Я вспомнил перевод Элойн. *Баши*... Поганец? Поганка? Значит, это не случайное оскорбление, брошенное трактирщиком, причинившим ему лишние хлопоты запоздалым посетителям. Словцо было рассчитано именно на то, чтобы уязвить Элойн. И та слышала его явно не в первый раз – иначе реагировала бы по-другому.

Тяжело сглотнув, певица посмотрела на блюстительницу Правосудия, затем перевела взгляд на меня:

– Терпеть не могу это слово...

Лицо незваной гостьи исказила жестокая гримаса, рот растянулся в ледяной ухмылке:

– А мы здесь ненавидим особ твоего рода-племени!

Во мне поднялась волна обжигающего гнева.

Похоже, один из пастырей заметил, как мои глаза загорелись, и потянулся к оружию – короткой толстой дубинке из темного дерева с окольцованным железными обручами утолщением на конце.

Блюстительница отвела меч от моего лица и уперла его острие в горло Элойн:

– Проткнуть тебя – все равно что заколоть молоденького ягненка. Все только обрадуются, узнав, кого я прикончила. – В ее зрачках зажегся опасный огонек. – И все же куда лучше будет доставить тебя на церковный суд. Публичная казнь – то, что надо. Взять ее!

7

Дьявол в алых одеждах

Ткань моего разума сложилась раз, другой. Секунды не прошло, а в мозгу у меня уже возникла дюжина граней восприятия, каждая из которых отразила один и тот же образ. Мой голос сплелся с воздушными потоками и раскатился по залу.

Вент... Эрн...

– Довольно! – выкрикнул я, поднявшись из-за стола.

Посуда на столе подпрыгнула, и пастыри невольно отступили на шаг. Казалось, даже деревянный барельеф с изображением Солюса прогнулся под тяжелой волной, вызванной моим криком.

Блюстительница словно окаменела.

– Беги! – негромко сказал я своей спутнице, однако плетение превратило эти два слога в лвиный рык.

В глазах Элойн заплескался ужас – так мечутся глаза кролика, завидевшего ястреба. Я несколько не удивился признакам охватившей ее паники: грудь певицы бурно вздымалась, веки трепетали, словно пытаясь взмахами ресниц отогнать близкую беду. Босые ноги нервно переступали по деревянной половице, и все же Элойн была не в силах сдвинуться с места.

– Беги!

Мой рев вырвал ее из состояния шока и толкнул вперед, словно штормовым порывом ветра.

Не оглядываясь, женщина бросилась к двери.

Один из пастырей попытался поймать ее за юбку, однако я схватил посох за рукоять и коротким взмахом отбил в сторону закованную в железо руку воина церкви.

Блюстительница наконец сбросила с себя оцепенение, пролаяла приказ, ткнув пальцем в сторону Элойн, и сделала выпад, целясь острием меча в мою грудь.

Грани восприятия разума мгновенно очистились и отразили новый набор образов. Я стоял неподвижно, словно могучий дуб. Куда там троице обычных служителей церкви... Мы были настолько разными по своей природе, что само пространство между мною и пастырями отталкивало их прочь.

Ан...

Формула плетения загорелась в мозгу, когда клинок медленно приблизился к моему сердцу.

Ал!

Теперь меня надежно защищал воздушный пузырь, и острие меча уткнулось в невидимую преграду. Неожиданное препятствие отбросило меч блюстительницы назад, в то время как второй пастырь взмахнул дубинкой, пытаясь нанести мне удар в голову. Воздушная стена отшвырнула и его.

Блюстительница побелела и глянула на меня так, словно впервые заметила мое присутствие. Теперь она видела меня как положено и понимала, что лицедейством тут и не пахнет. Осознала, что я – нечто большее, чем обычный странник.

– Магия! – гавкнула она, и все же в ее голосе слышался затаенный трепет.

– Причем древнейшая. Десять формул плетения, которые должен знать каждый... – Давно заученная мантра вырвалась из меня против воли.

– Дьявол...

Будто вспомнив об охватившей ее ярости, она снова ткнула в меня мечом, и тот остановился на расстоянии ладони от моего сердца. Блюстительницу еще раз откинуло в сторону.

– Меня называли и так, и еще хуже. По правде говоря, были в жизни моменты, когда я заслуживал это прозвище. – В груди разгоралось пламя, грозя сжечь меня изнутри. – Могу кое-что тебе показать.

Я распустил часть первоначального плетения, направив силу внутрь. Формула, уплотнившая пространство вокруг, теперь защищала мои внутренности. *Вент* – это раз. *Эрн* – это два.

Магические слова всплывали в мозгу, словно старые друзья. Я потянулся к сердцу, окружив его пылающим кольцом. Источник бесконечного жара... и боли. Грани восприятия теперь горели ярким огнем. Все горячее, все жарче... Меня затопил дьявольский багрянец. *Вент*... Я сплел огонь с собственным дыханием и выпустил воздух из легких. *Эрн*...

Яростное пламя страшной вспышкой вырвалось из моего рта, заливая пространство вокруг. Огонь лизал воздух тонкими языками, подбираясь к лицам вооруженной троицы, и, не коснувшись никого, заставил воинов церкви отпрянуть.

Один из пастырей пробормотал нечто невнятное на этайнианском и тут же вскрикнул:

– *Диавелло... Диавелло!* – Ткнув в мою сторону дрожащим пальцем, попятился.

Дьявол, дьявол... Что ж, так понятнее. Пастырь прав, хотя и не совсем точен. Будь я и вправду в дьявольском настроении – здесь уже всю бушевал бы пожар, однако до этого пока не дошло.

Я выдохнул еще одну длинную широкую струю пламени, залившую все вокруг невыносимым светом. На миг ослепшая троица прижала руки к глазам, и я немедленно воспользовался их замешательством.

Разорвав плетения мысленным усилием, поморщился от пронзившей голову боли. Давненько не приходилось использовать три формулы разом. Быстро развернувшись, я обогнул стол, проскочил мимо ошеломленного хозяина таверны, и тот слепо поплелся за мной.

Пришлось хорошенько ударить его посохом по руке. Послышался треск – вероятно, сломалась какая-то мелкая косточка.

Трактирщик взвыл, отскочил назад и схватился за поврежденное место.

Поделом...

Я пробежал в дальний угол зала и, взявшись за перила, рывком взлетел на несколько ступенек вверх, а воины церкви уже пришли в себя и с мрачной решимостью бросились мне вслед.

Похоже, об Элойн они забыли. Отлично.

Я поднялся почти на самый верх. Там развернулся и встал, поджидая первого из пастырей. Рука скользнула в один из бесчисленных карманов плаща, нащупав внутри холодный металл нескольких треугольных битов, полученных на сдачу от трактирщика. Пришло время для нового плетения.

Голова слегка закружилась – даже пришлось стиснуть зубы. Сработала первая часть плетения, и ноги словно вросли в деревянную ступеньку. *Ал...* Зажав между пальцами оловянную монету, я представил, как мой вес ускоряет ее полет. *Ал...*

Металлический треугольник стрелой выскочил из руки и, закувыркавшись в воздухе, врезался в грудь первого пастыря, уже ступившего на лестницу. Сила плетения инерцией швырнула меня назад, и я оказался в начале коридора второго этажа.

Пастырь кубарем покатился вниз и сбил с ног своего напарника. Резко остановившись у первой ступеньки, блюстительница Правосудия перешагнула через тела рухнувших у ее ног мужчин и окинула их коротким испепеляющим взглядом. Наказания подчиненным не избежать.

Не прошло и секунды, как она двинулась ко мне.

Я не стал дожидаться, пока воинственная дама взберется наверх и удовлетворит свое самолюбие, проткнув меня мечом. Мои ноги застучали по деревянному полу коридора. На бегу я тыкал концом посоха в попадавшиеся по пути двери. Из каждой комнаты доносились

раздраженные крики, постояльцы выскакивали в коридор, надеясь выместить злость на нарушителе спокойствия. В узком проходе началась толчея – что мне и требовалось. Блюстительнице пришлось продираться сквозь мешанину человеческих тел.

Дальше коридор поворачивал налево, где начиналась еще одна лестница, ведущая на третий этаж, но меня больше интересовало окно. Дешевенький одинарный переплет, рама чуть шире размаха моих плеч, тонкое стекло вздрагивает под каждой каплей дождя.

Я ускорил шаг и, добежав до окна, прыгнул. Плащ повиновался мысленным приказам, словно рука обычного человека. Встрепенувшись, как живой, он окутал меня надежным коконом, и я влетел головой в окно. Стекло разбилось с глухим треском – так ломается тонкий лед под тяжелой ногой.

Выпорхнув наружу, сразу заметил плоскую крышу примыкающего к таверне приземистого одноэтажного строения. Дождь лил вовсю. Я поджал колени, готовясь к неизбежному удару, и выбросил вперед руку, позволив посоху прокатиться по черепице. Приземление после прыжка и побег по крышам – целое искусство. Сила инерции падения, как правило, приводит несведущего человека к печальному итогу, и все же инерция – ваш самый надежный помощник.

Я сгруппировался и приземлился под углом, стараясь не удариться пятками, и тут же совершил плавный кувырок. Основной удар приняла на себя поясница, от которой боль растекалась по всему позвоночнику, однако я сразу поднялся на ноги и подобрал скатившийся к краю крыши посох.

Следующая крыша далековато – не допрыгнешь.

Мысленно измерив расстояние, я взглянул вниз. Что тут есть полезного? Ага, тележка уличного торговца. Поверх натянут небольшой кусок брезента, под которым продавец обычно укрывается от лучей палящего солнца. Товар уже убрали, так что, похоже, серьезного ущерба бедняге не нанесу.

Из разбитого окна неслась густая брань на этайнианском наречии.

Я обернулся, послал в окно смущенную улыбку и в знак благодарности приложил ко лбу два пальца. Удостоверившись, что блюстительница бессильно наблюдает за моим побегом, оттолкнулся от крыши и плашмя рухнул на землю – во всяком случае, именно так показалось преследовательнице.

Спружинив под моим весом, брезент затрещал и треснул по швам, и я, чертыхнувшись, скатился вниз. Схватился за край навеса, пытаюсь устоять на ногах.

Опрометчивое решение!

Тележка немедленно перевернулась и грянулась о каменную мостовую. Зашипев от раздражения, я закрутил головой. Где же Элойн?

На улице ни души.

Впрочем, такой впечатляющий полет наверняка привлек внимание. Меня вот-вот начнут разыскивать, и следы рано или поздно приведут в «Три сказания».

Мои книги... Сердце сжали ледяные пальцы и не отпускали до тех пор, пока не заныло в груди. Дыхание участилось, стало мелким и поверхностным. Рябь уляжется – просто надо обождать. Уроки далекой юности...

Наконец удалось набрать полную грудь воздуха. Пробравшись между домами, я вышел на главную улицу, удерживая в уме лицо Элойн во время выступления в таверне Дэннила. На нем разум и сосредоточился, разбивая образ на бесчисленные мелкие фрагменты. Певица словно смотрела на меня из разбитого окна, в каждом из осколков которого отражались ее черты.

Страх за сохранность собранных мною легенд утих, и я взял себя в руки. Добравшись до конца улицы, взвесил риски: стоит ли начинать новое плетение? Дождь продолжал шелестеть, заглушая посторонние звуки, – так опасность вовремя не обнаружишь, однако и сворачивать сейчас материю разума тоже небезопасно.

Тень ее возьми, куда же девалась Элойн? Что она говорила? Любит дождь... Я осмотрелся вокруг. Далеко певица уйти точно не могла. От комнаты в «Трех сказаниях» не отказывалась – в конце концов, именно там она давала представления.

Каждое здание в Этайнии имело плоскую крышу со стоками для дождевой воды. В хорошую погоду там принимали солнечные ванны. На крыше «Трех сказаний» с равным удовольствием можно было и помокнуть, и позагорать.

Дай бог, чтобы мои предположения оправдались. Я поспешил к таверне. Колючие капли дождя жалили меня в лицо, словно стеклянное крошево, и я добежал до места в мгновение ока. Оглянулся. Ни пастырей, ни блюстительницы.

Повезло... Я ворвался в таверну, поскользнувшись на входе, и в полной темноте разглядел на полу влажную дорожку. На всякий случай наклонился и тронул половицы пальцем. И правда мокро.

Похоже, Элойн только что вернулась. Собирает вещи, готовится бежать? Или все же забралась на крышу? Решив надеяться на лучшее, я затопал по лестнице.

– *Эйо диавелло...*

Я застыл на полушаге и затаил дыхание, хотя после пробежки воздуха и так не хватало.

Из двери позади стойки бара показалась смутная фигура, устало протирающая заспанные глаза.

Еще не приспособившись к темноте, я уже знал, кто меня встречает.

– Дэннил...

– *Мадре де...* – Он осекся и подошел ближе. – Ты?

Я кивнул.

Трактирщик зевнул, прикрыв рот.

– Что-то случилось? Не понравилась кровать? Или комната? Да нет, быть того не может – я выделил тебе лучший номер в таверне. – Он снова зевнул и развел руками. – Никак не могу уснуть. Обычно бессонницей не страдаю. Уберусь вечером – и падаю без сил. Так в чем, говоришь, дело? Никак, женщина? – понимающе понизил он голос.

– Дело всегда в женщине, – невозмутимо ответил я.

– Да, с ними сложно. Эх, плохо без Риты – вот кто точно дал бы тебе подходящий совет.

Я предположил, что советы его покойной спутницы наверняка предназначались бы не мне, однако спорить не стал.

– Мне лестна твоя забота, но я должен тебе кое-что сообщить.

Дэннил нахмурился.

– Насколько ты ценишь свое заведение? Что для тебя значат теплые вечера и проходящие здесь представления? Кстати, что о них скажешь?

Вдруг его ответ совпадет с моими ожиданиями?

– Знаешь, на чем стоит эта таверна? – Дэннил обвел рукой зал. – На сказаниях. На трех сказаниях.

Я наострил уши.

– Когда-нибудь тебе их поведаю. Все три. Рита как-то заметила, что таверна настолько хороша, насколько хороши ее хозяева, насколько толковы те люди, которых они нанимают. – Толстяк раздулся от гордости. – Вот потому у меня самое лучшее заведение в стране. Мои работники значат для меня очень многое.

А не кривит ли он душой? Попробуем выяснить...

– Сегодня вечером мне испортила прогулку блюстительница Правосудия, – обронил я и замолчал.

Дэннил шумно засопел, однако ничего не ответил.

– При ней было два пастыря, и все они дружно горели желанием забрать с собой нашу замечательную певицу. Ума не приложу, в чем тут дело.

Глаза владельца таверны беспокойно забегали, и он вздохнул:

– И что было дальше? Не уверен, что хочу знать, но не спросить не могу.

Я рассказал ему о нашей эпопее. О плетениях упоминать не стал – кому они здесь нужны? Так или иначе, большинство было уверено, что все это не более чем выдумки. Верили в силу плетений считанные единицы, да и те принимали мастерство плетущих за дьявольские трюки, а не за божественный дар.

Дэннил моргнул и закрыл лицо ладонями, будто пытаясь защитить себя от подступающей беды:

– И ты вернулся сюда? Хочешь неприятностей? Если Правосудие нагрянет в мою таверну и начнет расспросы... Люди расскажут все. – Его взгляд стал жестким. – Расскажут правду.

– Так и думал. Впрочем, меня больше интересует, что поведаешь им ты.

Я сжал руку на посохе, однако мое лицо оставалось бесстрастным. Угрожать не стоит.

Дэннил глухо застонал:

– Отказать человеку в помощи? Рита съела бы меня поедом. Но, тень тебя заberi, мальчик... Ты вообще о чем-то думаешь?

Если честно – нет. Однако я сделал тут не самую плохую работу.

– Преследовать кого-то только потому, что у тебя есть право, – гнусно. Пытаться вывести человека на церковный суд лишь в качестве назидания – мерзко. Знаешь, что я скажу? Будь прокляты законы и обычаи этой страны!

Дэннил прищурился, и на его скулах заходили желваки.

Я знал, как наверняка обидеть человека: всего лишь нужно опровергнуть то, во что он свято верит.

Есть и другая непреложная истина: некоторых людей обижать просто необходимо, особенно когда многое поставлено на карту. Многое, если не все. Например – сама жизнь.

– Что сказал бы о твоей церкви Солюс, узнай он, что его наместники на земле травят беззащитную женщину? – Я помолчал и нанес решительный удар: – Что сказала бы твоя Рита?

Он гневно передернул плечами, и я понял, что сейчас произойдет.

Дэннил нанес мне крепкий удар в челюсть.

Пока он размахивался, моя мысль работала. Давно отточенные и еще не забытые рефлексy кричали: перехвати его руку, швырни его наземь! Приняв тяжелое решение, я не стал сопротивляться. Так надо...

Тумак был хорош, и меня отбросило на несколько шагов назад. В виске вспыхнула тупая боль, однако на ногах я удержался. Возможно, трактирщик и выглядел рыхлым толстяком, однако годы физической работы не прошли даром: под слоем жира скрывались мощные мышцы.

– Не так уж просто заслужить удар в зубы, но если ты не к месту заикаешься о чужой женщине – это одна из причин. Неплохо бы тебе запомнить мои слова, – холодно процедил Дэннил.

– А если твою женщину подвергают опасности? Тогда что?

Я старался не повышать голос, однако трактирщик невольно отпрянул, словно теперь была его очередь получить затрещину. Похоже, до него наконец дошло.

– Ты уверен, что законы государства или люди, их принимающие, значат больше, чем сам народ? Насколько выше ты ставишь церковь над людьми, которых обслуживаешь в таверне? На кону люди, причем те, с которыми ты работаешь каждый божий день. Странники, лицедеи, клиенты, что приносят звонкую монету и заставляют улыбаться. Посетители, не причинившие тебе никакого вреда, не угрожающие твоей независимости и привычному образу жизни.

Я пристально взглянул на Дэннила, с трудом подавив желание применить парочку формул, чтобы донести до него свою мысль.

Трактирщик шумно выдохнул и покачал головой:

– Тень нас всех возьми... Не кричи на меня – разбудишь людей, заплативших хорошие деньги за ночлег. – Он отвернулся, почти беззвучно пробормотав длинную фразу – видимо, непристойно выругался. Фыркнув, крепко потер лицо. – *Айе Салиос!* Ты заставляешь меня солгать Правосудию...

– Именно так. – Наклонив голову, положил руку ему на плечо. – Я сделаю так, что ты о своем поступке не пожалеешь.

Дэннил напрягся.

На самом деле подкупить человека не столь просто. Если не знать его потаенных желаний и надежд – успеха не добьешься. Одного соблазнят деньги. Второго – вовремя предложенная услуга. Остальными движут совершенно иные стремления. Взять хоть Дэннилу, не видевшего в молодости ничего, кроме нищеты, и внезапно обретшего любовь...

– Я дам в «Трех сказаниях» такие представления, которых здесь в жизни не видывали. Даже той легенды, что я уже рассказал, более чем достаточно, и все же готов устроить здесь настоящий театр. Сам убедишься – королевский в подметки не годится. О твоём заведении заговорят по всей стране.

В последние слова я вложил всю страсть и уверенность, зная, чего на самом деле хочет мой трактирщик. А хотел он процветания своей таверны. Мечтал, что его построенное с любовью скромное маленькое заведение прогремит на всю Этайнию, чего доселе и представить было нельзя.

Сделав шаг назад, Дэннил кивнул. Я благодарно улыбнулся, и вдруг он поймал меня за руку.

– Что?..

– Она далеко не обычная женщина, понимаешь?

Похоже, хозяин таверны считал, что я пойму его с полуслова, однако лишь оставил меня в недоумении. Махнув рукой, он вздохнул:

– Она сама все расскажет, если тебе удастся ее разговорить, однако Правосудие заинтересовалось ею неспроста.

Дэннил замолчал, отпустив мой локоть.

Я двинулся наверх, но на втором этаже, где находилась моя комната, не задержался. Поднявшись выше, встал перед единственной дверью, наверняка ведущей на крышу. Легкий толчок – и дверные петли закрипели.

Ливень кончился, и вместо дождевых струй в воздухе повисли тонкие нити тумана.

Я ступил в сырую муть и, прикрыв глаза, втянул в себя ощущение спокойствия. Некоторые считают, что дождь – субстанция, не обладающая запахом, и жестоко ошибаются. Только небеса могут создать аромат чистоты. Да, иные запахи смываются, и в воздухе остается лишь мягкая свежесть – легкая, вносящая в душу успокоение.

Я глубоко вдохнул и задержал дыхание, дожидаясь, пока уличный воздух охватит все тело. Грани невольно свернувшегося разума отразили девственную белизну, словно умоляя меня заполнить их новым плетением. Чем угодно – лишь бы возродить чуточку магии. Медленно выдохнув, я отбросил ненужные сейчас желания и прислонился спиной к двери.

– Настоящий джентльмен составил бы компанию бедной женщине, – раздался голос из-за пелены тумана, – и не дал бы ей замерзнуть в одиночестве.

Я подавил улыбку и повернулся на звук.

Элойн сидела всего в нескольких шагах от меня, подтянув колени к груди. В ее пристальном взгляде читалось сразу несколько вопросов:

Как ты меня нашел?

Что случилось после моего побега?

Что скажешь по поводу моего пребывания на крыше в такую погоду?

Словом, я почувствовал сильнейший призыв и окинул ее внимательным взглядом. Прическа певицы намокла, но прелестные завитки никуда не делись. По элегантно изогнутому носу скатилась капелька дождя и повисла на самом кончике, веки потемнели от потекшей краски. И кое-что еще: в глазах Элойн появился блеск, и дождь тут был точно ни при чем.

Слезы? Я сделал вид, что ничего не заметил – молодая женщина явно этого не желала. Возможно, потому и сидела под проливным дождем.

Подобравшись к Элойн, я опустил на колени, и она улыбнулась:

– А говорил, что не джентльмен...

Я уселся, прислонился к кирпичной стенке и, приподняв полу плаща, предложил ей укрыться. Она не возражала, даже позволила обнять ее за плечи. Я рывком притянул женщину к себе.

– Думаю, сегодня все же исполню эту роль.

– Хм... – Задумчиво поджав губы, Элойн коснулась пальчиком верхней губы. – Джентльмены, между прочим, обычно выполняют просьбы дам.

Она прижалась плотнее, упершись плечиком мне в грудь.

– Обычно выполняют, – неуверенно ответил я.

– А если попрошу тебя сдержать обещание?

Элойн взглянула на меня в упор, и глаза ее показались такими огромными... Я едва не утонул в их бездонной зелени, пусть и слегка поблекшей в непогоду. Теперь они скорее напоминали цветом мягкие и хрупкие сосновые иголки. В ее тоне звучали умоляющие нотки, которые я не раз слышал от тех, кто нуждался в моих сказаниях отнюдь не для развлечения. От тех, кто желал сбежать от тяжелой реальности, готов был на многое, чтобы хоть на время сбросить с плеч груз, норовивший затянуть в трясины.

Я коротко кивнул. Устроить подобный мысленный побег было в моей власти. Возможно, отвлечение станет мимолетным, и все же Элойн ненадолго избавится от терзающих ее дум.

– Видишь ли, мне не слишком приятно рассказывать свою историю.

Отчего бы не подразнить ее еще немного? Я искоса взглянул на девушку, потом выдохнул и вновь набрал полную грудь воздуха. Кто знает, как она воспримет повесть о моем прошлом, насыщенном глупостями и нелогичными поступками? Я задумался, однако терпение Элойн обезоруживало.

– История эта долгая и непростая. Она охватит тысячи миль и событий, случившихся под небом самых разных стран. Ты услышишь повествование об истинах и благородных поступках, о лжи и легенде... Я расскажу о том, как превратился в Дракона Рокаша, как вспылал пламенем среди его замерзших степей. О том, как стал Первым мечом Нефритовых хором в Лаксине – далеко на востоке, где земля встречается с небом. Я – Орел Эддерита, Лев, возжегший огонь вечности, нанесший удар по Шаен во имя любви принцессы. Я допустил страшный просчет и навлек на себя вечный гнев черных всадников. Изучив десять формул плетения, которые должен знать каждый, овладел ими в совершенстве. Провел сто одну ночь с Эншае и вырвал ее из лап воинственных Владетелей Зари. Ушел, но поклялся вернуться в кроваво-красных одеяниях, чтобы сдержать обещания.

Ворот моего плаща туго стянулся и тут же ослаб.

– Я видел лицом к лицу десятки существ, о которых говорили: «они – истинные боги», и превзошел их всех. Поджег легендарный Ашрам и похоронил деревню Амгур под горой льда и снега. Я похитил забытую магию и был проклят. Я грабил богатых торговцев и плавал на край света, потерял больше денег, чем могло присниться десятку высокородных господ. Собрал величайшие предания, одно из которых скрыл так, что до него не добраться никому. Соблазнял мифических дев, что пением своим разрушали сердца и разум мужчин. Это лишь малая часть моих деяний, и они станут легендами на все времена. И все же среди них есть

величайший в истории грех. Я выпустил на свободу существо, что поглотит мир без остатка, а с ним – и свет, и надежду.

Прижав руку к пронзенному болью сердцу, я скомкал в горсти ткань своего одеяния.

– Ты услышишь не только о чудесах, но и о великом ужасе. О героизме и грязном предательстве. Это не сказка, а подлинная трагедия. Прожитая жизнь заставила меня искать спасения, хоть я и не уверен, что смогу его обрести. Каждое мое слово – правда о поиске своих корней, о том, как, найдя их, я следовал им до конца. История до сих пор не окончена. Я погубил мир, только о том никому не ведомо. Тебе станет известно, почему люди боятся моего истинного лика.

Элойн сжала мне плечо и вперила в меня горящий решимостью взгляд:

– Я не боюсь!

Я отвел ее руку:

– А бояться следует. Сейчас расскажу почему.

8

Звуки для сцены

История моей жизни началась далеко на востоке, в месте, где улицы засыпаны песком, где огромные кирпичные дома скрываются за высокими каменными заборами. Я появился на свет в стране мрамора и золота, соли и пряностей, на богатейшем перекрестке торговых путей.

Не буду лгать – в юности мне этими чудесами насладиться не довелось.

Детские годы я провел в Абхаре – процветающем королевстве Империи Мутри. Отчаянной нищеты там тоже хватало, особенно на улицах города Кешума, где я и жил. Все зависело от того, кем ты родился.

Об этом я говорю не просто так: появиться на свет мне довелось не в той семье, и родители были вынуждены от меня избавиться. Сочувствия не прошу, лишь рассчитываю на понимание причин, по которым я до сего дня одинок.

Не помню ни лиц родителей, ни их голосов. Ничего не отложилось в памяти.

Зато прекрасно помню то место, которое называл домом.

* * *

Трюм под сценой – кошмар моих детских снов.

Пространство внизу было огромным, словно пещера в полости горы. И холод там стоял как в пещере. Деревянные, каменные и металлические конструкции занимали весь трюм, отбрасывая на стены странные длинные тени – если, конечно, вниз проникал хоть лучик света. Любой ребенок вообразил бы, что из этого подвала выползают жаждущие его крови чудовища. Я жил в мире шкивов и веревок, извивающихся над головой замысловатой и на первый взгляд бессмысленной паутиной. На самом деле ни один из отрезков шпагата не цеплялся за другой и не был закреплен намертво.

По одной из стен шли полые трубы, наводившие меня на мысль о высоких худых существах, что следят за мной по ночам. В углу устроилась старая ржавая печь, напоминающая дракона с разверстой пастью. Глядя на тусклый огонь в ее чреве, я именно так и думал, порой мучаясь от бессонницы.

Трюм представлялся мне одним из чудес света, когда я вспоминал, как холодные мертвые вещи вдруг оживают под моими умелыми руками – дышат, двигаются, работают. Набор хитроумных приспособлений даже издавал звуки, потребные лицедеям на подмостках нашего театра.

Руководил мною один – самый главный – голос:

– Звон, мальчик. Звон!

Вняв грубому оклику, я бросился к куску веревки и дернул его, вложив в рывок невеликий вес своего тела. Силенок не хватало – пришлось упасть с концом веревки на пол.

Изношенный шкив резко дернулся, и сверху донесся звон – словно звякнула о металл стеклянная бутылка. В зале засмеялись, захлопали. Звуки неслись издалека, будто из другого мира.

Несмотря на усталость, я улыбнулся. Привычные к тяжелому труду руки тем не менее болели.

– Удар!

Ослабив хватку, я взобрался на высокую деревянную платформу. Покрытые огромными, с кулак, синяками колени дрожали и пульсировали болью. Так, теперь другая веревка – старая, потерянная, но все еще жесткая. Я дернул, обжигая ладони.

Над моей головой задвигался косо висящий рычаг, и его обернутый тряпкой конец стукнул в большой барабан. Раздался зловещий удар – точь-в-точь раскат грома.

– Дождь! – грубо крикнули мне через перекрытия, однако до меня долетел лишь едва слышный шепот.

Немедленно подчинившись приказу, полез сквозь дебри инструментов и механизмов. Спешка до добра не доводит, и я зацепил ногой деревянный чурбак, заменявший ступеньку, сшиб его и скорчился от боли в ушибленном месте. Опять колено, а как же... Я поморщился, не обращая внимания на просочившийся из темного угла лучик света и укоризненное цыканье.

Стену, к которой я подобрался, занимал ряд тонких бамбуковых палок. Не знаю, насколько они поднимались над сценой, но наверняка высоко. К механизму пристроили маленькую вертушку, однако добраться до нее я никак не мог. Спустя мгновение проклял свою забывчивость и кинулся за скамеечкой.

Повелевающий мною голос молчал. Сверху холодно наблюдали за моим провалом.

Мне швырнули скамейку, и та грянулась об пол с гулким звуком – как будто снова загудел барабан. Я вскарабкался на нее и наконец дотянулся до нужной рукоятки. Деревянный диск сместился, частично высвободив насыпанный в верхнюю часть полого ствола песок и металлическую стружку, и мелкий мусор потек вниз.

Уши заполнил шум дождя, эхом отдававшегося на сцене. Я снова крутанул рукоять. Меня охватило волнение от причастности к общему делу, и мои движения стали хаотичными. Нашупав еще один рычажок, я тоже его рванул.

Наверху словно шел взаврадашний ливень.

Я нетерпеливо метнулся к следующему стволу и вскочил на шаткую приступку, силясь добраться до последней из рукояток механизма. Та располагалась слишком высоко, и я лишь царапал ее пальцами, не в силах провернуть. Наконец, вытянувшись в струнку, изогнулся так, как умеют лишь дети, и, зажав рычажок между большим и указательным пальцами, дернул.

Диск сдвинулся – сверху снова донесся нежный шелест искусственного дождя.

К сожалению, к нему примешался грохот – я свалился с хлипкой подставки. Та отлетела в сторону и с глухим стуком ударилась о стену.

– Кузнечные меха! – сказал сверху бесстрастный голос.

Говорили повелительно и отрывисто – человек отдавал приказы, не сомневаясь, что они тотчас будут исполнены.

Я с трудом поднялся и, пошатываясь, сделал несколько шагов вперед, несмотря на вспыхнувшую в разных частях тела боль. Поморщился – и все же, не останавливаясь ни на секунду, заковылял к древней печке.

Ее первоначальная конструкция претерпела некоторые изменения: вверху печь сужалась, переходя в тонкую металлическую трубу, шедшую к подмосткам. С одной из ее сторон устроили подобие кузнечных мехов, так что силу огня по мере необходимости можно было регулировать.

Я ухватился за рычаги устройства и принялся за дело. Руки ныли, мышцы растягивались до предела, а я все нагнетал воздух в старую печь. Огонь завыл, и к потолку поднялись клубы дыма. Еще секунда – и черные облака всплывут над сценой, как того и требовал сюжет.

Я работал в театральном трюме уже два года и каждый раз, вдумываясь в последовательность своих действий, точно знал, какую пьесу сегодня дают. Натруженные мускулы скрипели, а я продолжал качать воздух.

– Занавес, – сказали сверху.

Я коротко выдохнул и, даже не вытерев лоб, отошел от горячей печки. Мокрые волосы облепили голову, забились за уши, защекотав нежную кожу. В другом углу моего подвала находились два колеса, каждое с четырьмя спицами. К ободам приделали по небольшому рычажку, так что приводить их в движение было удобно.

Я ухватился за рукояти и, кряхтя, тронул колеса с места. Устройства неохотно двинулись и потихоньку набрали ход. Несказанный механизм слегка скрежетал, и трюм заполнили неприятные звуки.

Наверху прозвучал звонок. Заккрытие занавеса.

Крутить надо плавно, но сильно, чтобы занавес спускался мягко, без рывков, постепенно скрывая лицедеев. Это правило приходилось постоянно держать в уме, и я вращал колеса изо всех сил. *Щелк!* Механизм остановился.

Я расслабился и согнулся пополам. Все, работа окончена. Каждый глоток воздуха казался сладким и нес прохладу, хотя в подвале стояла невыносимая жара. Я вытер черные руки о свои потрепанные и порванные бриджи, если их еще можно было так назвать. Грязные дорожки пота катились по лицу, стекая на изношенную рубашу.

Некогда моя одежда была белой, однако теперь выцвела до бледно-серого оттенка – подобным образом стирается под миллионом ног и безжалостными ливнями булыжник мостовой. Чистился я усердно и все же не сумел оттереть пятна сажи с запястий.

– Прекрати! Может, твоя одежда и не нова, но этак ты приведешь ее в полную негодность.

Голос донесся из дальнего темного угла трюма. Стоявший там человек ростом был чуть ниже шести футов. Телосложение жилистое – работать ему приходилось много, а есть – умеренно. Хлопчатобумажные рубаша и штаны свободно болтались на худом теле.

Я прикрыл глаза и, пытаясь совладать с усталостью, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов.

– *Мазашиад!* – бросил человек. – Снова кто-то не запер заднюю дверь! – Он еще раз выругался, брызгая слюной.

– Клянусь, не я, Халим!

Прижать руку к груди – искренний, убедительный жест, но я отвел глаза – и это все испортило.

Халим фыркнул и вышел из тени. Взгляд у него теплый, едва ли не отеческий, голова крепкая и костистая – лицедеев с подобными тыквами частенько назначают на роли бандитов и головорезов. Однако стоит присмотреться – и сразу понимаешь, что Халим не из этой породы. Лоб у него узкий и высокий – совсем не такой, как у выходцев из низших слоев общества, редкие волосы стрижены до коротенькой щетины.

Лысеть Халим начал еще до того, как я с ним познакомился, а теперь и голову, и лицо брил начисто, от чего угловатые черты смягчались. Нос кривой – в далеком прошлом его свернул на сторону чей-то кулак.

История известная: однажды он спас ребенка, приютив того в своем театре, и за добрый поступок ему добром не отплатили.

Халим опустил на колени, обнял меня большой рукой, и я невольно вздрогнул.

– Не бойся, Ари. Не обижу. – Он стиснул мое плечо и слегка меня встряхнул. – Да, ты работаешь как вол, однако такова цена нашей жизни. Все же я не таков, как те, кто причинял тебе боль.

Халим снова сжал пальцы, и я кивнул. Слово свое он держал, однако я привык к тому, что рано или поздно рука дающего тебя бьет. Вопрос времени... Причин тому немало: неудачный день, скудная выручка – и вот ты попадаешь под раздачу.

Я сделал все, чтобы лицо не выдавало завладевшие мной горькие думы. В труппу лицедеев меня не допускали, но кое-какие основы ремесла я усвоил.

– Ты неглупый мальчик, Ари, – продолжил Халим, и я ухмыльнулся. – Вот только порой умным быть опасно. Знаешь, что еще опаснее? – Взгляд его был долгим и многозначительным, но я покачал головой. – Еще опаснее быть маленьким умным засранцем. – Халим резко выбросил вперед руку и зажал мой нос двумя пальцами.

– Ой! – вскрикнул я, отпрянув и схватившись за лицо. Ничего страшного – боль прошла уже через пару секунд.

– Это тебе за то, что не запер дверь. Выстудишь трюм. Не знаю – может, твоему юному телу холод нипочем, – добавил он, толкнув меня в плечо, и я невольно сделал шаг назад. – А вот для меня – ничего хорошего. – Ткнув пальцем в грудь, он потер ее левую сторону, затем помассировал колени. – Старый очаг не должен остывать. К тому же мои суставы скрипят и щелкают, как твои механизмы.

Халим был человеком средних лет и выглядел на свой возраст, однако жизнь на грани нужды преждевременно его состарила. Уставал он куда быстрее, чем мужчины на десяток лет старше. Зимними вечерами, когда ветер становился сухим и колючим, Халим задыхался.

Не могу сказать, что меня отчитывали, и все же я задумался, смущенно уставившись в пол:

– Прости, Халим. Этого больше не повторится. Обещаю.

В его глазах мелькнула сердитая искорка, и он со вздохом подмигнул:

– То же самое ты говорил и прошлый раз. – Положив ладонь на мою голову, Халим взъерошил мне волосы и слегка пихнул в плечо. – Ладно, перейдем к более важному разговору. – Я сосредоточился перед испытанием. – Какую пьесу сегодня давали в нашем театре?

Последовательность своих действий при каждом представлении я более или менее помнил и репертуар театра знал.

Другое дело, что в последнее время Халим взял за правило с каждым разом усложнять мой экзамен и приставал с подобными вопросами все чаще. Не самое приятное занятие для мальчишки...

Я напряг мозги, припоминая, что сегодня делал. Итак, поднял на шкиве пару холщовых мешков, раскрашенных под привидения. Во всяком случае, последний раз, когда мне пришлось работать с этим механизмом, они точно были призраками. Барабанная дробь, звук дождя – значит, на сцене якобы разразился шторм. Выбор не так уж и велик, а основная подсказка – дым.

Взовьется в небо алый дым,
Прольется ливнем ледяным.
Над пепелищем гром гремит,
То демон добрым людям мстит.

Изгнать Ашура сможешь ты.
Запомни: чтобы жизнь спасти,
Ветвь дуба древнего найди
И в очаге ее сожги.

Словно услышав звучавший на сцене текст, я, к своему удивлению, уверенно выпалил:
– «Демоны Динтура»!

Халим сдержанно улыбнулся. Не похоже, что чрезмерно гордится своим учеником. Вроде бы так и должно быть. А вот для ребенка верный ответ значил многое.

– Молодчина! – Он снова по-дружески меня подтолкнул. – Тот, кто удерживает в памяти истории – и вправду молодец. Это у тебя в крови, – нацелил он палец мне в грудь. – Работай над собой – и станешь величайшим сказителем, которого видел мир.

Я тоже натянул на лицо фальшивую улыбку, задрожавшую на губах, словно пленка на вскипяченном молоке. Похвала Халима затронула тот тайник души, о котором я старался забыть. В подобных тайничках кроется память о родителях, а мне вспомнить было решительно нечего, поэтому там царил пустота. С губ слетел вопрос, который я задавать не хотел:

– Что ты знаешь о моей крови, Халим? – Он замялся, обдумывая ответ, но я его опередил: – Кем были мои папа и мама? Ты никогда о них не говорил, а о крови упоминаешь то и дело.

Халим прищурился, бросив на меня добрый сочувственный взгляд, и пожевал губами, словно подыскивая нужные слова.

Ну да. Какое еще лицо должно быть у человека, пытающегося ответить на вопрос сироты? Тем более что вопрос этот зрел годами.

– Твои родители были подзаборной швалью. – Голос раздался из прохода слева от меня. Звучал он мягко, словно лил мед на мою израненную душу, а вот смысл...

Я обернулся.

Из темноты, шурша струящейся волнами юбкой, вышел Махам. Еще на нем была рубашечка из той же мягкой эластичной ткани. Прачка красила его сценический костюм несколько раз и наконец добила небесно-голубого цвета, каким сияет изнутри сапфир. Лицо у Махама острое, как грань ножа, глаза – узкие щелочки, отсвечивающие оттенком взрыхленной земли. Вероятно, этот человек сам себе напоминал крупного гордого кота, вот только для меня был презренным земляным червем.

Я прожег его гневным взглядом, стараясь сдержаться, хотя грудь от его слов заходила ходуном.

Махам ласково провел рукой по жидкой клочковатой поросли, которую считал аккуратно подстриженной бородкой, затем накрутил на палец свисающий с виска жирный, завитый на конце локон.

– Твои мама с папой были грязными проходимцами, *джи*. Рылись в отбросах и продавали то, что удавалось выловить из мусорных куч. Однажды на свалке они нашли жемчужину. Тебя, Ари.

Халим крепко обхватил меня за плечи, впившись пальцами в плоть, которой на костях почти не было. Я чувствовал на себе пронзительный взгляд, каким хозяин театра окидывал меня с младенчества. *Спокойно... Не злись...*

– И что им оставалось? Тебя продали. – Махам растянул губы в холодной ухмылке. – Как должен был поступить Халим? Он тебя забрал. – Махам приложил руку к сердцу, изображая корчи от нестерпимых мук. – Есть у него такая слабость, подбирает все подряд.

Я не стал спорить, стиснув зубы так, что, по-моему, парочку сломал.

– Махам, мы одной касты. Мы – Оскверненные.

Лищедей моргнул. Пару раз двинул челюстями, словно разжевывая жилистый кусок мяса. Похоже, мне удалось его уязвить. Подонок глянул на дверь – видимо, решил, что сегодня не тот день, чтобы со мной связываться.

К сожалению, я ошибся.

Махам дернул ртом, искривив губы, будто змея, готовая к смертельному броску:

– Верно... Мы – низшая каста, так что же ты о себе возомнил? – Он приложил палец к кончику носа. – Ты вообще лишен принадлежности к какой-либо касте, ты – сирота, и кровь твоя не стоит моего дерьма. Вот что ты унаследовал от своих родителей, *джи*? Твои папа с мамой – бродячие собаки, которые...

Страхнув с себя руку Халима, я бросился на лицедея, взвизгнув от ярости так, что эхо, отразившись от стен, заметалось по трюму. Я подлетел к Махаму, прежде чем тот успел прийти в себя, и всадил кулак чуть ниже его пупка. Подонок согнулся и тут же получил еще удар, на этот раз в бедро. Чего они ждали от разъяренного мальчишки, вопросы которого всю жизнь оставались без ответов? Гнев должен был излиться, и он излился на Махама, получившего град тумачков.

Опомнившись, лицедей нанес удар мне в висок, и я тут же потерял равновесие. Суматошно замахав руками, вцепился сопернику в юбку. Ткань разорвалась, когда он отпрянул,

прикрыв ладонями пах. Рванулся лицедей с такой силой, что меня бросило на него всем телом. Из моих легких вырвался первобытный вопль, и я впился зубами в мягкую плоть его бедра.

Махам вскрикнул:

– *Кала маль, Ари!*

Меня обхватили за плечи, дернули назад, и я наконец осознал, что сказал Халим.

Маленький говнюк...

Я бешено забрыкался, пытаюсь попасть ногой в противника, но дотянуться не сумел. Халим оттащил меня от лицедея и снова тихо выругался.

В глазах задыхающегося от ярости Махама зажегся опасный огонек:

– Ах ты тварь! *Гутийя!*

Мое зрение застила белая пелена, затем ее цвет окрасился в алый. Махам влепил мне такую пощечину, что по сравнению с ней звук грома, который я извлекал во время пьесы, показался не более чем мягким хлопком.

– *Кутха!*

Еще одна оплеуха...

Халим не стал останавливать Махама, зато держал меня, чтобы я вновь не бросился в бой. Правда, он что-то крикнул моему врагу. Я не разобрал, что именно, – слова прозвучали глухо, словно из-под воды.

Махам снова занес руку; его глаза пылали в узких щелочках век.

– Довольно! – крикнул Халим. – Если убьешь мальчишку, в трюме будешь вкалывать сам! *Джи-а?*

Он выставил вперед руку, защищая меня от лицедея.

Тот со свистом втянул в легкие воздух, опустил руку и уставился мне в глаза. Откашлявшись, плюнул мне в лицо комком коричневой слизи.

Плевок угодил в щеку, стек на подбородок, и я напрягся в руках Халима, но вырваться не удалось.

– Хватит! – Его руки сжали меня еще сильнее, и я сдался, после чего Халим, удостоверившись, что мой запал иссяк, разомкнул объятия.

Задрав подол своей единственной рубахи, я утерся. Теперь моя одежда запятнана не только пылью, машинным маслом и грязью, но еще и слюной Махама. *Парна...*

Махам постоянно гонял во рту тянучку из листьев, смешанных с пастой лайма. Дешевый жевательный табак придавал его плевку коричневый цвет. Подобная жвачка вызывала нездоровую эйфорию, и у многих довольно быстро развивалась зависимость.

Я испытывал к этой гадости жуткое отвращение – главным образом потому, что ее жевал самый жестокий человек, которого я знал в своей короткой жизни, и пятна от его плевков виднелись на полу театрального трюма.

Я уставился на испоганенный подол рубахи так, что едва не прожег ткань взглядом.

Наконец Халим вывел меня из задумчивости:

– Ты, часом, не свихнулся, мальчик? А? Ну-ка не молчи! – Он постучал мне по макушке.

– Ты его вообще слышал?

Хозяин театра отмахнулся:

– Мне все равно, что он там болтает. Махам – один из моих главных лицедеев. Если он уйдет – кто его заменит? – Я открыл рот, готовясь возразить, однако Халим не дал вставить ни слова: – Может, ты? Но вот беда – ты и часа не провел на сцене. Мы – Оскверненные, мальчик. И без того непросто заполучить в труппу приличного лицедея. Люди и медяка на нас не потратят, дай только повод. Хотят, чтобы мы работали за оловянные чипы. – Халим дернул подбородком, отметая подобный жребий. – Неважно, сколь мы умелы и талантливы. Можем быть лучшими, однако каста есть каста. Махам незаменим, *джи-а?*

Я был не настолько глуп, чтобы спорить с хозяином.

– *Джи*.

Я уступил, заметив, что о моих талантах Халим не сказал ровным счетом ничего. Если ему взбредет в голову – запросто найдет на мое место другого мальчишку-сироту и обучит его всем премудростям за пару недель. Посему решил перевести разговор на другую тему:

– Почему бы мне не попробовать себя на сцене? Ты ведь не зря обмолвился о моей крови... – Я надеялся, что проявил не слишком много пыла.

Если Халим и уловил в моем голосе страстное желание, то ничем этого не показал, бесстрастно глянув мне в глаза. Он тихо вздохнул – необычный звук для трюма, вечно наполненного грохотом разных хитроумных механизмов.

– Что ж, глядишь, и настанет такой день... Очень может быть. Однако в первую очередь тебе следует научиться держать свой норов в узде. Тебе кажется, что я с тобой жесток? – Халим выгнул бровь. – У меня каждый лицедей вкалывает, будто последняя задница.

Я едва сдержался, чтобы не хихикнуть, и даже покраснел, сообразив, как здорово последнее слово подходит к Махаму.

– Да, в тебе и вправду течет особая кровь. Есть чем гордиться. Любой из Оскверненных за такую кровь продал бы душу. Другое дело, что сейчас это большого значения не имеет. – Он нежно похлопал меня по щеке, в которую плюнул Махам. – Когда-нибудь, кто знает... – Халим поднялся, собираясь уходить.

– погоди! – Я невольно потянулся к нему – и тут же спрятал руку за спину. – Ты ведь хотел рассказать о родителях... – На сей раз голос, дрогнув в конце фразы, выдал меня с головой. Да, я умолял Халима.

Он не обернулся, уткнувшись взглядом в пол:

– Ты ударил Махама, одного из моих лучших лицедеев. Ты мне нравишься, Ари, но тебе это с рук не сойдет. Махам молчать не будет – сам знаешь, как он болтлив. Я не могу допустить, чтобы твой проступок остался безнаказанным – во всяком случае, труппа так считать не должна. Если хоть один из них уйдет – хоть один! – я пропал. Спать сегодня ляжешь без ужина. О родителях я тебе расскажу в другой раз... если будешь хорошо себя вести. *Джи-а?*

Я промолчал, разглядывая свои босые ноги. Что тут скажешь? Думай не думай... Халим отказал в ответе, о котором молила каждая клеточка моего тела. Что нового я сегодня узнал? Набившие оскомину обрывки старой истории о том, как меня бросили в детстве.

Глаза заволокло влагой. Я моргнул, и слезы потекли по лицу, проложив себе ту же дорожку, что и плевок Махама. Засопев, снова вытерся подолом рубахи, сознавая, что чище от этого точно не стану.

Ужасно, когда ребенка лишают прошлого, молчат о его родителях. Нет ни одной ниточки, которая связывала бы тебя с другим человеком. Работа не в счет. В душе – полная пустота. Ты один в мире, да еще и ничего толком собой не представляешь... Можно сойти с ума.

Фамилии своей я не знал, лиц родителей не помнил, голосов – тем более. Никаких воспоминаний о материнских ласках, о родных запахах... Только и остается, что думать: ты рожден для работы в театральном трюме. А ведь все иначе! Я появился на свет, чтобы существовать в мире фантазий и сказаний – и как раз этой возможности меня лишили. Приходится лишь слушать да наблюдать.

В желудке возникла гулая пустота, правда, уже иного рода. Я приложил руку к животу. Вымотался. Возбуждение схлынуло, и на смену ему пришел голод, а утолить его нечем.

Откашлявшись, я подавил горький всхлип. Усталость взяла свое: пора лечь в кровать – и сон заменит еду. Решение казалось разумным. В конце концов, во сне мы забываем и горести, и боли нашего мира. И терзающий голод тоже.

Я в который раз осознал, что пока еще совсем мал, и обширное помещение трюма напомнило мне об этом с удвоенной силой.

До потолка не дотянешься – от пола до сцены запросто уместятся шесть таких мальчиков, как я. Стены сложены из огромных грубо обработанных камней размером побольше моей головы.

Приспособления, добавлявшие достоверности идущей наверху пьесе, по сравнению с тощим детским телом выглядели отвратительными чудовищами. Решительно все здесь подчеркивало мою незначительность.

Вот о чем говорил Махам; на то же невольно намекал и Халим.

Я потряс головой, пытаюсь избавиться от грустных мыслей, и побрел к дальней стене. Здесь никакого оборудования не было, и я, насколько мог, поддерживал в этом углу чистоту.

Из трещин в каменном полу торчали деревянные балки с укрепленными небрежно залитым цементом основаниями. По их верхушкам шли плоские доски, образуя под потолком грубую площадку. Никаких лестниц для того, чтобы забраться наверх, в трюме не имелось.

Впрочем, в одной из деревянных колонн там и сям торчали могучие – толщиной не меньше пальца взрослого мужчины – гвозди. Добыл я их (а если говорить прямо – украл), порывав в куче материалов для сценических декораций, что закупил Халим. Забить гвозди в балку было далеко не просто. Вместо молотка приходилось пользоваться кирпичами, которые после нескольких ударов разваливались. Так что новые кирпичи мне требовались то и дело; на их поиски уходило немало времени.

В конце концов я оборудовал подходящее местечко в своем трюме, куда точно никто не сунул бы свой нос. Здесь было безопасно, и хозяином здесь был я.

Я уцепился за один из гвоздей и поморщился, когда тот зашатался. Тело отчаянно сигналило, что кормили меня последнее время не очень, а вот согнувшийся гвоздь говорил об обратном. Я вскарабкался наверх по самодельной лестнице, стараясь не обращать внимания на вонзающиеся в голые пятки шляпки гвоздей. Сколько бы я ни залезал на свою площадку, привыкнуть к неизбежной боли так и не смог – твердые мозоли на ногах защищали не очень. Добравшись до площадки, я подтянулся и перекатился на спину.

Наконец можно спокойно вздохнуть. Натруженные руки и спина потихоньку расслабились. Передышка будет недолгой – тут я никаких иллюзий не питал. Завтра утром все тело снова будет ломить, как у грузового мула. И все же сейчас меня окутал покой.

Ссадины на лице жгло огнем, но я отбросил в сторону мрачные воспоминания о кулаках Махама и уставился на заключенное в аккуратную двойную раму окно под потолком. Под ним шел длинный подоконник. Мной овладело искушение подняться на ноги и ухватиться за его край.

Совсем небольшое усилие – и можно будет бросить взгляд в тот мир, что лежал за стенами трюма.

Мир, о котором я знал немного и о котором, по мнению знакомых, вряд ли много узнаю.

Усталость взяла верх над внезапно вспыхнувшим желанием, и я перевернулся на бок. С месяц назад мне удалось разжиться парой старых мешков со всякой всячиной, что валялись у запасного выхода из театра. Постель не самая удобная – их содержимое во время беспокойного сна то и дело образовывало ямки. Горловины завязать было нечем, поэтому из мешков то и дело вылетали облачка пыли и мелких опилок. Иногда наружу вываливались обрезки волос и лоскутки ткани. Что делать – хорошей набивки для матраца у меня не имелось.

Тщательно расположив самодельные тюфяки, я устроился на ночь и вслепую зашарил руками, разыскивая лоскутное одеяло. Нашупав, натянул его на себя. Грубая материя защеко- тала лодыжки – как ни крути, полностью спрятаться под коротким куском ткани не удавалось. Я вновь вздохнул, смирившись с неудобствами.

Так или иначе, скромная кровать стала моим настоящим домом – домом под потолком театральной сцены. Именно здесь рождались мечты, здесь я ощущал свободу, отсюда начинал

странствовать по мирам, где никто не знал о позорной тайне моего рождения. Здесь не было каст, не было людей, которым на меня плевать с высокой колокольни.

Порой защиту от враждебного мира находишь лишь в мечтах.

В кровати с меня спадали оковы, становились доступны любые легенды, мифы и приключения.

Я перевел взгляд на окно и тут же закрыл глаза, задумавшись о том, что обещает грядущий день. Возможно, удастся произвести впечатление на Халима? Вдруг проявлю прекрасные способности лицедея и вознесусь из трюма наверх, на сцену? Я замечтался и уже начал погружаться в сон, когда резкий звук со стороны окна заставил меня вскочить на постели.

Еще звук – тонкий скрип камня по стеклу...

Кто-то стоял у окна.

9

Обещание истории

Многим детям свойственно испытывать ночные страхи. В самый глухой час твое сердце сжимают невидимые ледяные пальцы. Холод проникает в каждый уголок тела, пока ты не замерзнешь окончательно. Над тобой нависает нечто неведомое; еще шаг, и оно тобой завладеет. Страх не имеет формы, однако детское воображение быстро лепит из него жуткое чудище.

Мое тело напряглось, словно доска, и я проклял одеяло, под которым не скроешься с головой.

Шум за окном стал тише, превратившись в легкое постукивание. *Тук-тук-тук*. Стучали через равные промежутки времени.

Наконец я понял, в чем тут дело, и страх отступил. Вскочив на ноги, нащупал рукой стену, где специально устроил маленькие выступы – так легче было залезть наверх. Подобрался к окошку и свободной рукой откинул защелку.

Рама поднялась вверх. Снаружи стояла девочка примерно моего возраста. Волосы короткие – короче, чем у меня, – и буйно выющиеся. Девчонка просияла яркой улыбкой – словно сама луна заглянула в трюм:

– Ари...

Дар речи ко мне вернулся не сразу:

– Ниша, тебе нельзя шлаться здесь по ночам!

Я посторонился, до боли в пальцах вцепившись в стену. Девочка сунула голову в окно, ухмыльнулась, и теплый отблеск далекого костра заставил бронзовую кожу ее лица приобрести красноватый оттенок. Глаза Ниши цвета кедровой коры сияли приглушенными нотками оранжевого. Она остановилась, широко раскрыв рот, словно ее что-то напугало:

– Погоди...

Я моргнул, стиснув зубы от боли в мелких мышцах кисти:

– Можно быстрее?

Если Ниша и расслышала мой жалобный писк, то виду не подала.

– Гляди, я кое-что принесла! – Она запустила руку за спину.

Меня сразу поразил запах – волна пряных ароматов. В животе тут же заурчало.

Ниша плюхнулась на подоконник исходящую тонкой струйкой пара маленькую оловянную миску размером с ее кулачок. Рядом бросила смятый лист пергамента, покрытый жирными пятнами.

– Что там? – уставился я на девочку.

– Хлеб с маслом и тушеное мясо. – Она опустила уголки губ. – Знаю, что тебе не всегда удается покушать.

Я оцетинился. Понятно: Ниша хотела как лучше, однако ее замечание задело за живое. Моя жизнь была не сахар – я себя не обманывал, – однако старался извлечь из нее все что можно.

– Меня все устраивает.

Наверное, ноющий желудок заставил мой ответ прозвучать кисло.

Я осторожно поставил ногу в выемку ниже.

Ниша помолчала и склонилась вниз, едва не коснувшись моего лица кончиком носа.

– Еще горячее... – Она вздохнула и отвела глаза. – Но... если не хочешь...

– Хочу, – простонал я, прислушиваясь к желудку.

Так бы и бросился за едой, вот только руки, цеплявшиеся за стену, совсем ослабели. Осторожно переставив ногу, я разжал пальцы и опустил на кровать.

Ниша снова пошарила за спиной и извлекла на свет старую тряпицу. С одной стороны ткань была покрыта пятнами и запачкана песком, зато обратная сияла мягким оттенком шафрана. Девочка аккуратно развернула тряпицу на подоконнике и тщательно, словно совершая религиозный обряд, разгладила. Хлеб она положила ровно посередке, а затем все так же медленно поставила рядом жестянку с тушеным мясом. Еще несколько движений – и узелок с едой завязан.

Я едва совладал с желанием ее поторопить: знал, что любое неосторожное слово – гневное или даже по-детски нетерпеливое – может вывести Нишу из себя. Тогда она убежит, и бог весть – вернется или нет.

– Вот, – хмыкнула она и перегнулась через подоконник, крепко держась рукой за раму, а вторую руку, с узелком, опустила вниз.

Подпрыгнув, я схватил мешочек и постарался не выронить его при приземлении. Грубая кровать закачалась, и пришлось опереться рукой о стену. Слава богам, не уронил и сам не сверзился вниз. Поставив еду у ног, я взглянул на девочку.

– Подожди, не пытайся...

Предупреждение запоздало. Ниша уже спускалась на мою платформу, грациозно, словно акробат, нащупывая неровности и трещины в камне. Наконец с самодовольной ухмылкой плюхнулась рядом.

– Где это ты обучилась лазить по стенам? – осторожно спросил я, словно разговаривая о пустяках – типа «как прошел день?».

Впрочем, мое притворство было быстро разгадано. Ниша отвела глаза в сторону, и ее смущение сказало о многом. Пришлось перевести разговор на более безопасные темы:

– Спасибо за еду! Сегодня мне устроили выволочку Халим и Махам. Не могу сказать, что я ее не заслужил. И все же Махам...

Ниша быстро прижала пальчик к моему рту:

– Нет-нет, давай не сейчас. – Она развернула узелок. – Сначала покушай. Не стоит говорить об этих людях и вообще о плохих вещах. Не сегодня. – Она закусила губу и вновь уставилась в пол. – Пожалуйста, Ари...

Я молча повиновался. Что поделаешь, если девочка умоляет... Тем более Ниша – мой единственный друг.

Придвинув ко мне миску с хлебом, она молча наблюдала, как я уничтожаю еду.

Кусок хлеба я сложил пополам, и он не разогнулся, будто был выпечен не из теста, а из пластилина. Придав ему форму лопатки, я погрузил его в подливку, и первый же глоток оставил во рту чудесный привкус перчика и чеснока. Что тут еще? Ага, лук и кориандр. Я глотал не жуя, раз за разом погружая в рагу самодельную ложку. Выловив кусок красного мяса, округлил глаза:

– Козлятина? Чем же ты за это заплатила?

– Нравится? – улыбнулась Ниша, уходя от ответа.

– Коли снова приказал тебе сегодня воровать? – настаивал я.

Ниша напряглась, словно кошка, которую погладили мокрой рукой, и, бросив на меня гневный взгляд, отодвинулась на край площадки.

Я протянул к девочке руку и замер, когда она отпрянула.

– Прости, прости, Ниша! Не хотел тебя обидеть. Не буду больше говорить о Коли...

– Терпеть не могу, когда он заставляет меня что-то такое делать! – Она шмыгнула носом, все еще избегая моего взгляда. – Не хочу быть плохим человеком. Не хочу, чтобы ты вспоминал, чем мне приходится заниматься, Ари.

Жизнь вынуждает нас совершать разные поступки, и если ты не относишься к высшим кастам, не имеешь ни возможностей, ни защиты – то, бывает, промышляешь воровством.

Ужасно, когда ребенок – да еще твой близкий друг – проклинает себя за то, на что приходится идти, лишь бы выжить.

Мою грудь наполнил горячий тяжелый гнев. Правильных и утешительных слов не нашлось, потому я ляпнул первое, что пришло на ум:

– Спасибо тебе за ужин! Жаль, ничего не могу предложить взамен... – Меня вдруг осенило, и я на миг запнулся. – А может, и могу! Когда ты последний раз слышала хорошую историю? – Я расплылся в улыбке:

Просияв, Ниша наконец взглянула мне в глаза.

– Пару дней назад, на улице... Только тот человек – церковник из храма – все равно лучше тебя ни за что не расскажет. – Она фыркнула. – Сам знаешь, как у них. Сплошные восторженные вопли, а смысла-то и нет.

Конечно, ничего такого я не знал, однако что толку говорить об этом Нише? У меня другая жизнь – по улицам Империи Мутри не поболтаешься. Мой мир – трюм театра. Так что я просто кивнул. Пусть говорит – может, ей немного полегчает.

Девочка нацелила мне в грудь указательный палец. Обвиняет в чем-то?

– Он пытался поведать о любви и мудрости Брами. О том, кто... – Прикусив губу, Ниша покачала головой. – Мне не понравилось, как он рассказывал. То и дело останавливался и кричал на толпу, просил жертвовать деньги.

Примерно то же я слышал и от Халима, который каждый раз бурчал, вспоминая о «святых» и «мудрых» служителях церкви.

«Господь и спасение всегда останутся величайшим соблазном и величайшим обманом. Чаще всего люди в сутанах именно эти два приема и применяют. Собаку на них съели – куда там честным ворам и лицедеям», – говорил Халим.

Я запомнил его речи, потому и закивал, слушая Нишу:

– Не каждый может поведать правильную историю как должно.

Набрав в грудь воздуха, я откашлялся, словно собираясь немедленно приступить к рассказу, а Ниша вздохнула, проведя пальчиком по деревянному полу моей площадки:

– Да, знаю. Непросто найти умелого сказителя. – Она быстро взглянула на меня и вновь уставилась на доски. – Как думаешь, кто лучший рассказчик в вашем театре?

Я фыркнул и прищурился:

– Сама знаешь кто! Но если не желаешь послушать меня, я мог бы попросить спуститься в трюм Халима или Махама. Они расскажут тебе все что душе угодно.

В ответ на мою кривую усмешку Ниша рассмеялась, и на сердце у меня потеплело.

– Нет уж! Хочу услышать твою историю о Бrame. О том, как все начиналось.

Настоящий лицедей, которым мне как раз и хотелось стать, не должен отказывать в подобной просьбе, и все же я нервно заерзал.

Из всех историй Ниша выбрала именно ту, которую более всего порицали и высмеивали. В чем тут смысл? Посмотрев ей в глаза, я понял, как ей нужен рассказ о Бrame. Никуда не денусь.

Снова откашлявшись, я начал:

– О Бrame и обо всем, что есть на свете...

10

Брам

Сначала, до того как появились небеса и большой мир, еще до воды и суши, была чернота. Еще был свет: белое пламя, боровшееся с чернотой. Пламя то разгоралось, то съеживалось, но совсем угасать не желало.

Исходило оно от небесной жемчужины – яйца, одиноко сиявшего в крошечной тьме. И таило оно в себе первое творение – ту руку, что создаст все остальное. И была та рука Ткачом судьбы, Собирателем нитей, что сплел огонь и воздух, даровав нам свет, Создателем, что дал Луне ее бледный ореол, ставший маяком в беспросветной ночи.

И внутри яйца лежал Брам. Лежал в глубоком сне, и вокруг царила пустота, и не было в мире ничего.

И было это до начала времен, до создания Ситров, до первого греха Падшего.

И однажды небесная жемчужина треснула, и в трещину выплеснулись сполохи красного и оранжевого пламени. Раскололи они первое яйцо, нарушив безмолвие и великий покой. Растекся огонь, завыл и заспорил с темной пустотой. И... появился Брам.

Возник он в огне и в свете и вышел в темноту – первым из существ нового мира. Говорят, что до сего дня никто не ведает, как выглядел он. Уж слишком велик был Брам, и нет таких слов, чтобы описать его. Единственное, что нам нужно знать, – сначала была чернота, а потом к жизни возродился он и выжег огнем своим бесконечное ничто.

Что же ощутил он в первый миг? Великую пустоту.

Здесь ничего нет... Ничего, кроме меня. Я одинок.

В груди у Брама заныло, и он впервые познал боль.

Куда ни глянь – не на чем остановиться глазу, и нет конца той пустоте. Я один...

Пустота в сердце его все росла, и Брам желал ее заполнить.

Потерянный и одинокий, начал он свое странствие. И нес он с собой осколки скорлупы, и засыпал от усталости, положив на них голову. Хранившиеся в скорлупе свет и огонь, дававшие яйцу тепло, давно погасли, и перетекли они в тело Брама. Итак, спал он в ледяных пространствах, не зная, как быть и что делать.

Куда бы я ни пошел, сколько бы ни искал – здесь нет ничего. Одна чернота, и нечем ее заполнить. Мне холодно... Пусть кончатся мои несчастья!

Устав от тяжелого сна, прихватывал Брам с собой жемчужные осколки яйца и продолжал свое странствие. Прошло немного времени, и совсем обессилел он от одиночества. И зарыдал в темноте.

Как больно... Невыносимо огромна эта пустота! Пусть же она осветится! Только чем осветить ее? Где тот теплый огонь, что видел я до своего рождения?

Тьма одолела Брама, притушив его внутренний свет, и создатель всего сущего изнывал от тоски и грусти и лил горькие слезы.

Как же хрупок я, как непрочен... Еще немного, и разобьюсь я, словно яйцо, давшее мне жизнь! Мне нужно... что-то, не знаю что. Прошу...

И вдруг жемчужный свет, что дало Брамму яйцо, полился из его глаз. С ресниц его закапали слезы из белого огня, и упали они на пальцы его. Ощувив их тепло, раскинул Брам руки, и во все концы пустоты разлетелись его слезы. Упали они во тьму и повисли там, заблестав в необъятной ночи.

Тепло... Свет.

Протянул он руку и покачал светящиеся точки на ладони.

Они живые. Настоящие... И нет от них никакого вреда. Они заполняют тьму. Теперь я не одинок! Как тепло!

И притянул Брам пылающие слезы к груди своей, и светящиеся сферы избавили его от одиночества.

Так сотворил Брам первую материю мира, первые огни его. Сотворил звезды. Некоторые из них мигали – вот-вот погаснут, – и Брам дунул на них, и выросли они. Дыхание его давало жизнь, рождало огонь, что рассеет черную ночь.

Нет... Не умирайте!

Он дул еще и еще.

Танцуйте, дышите! Только не надо бросать меня в темноте!

Так уговаривал он каждую звездочку, так потом и кровью своей поддерживал в них жизнь. И первые в этом мире друзья его светили ярко. И заняли они свои места в пространстве, и каждому из них Брам дал имя.

Махор. Первенец мой...

Звезда, что Брам создал первой, замигала и завертелась вокруг его головы, и забыл Брам о тьме и одиночестве. Теперь был у него свет и были создания, которыми мог он заполнить темноту.

Были крохотные звезды, сохранившие первозданное тепло огненных слез Брама, и сияли они добрым белым светом. Другие, желтые, превратились в злобных гигантов, настолько огромных, что без труда поглотили бы весь мир.

Говорят, если ночью долго вглядываться в глубины неба, создания, заброшенные Брамом в самые далекие скопления тьмы, можно увидеть. Пришлось ему оставить этих детей в дальних краях, чтобы не выжгли они своим гневом окружавший Брама добрый свет. Решил он, что боль их не должна испортить то, что ему еще предстояло сотворить. Пожалел несчастных Брам – и уронил еще несколько слез, и страхнул их с пальцев. И повисло в ночи еще несколько звезд.

Простите меня, дети... Некоторым из вас досталось слишком много тоски моей, и потому можете вы навредить следующим созданиям. Как больно...

Прижал Брам руку к груди, горюя о том, что пришлось ему изгнать первых светочей своих.

Не забывайте меня. Я всегда буду заботиться о вас и дам вам те имена, что вы заслуживаете, и будут их помнить до скончания времен!

Брам вытер слезы. Осознал он могущество свое, постиг силу пламени, что горело в его груди, и понял, что никогда его мощь не ослабнет. Он вновь пустился в путь. Видел Брам теперь ясно и знал цель свою. Предстояло ему найти такое место, где одиночество растворится без остатка. Место, где он сумеет создать нечто новое.

Я должен идти вперед. Должен творить и заполнять необъятные пространства. Свет – лишь начало, и тьма так просто не отступит. Да не будет в этом мире ни боли, ни пустоты!

Говорят, что дошел он до нашего далекого уголка вселенной. Темно в нем было и пусто. Именно здесь и следовало соткать живую ткань, засеять первые семена жизни.

Как же мрачно тут, как холодно и пусто, как далеко те звезды, что я родил... Как же нужны здесь новые сущности, сколько предстоит сотворить... Позволишь ли ты мне заполнить себя жизнью, пустое место?

Брам ждал ответа, слушал пустоту. Не желал он нарушать безмолвия уголка вселенной, в котором вдруг очутился. А затем услышал беззвучное согласие.

Он выдохнул тонкую горячую струю, несущую в пламени душу его. И был то первый животворный ветер, что породил потом и нас с тобой.

Не отвергай же силу мою, надежду и любовь! Да наполнится это безжизненное место! И пусть мечты мои превратятся здесь в венец творения!

Брам создал дыханием своим теплый круг и начал творить. Выдох его загустел, словно гончарная глина, и Брам добавил огня, и вложил он в наш мир кусочек своей плоти – такова была цена творения. Затем дунул холодным воздухом, и вылепленные им формы затвердели, став первым драгоценным камнем подлинной жизни.

И все же пока в нем не было ничего, кроме остывающей заготовки, прохладной снаружи и горячей внутри. И нужен ей был толчок. Зная, что слезы его становятся огненной субстанцией, Брам не мог лепить из них наш дом. Тогда поднес он руку ко рту и впился в нее зубами. И пролил он кровь свою, что хлынула в будущий великий мир. Появились из его плоти и крови вода и камень.

О, как больно... Каждый акт творенья лишает меня драгоценной частички сущности моей...

Он бросил взгляд на толику плоти, которой пожертвовал ради создания нашего мира.

Прекрасно! И ни на что не похоже... О, сколько чудес здесь еще можно сотворить! Вот только каких? Что я знаю? Пустота, тьма... Как заполнить мир тем, чего у тебя нет?

Осмотрелся Брам вокруг и сообразил, что нужно делать. Ведь до сих пор он лишь создавал и наполнял, а теперь ему предстояло нечто большее. Итак, творение лежало у его ног – влажная застывшая форма. В ней не было жизни. Не было души Брама.

Что ж, придется вынести новую боль, лишь тогда смогу я дать этому миру что-то еще...

Итак, Брам сжал между пальцами плоть свою и дернул, порвав кожу и вытянув сухожилие.

Возьми же тело мое. Отдаю тебе себя, ибо ты вернешь мне утерянное сторицей...

И частичка тела его превратилась в землю, известную как Ибрамия, а теперь – Империя Мутри. Так появился наш дом.

Однако новый мир не слишком изменился.

Чего же не хватает? Хочешь больше? Что ж, бери...

Вырвал Брам прядь волос своих и, разбросав их по земле, окропил собственной кровью. И поднялись первые растения, и зацвели, и дальше уж размножались сами. Каждая частица тела Брама к нему вернулась, словно и не отдавал он ее. Не гас и его внутренний огонь, сколько бы Брам его ни расходовал.

Хм... Однако чем больше отдаю я, тем меньше испытываю боли.

Улыбнулся он, нежно лаская свое новое творение.

Что нужно тебе еще? Скажи, все сделаю. Чего ты желаешь, новый мир?

И ответил наш мир, только никто не знает, что сказал он.

Тогда понял Брам, что может создать нечто великое. И принялся он за дело, творя все новые и новые сущности из тела своего. Зубы и кости пошли на создание холмов и высоких гор. Шепот его, подхваченный дыханием, стал ветром, что теперь свободно овеивает землю нашу.

Еще? Изволь... За каждую частицу плоти моей вознаграждаешь ты меня небывалой красотой. Благодарю тебя, о, благодарю!

И все же Брам себя обманывал. Так много отдал, что ему становилось все хуже, однако радость затмевала боль.

Вдохнул он огонь в наш мир. Его окутало тепло, и опять чего-то не хватало. Искры, что возожжет жизнь. Меня. Тебя...

Что хочешь сказать ты? О чем забыл я? Отчего здесь так пусто? Могу ли дать я тебе что-то еще? Скажи, мое детище, не молчи...

Брам ласково погладил созданный им мир, надеясь получить ответ – чего же ему не хватает?

Мир молчал.

И не мог понять Брам, ту ли форму придал он сотворенной им жизни и как ему поправить свои ошибки.

О, ответь, ответь же, и я прислушаюсь к тебе!

В смятении оторвал он от себя еще кусок плоти, надеясь, что воспрянет новая жизнь.

Что же тогда? Или ты доволен? Хочешь получить еще часть меня? Пожалуйста – я готов... Больно... Скажи, что это последняя моя жертва, скажи, что я наконец вылепил тебя...

И отдал Брам себя без остатка, отдал душу свою. И породил он нового бога, которого мы все знаем, сотворил жизнь – цельную и достойную. Была соткана новая сущность из гордости и гнева, из одиночества и страданий Брама.

Ты прекрасен... Дай же взглянуть на тебя, мое подлинно живое создание! Подай голос, улади слух мой... Дай узнать тебя!

И новый факел, возгоревшийся во тьме, заговорил. Услышал Брам его и дал имя ему.

О Сайтан, сын мой...

Предстал пред ним Сайтан, принц белого пламени и звездного света. Самой судьбой было ему назначено способствовать отцу, чтобы тот выполнил долг свой.

– Поможешь ли ты мне? Пойдешь ли со мной, избавишь ли от одиночества?

Не преминул сын ответить согласием:

– Да, отец мой.

Взялись они за руки и обменялись плотью своей, чтобы родились от нее дети, братья и сестры Сайтана.

Ратийя, Шиву и Арния —
Богов мы помним имена.
Плоды земли достались Шиву,
Любовь Ратийе отдана...

Арния долго размышляла;
Ждала, смотрела, выбирала...
И дождалась, пока на свет
Не появился человек.

В тот самый миг она решила,
Что примет под свое крыло
Людей безродных и гонимых,
В ком семя мудрости росло.

Вслед за Арнией Хан родился,
И рассердился новый бог:
Ужель для младшего для сына
Брам ничего не приберег?

И выбрал Хан свою стихию,
Героям славным стал отцом,
Стал богом храбрости и силы,
Великих подвигов творцом.

Творенье мира продолжалось,
Брам строил новой жизни сад,

Следили боги неустанно
За тем, чтоб дело шло на лад.

Долго обменивались они историями своими, обсуждали, кто чем будет заниматься, и держали ответ пред теми, кто избрал их, а кто-то тихонько сидел подле Брама, ожидая, когда появятся на свет другие его творения. Смертных – людей и Шаен – еще не было.

И все же новые боги не сумели избавить Брама от одиночества. Картина творения осталась неполной. Но в чем причина? Брам догадаться не мог.

Что-то тут не так... Чего-то по-прежнему недостает, однако не могут разум и взор мои этого постигнуть. Быть может, не мне об этом судить, а детям моим?

Собрал Брам детей своих и спросил: что мыслят они? Дети предложили ему действовать как ранее: отделять от себя частички сущности, и от них тоже, и таким образом попытаться создать нечто новое. Обдумал Брам их предложение. Что изменится? Нет ли иных путей творения?

И сказал он:

– Нет. На этот раз будет иначе. Создание пламени и богов – в прошлом. Неужели ничего не сумеем мы придумать? Так и будем творить сущности из плоти моей и огня моего? Мне требуется нечто другое: более высокое и в то же время более приспособленное. Нечто простое, но могущественное. Нечто иное, что потребует смертным мира сего.

Итак, на этот раз не стал Брам жертвовать плотью своей и вновь возникших богов. Попросил он их лишь поделиться внутренним огнем и частичкой естества, чтобы бросить их в великое ничто.

– Последуете ли вы за мной, дети мои? Поступите ли частью сущности своей – тела и души, как бы больно ни было вам?

Желал Брам, чтобы дети его все обдумали и твердо уверовали в то, что жизнь может возникнуть там, где ее никогда не было. И вознаградились усилия их.

– Кто они, Отец? – спросил его Сайтан.

– Прислушайся, сын мой, и ты поймешь. Здесь есть сила, и вам следует лишь ее освободить. Тогда те, кому жертвуете вы, все расскажут сами – и истории свои, и имена.

– Они – Ситры... – сказал первенец Брама.

Первыми из Ситров – Сиратре – стали сущности, несущие совсем малую толику огня и света. И каждый из них нуждался в меньшей опеке. И гораздо меньше напоминали богов они, что чрезвычайно устраивало Брама. Наконец удалось создать ему нечто новое.

– Посмотрите же на них! Пока пусты они, и можем мы вылепить из них что угодно. Вот только неведомо мне – как... Они пока ничего не знают и на нас совсем не похожи. Они... другие!

Они готовы меня принять...

Итак, Брам с помощью рожденных от плоти его детей занялся обучением Ситров. И научил их многому, и узнали Ситры свою роль в новом мире.

Ненадолго успокоился Брам. Однако Ситры не слишком оправдывали его ожидания. Отличались они от богов и в то же время на них походили, хотя стать богами им было не дано. Пусты были они и растеряны. Ничего не выражала улыбка их, и напоминала она безжизненную маску. И падающий в глаза их свет счастья бытия становился холодным и далеким отражением.

Ничего не меняется... Слишком много в этих созданиях первозданной пустоты. Слишком близки они к сущности моей, и потому не удастся избавиться им от моей древней боли. Что же делать? Должен я пытаться еще и еще. И пусть на этот раз все будет иначе!

Обиделся на отца своего Сайтан, поняв, что задумал тот. Сайтан – первенец и гордость Брама – был не просто звездным светом и белым пламенем. Именно он служил вместилищем для одиночества и страданий отца, именно в нем скрывалась давняя боль богов. И зашевели-

лась она, но надеялся Сайтан, что прекратит Брам ненужные попытки и удовлетворится тем, что уже создал.

Однако не суждено было сбыться мечтам его, ибо продолжил Брам поиски свои.

И новое страдание угнездилось в сердце первенца его, и достанется той боли всем, и плакать будет весь мир.

Не обратил Брам внимания на муки сына и вновь приступил к творению. Шел он по прежнему пути: от звезд брал лучи света, от богов – волосы, от Ситров – дыхание. Своим телом более он не делился и потому надеялся на то, что на сей раз появятся иные сущности. Впервые вложил он в творение не плоть и кровь свою, а страсть и гордость.

Вот так и появились на свет существа, которых знаем мы под именем Шаен – безупречные и благородные создания. И поручил им Брам управлять нашим миром, присматривать за сушей и водой.

Охотно взялись Шаен за его поручение. Придавали форму сущностям нашего мира, подобно самому творцу. Возводили первые города, но знания, что применяли они, ныне утрачены. Вызывали к жизни такие создания, что Брам испытывал священный трепет.

Только посмотрите, как они творят... Создают, наполняют содержимым... О, сколько в них необузданного воображения! И все же за ними нужно приглядывать...

Царство свое Шаен построили во тьме, разбавленной звездным светом, и продолжили творить собственный рай как умели.

Время текло, и забыли Шаен о божественном начале. Предпочли отвести свой взор от Брама и его сыновей.

Как же быстро они меня забыли! Но почему? Разве дал я им недостаточно? Разве не осталось у них в душах ни тепла, ни благодарности? Должно быть, я что-то упустил...

Новая боль пронзила сердце Брама, однако не позволил он ей подчинить себя. Он найдет иную форму жизни, посеет ее семена. Давнее одиночество по-прежнему звало Брама созидать, однако ничего не менялось – семена давали все те же всходы. Что оставалось ему? Замешать творение свое на радости, божественном разуме и небесном огне – и посмотреть, что из этого выйдет.

Слишком много терзающей меня боли вкладывал я в создаваемые сущности... А ведь какую радость и блаженство довелось мне изведать при рождении первой звезды и первого сына, при сотворении нового мира...

Итак, теперь излучал Брам в процессе творения радость и волнение. Не было у него на сей раз намерения создать нечто идеальное. Пусть станет новая сущность скромной, независимой и необузданной, решил он – и впервые засмеялся от счастья. Ибо испытал Брам восторг, родив нечто столь не похожее на все, что получалось до того.

* * *

– Так что же у него получилось?

Вопрос Ниши меня покорило, а почему – я до сих пор затрудняюсь объяснить. Наверное, мое повествование лилось подобно мелодии, исполняемой мастером; голос Ниши прозвучал фальшивой нотой, что издаст случайно соскользнувший со струны палец.

Я откашлялся и бросил на девочку сердитый взгляд. Сердитый, но не злой – ссориться с ней я не желал. Взглянув на меня, она притихла, позволив продолжить рассказ.

* * *

Итак, получились у Брама первые люди, что возникли в мире, населенном дикими тварями и Шаен. Названия их племени никто уже не помнит, давно позабыта их внешность, и ска-

заний о них не найдешь ни в одной книге. Однако был у них неповторимый яркий дар, который многое изменил для Брама. Первые люди принесли в мир новую магию – пение. Играли они словами и дыханием своим, и ничего подобного ранее никто не слышал. В звуках их пения слышался голос Брама, но не только. Было в них что-то еще непостижимое. Жили они в дарованном им мире и не пытались, подобно Шаен, выйти за его пределы. А еще первые люди танцевали под луной и звездами, не страшась холода, наслаждались – и вспоминали Брама.

– Вы слышали их, дети мои? Только посмотрите, какие звуки издают они, какие песни поют... Они сами выдумали нечто такое, о чем я и помыслить не смел. О, как прекрасно...

И как больно... Однако боль уж не та, что прежде. Хочется плакать, только на сей раз не от одиночества. Прекрасно, прекрасно...

Первое время все шло чудесно – или, во всяком случае, так казалось Брам. Тем временем первый сын, Сайтан, продолжал копить в себе гнев. Жаждал он безмерной любви и внимания от родителя своего, а тот испытывал несравненное блаженство, всецело отдавшись созиданию. Понял он, что способен творить так, чтобы всего в новых мирах было в достатке. За первыми людьми появились вторые, которые остались уже навсегда. Вторым людям была дарована способность менять жизнь народа своего.

Называли их Рума. Родились они под черными небесами и боролись за жизнь, держась подальше от старших братьев своих. Неустанно странствовали Рума во тьме, подобно самому Брам, удовлетворяя жажду познания. Брам следил за их судьбой, и болело за них сердце его, однако новых даров он вторым людям не делал, полагая, что дал им достаточно.

Как затеряны они в огромном мире... Блуждают в потемках, вспоминая долгий путь мой. Вижу я в них искру, и напоминает она то пламя, которым я некогда горел. Молю, докажите мне, что не ошибся я снова. Прошу вас! Прошу...

Брам ждал и смотрел, желая понять, на что способны Рума, чем отличаются они от предыдущих его созданий.

И Рума все ему доказали. Трудились они много и упорно, только никак не могли добиться того, что требовалось. Однако жажда тепла и света позволила им победить, и добыли они огонь.

И вспомнил Брам, как родился в пламени, а затем родил его сам. Нужда заставила Рума сделать нечто, подвластное лишь богам. И возрадовался Брам, и захотел он преподнести вторым людям еще один дар.

– Смотрите, смотрите! – кричал он, радуясь, словно ребенок. – Не имея ничего, возожгли они собственный огонь!

Обязан я вознаградить их...

И Брам сдержал свое слово, и подарил Рума сокровище.

Выдохнул он изо всех сил – и родилось в пустоте солнце. Наше солнце.

Итак, Рума странствовали по своему миру, заглядывая в самые дальние его уголки. Рассказывали истории об огне, о зверях, о море и о суше. Способность сочинять сказания – те самые сказания, что мы любим, – стала для них еще одним даром.

Дни Рума проводили в пути, а ночи коротали у костра, внимая сказителям.

Прошло время, и появились новые люди – уже не столь значительный народ, которому многому предстояло научиться, однако и он произошел от того первого трепещущего язычка небесного пламени. Первые люди были позабыты, вторые стали тайной, а уж третьи – это мы с тобой и есть. У всех нас одно начало, которое дали нам те, что наполнили форму содержанием.

Лишь Сайтан не радовался. Не мог он подавить свою боль, свой гнев.

Время шло, и решил первенец Брама действовать. Выступил он против отца перед лицом прочих богов:

– Посмотри, что наделал ты, отец! Проклинаю я тех, кого создал ты! Сотворил от одиночества и отчаяния пустые оболочки, дабы заполнить ими еще большую пустоту. Разве тебе

было недостаточно нас? Неужели не любит Брам первых детей своих, не желает заботиться о них? Кто мы для тебя, отец? Кто для тебя я?

Вопросы Сайтана поразили Брама в самое сердце. Не ожидал он подобных мук.

Что происходит? Какую боль причинил мне сын мой... Слабеет мой огонь, становится хилым и холодным. Что сделать мне, чтобы избавиться от боли? Что сказать?

Так рассорились отец с сыном.

И становились разногласия их все сильнее, ибо Сайтан, пылая ненавистью, нанес удар, метя по любимым созданиям Брама. Отделил он от себя частицы плоти, как учил отец, и породил существ, которым лучше бы никогда не рождаться. И проклял он людей, родившихся от Брама. Наслал на них горе, ненависть и лишения, заставил познать непосильный труд и боль, которую испытывал сам и которая никогда не отпускает.

– Будь проклят ты и создания твои, отец! Обрекаю их на муки от руки моей или от рук тех, что придут вслед за ними! И пусть ненавидят их лишь за то, что существуют они, – точно так же, как презираешь нас ты за то, какие мы есть! Неужели тебе недостаточно меня? Меня!

– О нет... Не делай этого, сын мой... не причинили люди зла тебе и не заслуживают гнева твоего. Пощади их!

И ударил Брам в ярости сына, и проклял его:

– Не смей вредить им! Каждый гнусный поступок твой я обращаю против тебя! Как только осмелишься выйти из света, что источаю я, погаснет твой собственный огонь и ослепнешь ты!

И Брам сдержал слово свое. Погасил он огонь Сайтана, оставив сына пустым и немощным – жалкой тенью первого пламени. Наказал первенца, хоть и знал, что на самом деле пожалел его. Ибо Сайтан выбьется из сил, но попытается извратить дело отца своего и, пока жив, будет сеять страх и ужас.

Итак, отец в гневе и тоске разорвал Сайтана и забросил части его тела в неведомые дали. Такую боль испытал Брам, такую тоску, что покинул вселенную и бросил созданный им мир на произвол судьбы.

Слишком больно мне смотреть с высоты на то, что творится тут. Хочу я вновь остаться один, хочу ото всех спрятаться. Затеряюсь я в черных далях и снова примусь странствовать. Стану вечным путником. Спускаюсь с небес на землю...

– Не забывайте меня, дети мои, запомните то, что желал сделать я! Запомните, как творил, какие цели вынашивал, как заботился о созданиях своих. Теперь ваша очередь. И – если на то способно ваше сердце – полюбите их. Ухожу я. Не ищите меня – вам не суждено меня найти. Помните последние слова мои: не забывайте, во имя чего жертвовал собой отец ваш и проливал кровь свою...

Боги простились с отцом своим и заставили Ситров сражаться с созданиями Сайтана. Пережил наш мир века боли, как переживал их Брам. Чередовались взлеты с падениями. Но в конце концов воцарился с трудом завоеванный мир. И все населявшие вселенную создания возрадовались.

Вот и вся история о том, откуда взялась жизнь, – история, воспетая тысячелетиями, история Брама и сотворения мира.

* * *

Ниша сидела, покачиваясь на месте и округлив глаза. Резко выдохнув, она обняла меня за шею:

– Спасибо, Ари! Это было... чудесно!

Мои щеки невольно заалели. Заметила? Непонятно. Я быстро отломил кусочек хлеба, макнул его в подливку и бросил в рот. Можно будет списать предательский румянец на горячую пищу и пряности.

Лицедей я, в конце концов, или нет? Пусть даже Халим не допускает меня до сцены – неважно.

Остаток ночи прошел незаметно: мы с Нишей сидели, прижавшись друг к другу, и разговаривали о всякой всячине, о которой только могут болтать дети, и наконец уснули.

Как хорошо становится на душе, когда проводишь время с симпатичным тебе человеком! Можно даже помолчать – не страшно. Эта ночь стала одним из лучших воспоминаний детства, хоть вечером я поцапался с Махамом. Хорошая компания и отличная история – а что еще надо?

Легенда о величии Брама меня всегда вдохновляла – я забывал об обидах и несправедливости. Привлекательна была идея изменить мир с помощью плетений и собственного дыхания, когда усилием воли человек переиначивает свою жизнь и окружающую реальность. Я часто думал о том, как стану героем, забуду об одиночестве и почувствую в себе силу, о которой рассказывали древние предания. Судя по легендам, эта сила прокладывала прямой путь к свободе.

Уже в детстве я настраивал себя на то, чтобы следовать по стопам богов, хотя тогда этого и не понимал.

Не понимал – но все же шел намеченным путем, выбрав за образец жизнь Брама, в сказаниях о которой переплетались правда и ложь. И в конце концов сам стал кем-то вроде бога.

11

Предвестники магии

Утром я проснулся в одиночестве – Ниши и след простыл, как будто ее никогда не было в трюме. Ни скатерти, ни пустой миски.

Приходила она обычно по ночам, словно сновидение, потом точно так же испарялась. Мы дружили, и хоть нашей дружбе чего-то недоставало, относился я к Нише с нежной теплотой.

Разогнав сонную одурь, я сел и задумался о предстоящем дне. У Халима сегодня намечалась важная встреча с одним из покровителей театра; можно было рассчитывать, что тот привлечет к нам еще больше публики. А где публика – там и звонкая монета.

Но самое главное – Халим наверняка подготовит к встрече какую-то историю. Наверняка одну из лучших, возможно, что совсем свежую. Вот это меня больше всего и заводило.

Значит, станем репетировать новую пьесу.

Будет интересная работа в театральном трюме. Любая постановка требовала больше лицедеев, чем мог обеспечить Халим. Бывало, что играли они по несколько ролей сразу. Вдруг прозябающий на задворках театра маленький мальчик получит шанс?

Я мысленно улыбнулся, слез с шаткой кровати и побежал к жестяному тазу в углу. Сквозь окошко просачивались слабенькие бледные лучи солнца; в воздухе кружились пылинки. Дневной свет выставял напоказ не совсем чистое содержимое моего умывальника.

Склонившись над тазом, я присмотрелся к воде. Со вчерашнего дня ее ubyло, однако водичка вроде бы не слишком грязная. Пойдет. Подле таза у меня всегда лежал скомканный лоскут ткани, когда-то оторванный от еще чистой рубахи. Такая вот мочалка. С мылом было не особо: имелась лишь мыльная стружка, которую я скатывал в комковатый шарик.

Халим настаивал, что никакого мыла мне не требуется, и все же вчера я убедил его в обратном.

Будучи ребенком, я уже не лез в карман за словом, но вчерашняя ночь доказала, что порой полезно обратное.

Одежка сидела на мне кое-как – видимо, когда-то вещи носил парень в два раза крупнее меня, так что не составило труда из нее выскользнуть и хорошенько потереться самодельной мочалкой. На несколько минут я погрузился в мечты, вспоминая легенды и сказания, что слышал за несколько проведенных в театре лет. Неизвестно, какое из них выберет Халим для новой постановки, поэтому не помешает повторить каждое – вдруг меня выведут на сцену? Допустим, серьезную роль я не потяну, а вот за автора говорить вполне смогу.

Все лучше, чем прозябать в трюме.

Растирался я до тех пор, пока моя теплого древесного оттенка кожа не покраснела. Потом ополоснул лицо и помыл голову, раздирая густые, местами спутанные пряди. Боль была жуткая, и я доказал себе, что вправду остер на язык, когда рядом никого нет.

Не стоит думать, что ребенок, испытывающий боль, менее изобретателен в грубой брани, чем взрослый. Мальчишка даст фору любому мужчине, поверь мне.

Я закончил утреннее омовение, постаравшись, чтобы в тазик стекло как можно меньше грязи, и занялся своим гардеробом. Приводить его в порядок следовало аккуратно – уж очень ветхая мне досталась одежда. Малейшее усилие – и маленькая дырочка превратится в огромную, куда спокойно можно будет просунуть голову. Задача непростая. Я стряхивал пыль с рубашки и штанов медленными плавными движениями, словно гладил насторожившуюся собаку. В конце концов одежда пришла в более или менее сносный вид и обрела однотонный серый оттенок.

Все бы ничего, вот только раньше она была кипенно-белая.

Наконец, обретя вид нормального парнишки, не напоминающего потное, перемазанное сажей чудище, я разобрал запас тряпья, которое утаскивал в трюм всякий раз, как выпадала возможность.

Чего здесь только не было! И куски ткани весьма высокого качества, и лоскуты от сценических нарядов. Бывало, что мне доставались забытые вполне состоятельными театрами вещи. Поднимаясь вверх из своего трюма, я всякий раз старался выбрать что-то подходящее. Замотаешь такой портянкой ноги – вот тебе и обувь. А если ткань хорошая – она долго не рвется. Опять же, подошвы не обожжешь, когда жарко.

Если ты никогда не жил в нужде, будет непросто объяснить, как необходимо порой использовать чудом попавшие к тебе дорогие вещи для банальной обувки. Если не относишься к высшим кастам – начнешь обходиться тем, что у тебя есть. А что у лицедея имеется? Ум, хитрость и обаяние. Вот и все его имущество.

Итак, я приосанился, последний раз пригладил волосы и направился к выходу из трюма.

* * *

От театра у меня всю жизнь захватывало дух. Это теперь я понимаю, что наш театрик был всего лишь аляповато размалеванным и весьма неухоженным зданием. Однако если ты всю сознательную жизнь провел в подземелье, где отсутствовала даже самая примитивная мебель, то самые грубые декорации покажутся тебе верхом богатства.

Обычно Оскверненным не позволялось покупать недвижимость, однако Халиму удалось выиграть помещение для театра в азартной игре с высокими ставками, где король ничем не лучше последнего бедняка. Больше у него ничего не было. Как-то раз я подслушал Халима, когда тот заявил, что скорее умрет, чем потеряет свой театр.

В зале стояло девять рядов деревянных скамеек – их сиденья по приказу Халима обили старым тряпьем, сложенным наподобие подушечек: зрителям должно быть удобно. Излишки ткани приладили к краям скамеек и расшили ее золотыми цветами.

Билеты из-за этого подорожали. Ничего страшного: частенько внешний антураж стоит для покупателя больше, чем то, что под ним скрывается.

Каменные стены театра облицевали дешевеньким материалом, производившимся из древесной крошки и целлюлозы. Получившуюся массу наносили на поверхность и выжидали, пока та засохнет и выровняет неровности стены. Кстати, потом гладкую поверхность проще расписывать.

Еще над скамейками были подвешены два балкона. Грязно-коричневая стена задника нижнего балкона не радовала взыскательный взор, однако Халим распорядился украсить ее золотой полосой. Верхний балкон располагался почти под потолком, так что зрители могли коснуться его рукой.

Я входил в зал словно во дворец. Здесь я буду царить, когда придет мое время.

Сцена была простенькая: прочная площадка из промасленного дерева, отражающего теплые нежные лучи утреннего солнца. В трюме такого не увидишь.

– Ари!

Я обернулся столь резко, что едва не потерял свободно болтающуюся на плечах рубаху.

Окликнувшая меня женщина подкралась почти бесшумно: сказывалась природная ловкость и навыки, приобретенные годами тяжелого труда на сцене, а еще она была босиком. Каури словно сошла со страниц величайших эпосов, повествующих о принцессах и завораживающих глаз красавицах. По сложению она вполне могла быть танцовщицей, обладающей сверхъестественной, свойственной лишь Шаен грацией.

Каури разменяла третий десяток и приблизилась к его середине, а держала себя со спокойной уверенностью человека как минимум вдвое старше. Она заработала это право, с честью

пережив все, что может пережить Оскверненный. Уж не говорю, что Каури стала одной из немногих допущенных к сценическому искусству женщин.

У нее были высокие скулы, что особенно бросалось в глаза при улыбке, и кошачьи глаза – яркие и пронзительные. Несмотря на карий оттенок, на свету они порой становились почти золотыми. Темно-каштановые волосы с теплым оттенком красного дерева ниспадали на ее плечи свободной волной.

– Не слышал, как ты подошла, Каури-диши, – пробормотал я, замедляя вдруг ускорившееся дыхание.

Не хотел, чтобы она видела, как я волнуюсь. Разумеется, без разрешения Халима у сцены мне делать было нечего, и Каури – одна из тех, кто готов понять и простить. У нас с ней установились едва ли не родственные отношения – вроде как у старшей сестры и младшего братика.

Она слегка поджала губы – видимо, почувствовала, что у меня на душе.

– Ты и не мог услышать, Ари. Что ты здесь делаешь? Ведь знаешь, какой сегодня день. Халим разозлится, если тебя заметит.

Я приготовился извиняться, однако Каури прервала меня взмахом руки:

– Нет-нет, молчи. Иначе наговоришь такого, что навлечет беду на нас обоих.

Она провела ладонью по золотисто-коричневому сати, разглаживая его складки, и бросила взгляд на сцену. По ее губам проползла улыбка. Слегка наклонившись, Каури заглянула мне в лицо.

– Никак, желаешь потихоньку подслушать разговор с важным гостем?

Я бодро закивал.

– А ну-ка, неси сюда ведро и ветошь. Приготовь масло для натирки сцены.

Мое сердце упало. Так и знал...

Похоже, Каури заметила мое разочарование:

– Ну-ну, не дуйся, а то твое лицо навсегда останется кислым.

Я нахмурился.

– Еще лучше... Будешь всю жизнь хмуриться – ни одна женщина на тебя даже не глянет.

Я продолжал кукситься, и Каури раздраженно вздохнула:

– Ари, если займешься натиркой сцены – наверняка завоюешь расположение Халима. Он тебе дурного слова не скажет. Что подумает важный гость, если хозяин театра отчитает такого усердного помощника?

Предложение было разумным. Но... поручить мальчишке тяжелую работу и надеяться, что он будет тебе за это благодарен? Нет лучшего способа заставить его заартачиться. Каури сердито выпрямилась, уперев руки в бедра, и бросила на меня взгляд с высоты своего роста:

– Ари!

Я отвел глаза и пробормотал себе под нос нечто неразборчивое.

– Что-что? – наклонилась ко мне она, приложив к уху ладонь.

В ее голосе не осталось ни капли меда – лишь кислый сидр, и я гордо приосанился и ткнул пальцем в пол:

– Я всегда делаю для театра то, что требуется, Каури. Ничем иным больше и не занимаюсь. Как по-твоему, кто заставляет вертеться винтики на подмостках?

Она растерянно моргнула, но теперь уже я не дал ей возможности ответить.

– Я дышу дымом, лишь бы он в нужный момент появился над сценой. Я, а не ты. Стираю руки о веревки, кручу горячие колеса, выгребая грязь. А ты лицедействуешь на чистой сцене. Ты – героиня, принцесса!

Каури гневно вытянулась в струнку. Теперь понимаю, что не стоило тогда бросаться подобными словами. Однако разве задумывается о последствиях горячий мальчишка? Впрочем, мне стало стыдно, однако я из упрямства сохранял каменное выражение лица.

Пусть в лицедеи меня пока не берут, однако я видел многое и многое изучил. Во всяком случае, как держать свои чувства в узде и как заставить других понять, чего я хочу.

Облизнув губы, Каури оглянулась, словно ждала, что Халим вот-вот выйдет и отругает нас на чем свет стоит. Наконец она расслабилась и, вновь наклонившись, положила руки мне на плечи. Сверкнула улыбкой, которая растопила бы сердце любого мужчины, однако своенравные мальчишки редко отступают, не добившись своего.

Хотелось бы надеяться, что с тех пор я изменился, но к чему себя обманывать?

– Ари, если Халим сегодня тебя здесь поймает, я не смогу выступить в твою защиту. Доверься мне: следующий раз, когда мы будем давать *«Куль Ки Сунней»*, я попробую с ним поговорить.

Я слегка остыл и даже мотнул головой, хотя и не совсем понял, какую пользу могу извлечь из ее предложения.

– Давхим уже не мальчик. Ему уже не так легко бегать по сцене на четвереньках, как раньше. Кроме того, ему приелась роль подростка. И неважно, что он – авантюрист по натуре, обожающий размахивать мечом и скакать на коне. Подобные удовольствия не дадут второй жизни скрипящим суставам. А где же мы найдем человека, готового сыграть бодрого юношу?

Каури вновь поджала губы, нахмурилась и, поднеся ладошку козырьком ко лбу, окинула взглядом пустой зрительный зал.

Я округлил глаза. Так речь о том, чтобы выйти на сцену? Сыграть роль в «Мечтах о завтрашнем дне»? Мое сердце заколотилось. Ради подобной перспективы можно выдержать еще несколько часов грязной работы!

– Эх, только помылся... – криво усмехнулся я, и Каури шлепнула меня по руке:

– Не надо испытывать на мне свои способности. Кстати, я вполне могу попросить Халима устроить тебе нормальную ванну после подобной работенки.

Я вздохнул. Игра стоила свеч.

Уже собираясь уходить, Каури сообщила:

– Надо раздобыть кое-какой реквизит в Нежном квартале, пригодится для сегодняшней пьесы. До вечера не вернусь. – Она метнула в мою сторону суровый взгляд. – Постарайся не впутаться в неприятности. И не задирай Махама – мы все слышали о вчерашней потасовке.

Улыбнувшись, я клятвенно прижал руку к сердцу, однако Каури на улыбку не ответила:

– Ари...

– Обещаю!

Хм... смотрит по-прежнему строго.

– Не буду, клянусь тебе! – тяжело вздохнул я. – Клянусь Брамом и пеплом его, идет?

Наконец она смиловилась:

– Идет!

Каури заключила меня в объятия, чмокнула в лоб, и я тут же вытер его рукавом рубахи.

– Знаешь, любой мужчина заплатил бы неплохие деньги даже за такой невинный поцелуй.

– Ну что ж, желаю тебе найти подходящего поклонника в Нежном квартале. Может, заработаешь железный бун. – Я снова потер лоб и отпрыгнул от Каури.

Распахнув глаза, она схватилась за грудь:

– Малыш Ари, моя цена – серебряная монета, никак не меньше. Не советую тебе об этом забывать, сопляк ты этакий!

– Блудница! – выдохнул я, показав ей язык.

– Дьяволенок! – ответила она с той же гримасой.

Обменявшись взглядами, мы рассмеялись. Каури еще раз взъерошила мои волосы и ушла, оставив меня с ведром и тряпкой.

Я налил воды и, опустившись на колени, начал с дальнего края сцены. Время за монотонной работой шло быстро. Не знаю, приходилось ли тебе натирать подмостки. Эта работенка

не делает различий между юношами и стариками, между здоровыми и немощными. С каждого берет свою суровую дань.

К тому времени, когда я дошел до середины, колени и щиколотки горели огнем. Вода и тряпка не пощадили и мои руки.

На улице грянул гром. В пустом зале любой звук усиливался многократно, и у меня над ухом словно ударили в барабан. Тут же по кровле тяжело застучал дождь.

Чудесно... Наша жизнь наполнена штормами и бурями, хотя детство не дало мне возможности усвоить этот урок. Ничего не изменишь – сколько раз суждено пройти ливню, столько раз он и прольется. Единственное, что в нашей власти, – научиться петь под дождем. Ведь, что ни делай, он все равно пойдет.

А петь меня никто не учил.

Буря набирала силу, дождевые потоки били в крышу с такой силой, словно желали затопить сцену.

Я уловил краем глаза какое-то движение в дальнем углу зала. Халим! С ним еще трое. Лицедеев среди них точно нет.

Тот, что по правую руку от хозяина театра, был сложен словно салюки – поджарая гончая. Кожа да кости, одежда висит как на вешалке. Наверное, мужчина и родился с таким лицом – длинным и заостренным, что еще больше делало его похожим на собаку. Его распущенные темные волосы, красноватые у корней, свободно ниспадали на плечи.

Хм... похоже, гость пользуется дешевой краской, скрывая преждевременную седину.

Второй человек, слева, похоже, всю жизнь ел за двоих. До невозможности толстый, чисто выбритый, на гладком черепе – ни волосинки. Жирные щеки подпирали глаза так, что те превратились в щелочки. Расстегнутый – явно не по размеру – жилет, из которого выкатывается испещренное шрамами и татуировками брюхо. Холщовые свободные штаны.

В основном, однако, мое внимание привлек третий человек, державшийся чуть сзади. Подстрижен аккуратно, черная борода, пышные, завитые на кончиках усы. Кожа цвета песка – слишком светлая для наших мест. Сложение у этого гостя было крепкое – видно, что не чурается тяжелой работы, однако и питается неплохо – не сказать, что сплошные мышцы.

Одежду усатый носил недешевую: дорогую шелковую рубашку насыщенного лавандового оттенка и штаны цвета утреннего безоблачного неба. На поясе – изогнутый кинжал с изысканной рукоятью, отделанной серебром и латунью. В самом основании рукоятки – сияющий рубин.

Больше всего меня поразили его глаза – ярко-желтые, какие бывают лишь у смертельно больных. Не человек, а волк, хотя волков мне видеть не доводилось. Усач обвел помещение медленным взглядом, и его глаза остановились на мне.

Пепел Брама... На плечи мне словно взвалили мешок с кирпичами да еще один запихнули в желудок. Я опустил глаза в дощатый пол сцены и с удвоенным рвением возобновил работу.

О чем они говорили, я не расслышал – слишком далеко. Однако с каждой секундой их голоса становились все громче. Группа приближалась ко мне.

– И что я буду иметь, Халим?

Кто это? Я на секундочку поднял взгляд. Ага, желтоглазый.

Халим слегка вздрогнул, избегая смотреть в лицо усачу, словно опасаясь того, что мог увидеть в его глазах.

– Например, репутацию.

Тот засмеялся, и его спутники захихикали в унисон.

– Репутация у меня имеется, причем неплохая.

Халим слабо улыбнулся:

– Мы говорим о разных вещах, Коли-эйя. Да, у тебя репутация сильного человека, однако же надеюсь, у нас ты заработаешь другую славу: тебя будут не бояться, а уважать.

Коли... Тот самый человек, что возглавляет одну из крупнейших банд в нашем квартале. Тот самый, который заставил Нишу стать воришкой, колотил мою подружку, превратив ее жизнь в ад. Довел девчонку до того, что та боялась даже своих друзей.

Во мне зашевелилась горячая злость. В животе словно закрутился клубок змей на тлеющих углях, и я стиснул зубы так, что заломило челюсти.

Я был молод, быстр и крепок. Пересечь сцену можно в два прыжка. Ничто не мешает мне броситься на этого человека. Нет, нельзя: слишком очевидный ход.

Но ведь не зря я столько лет наблюдал за лицедеями? Прикинусь безобидным ребенком, подберусь поближе, выдерну кинжал у него из-за пояса и...

Мы с Коли вновь встретились взглядами, и ко мне вернулось ощущение мешка с кирпичами на плечах. Я даже не отдавал себе отчета, что стою, уставившись на усача, и в тот миг понял о нем такое, что до сих пор хочу забыть.

Коли испытывал наслаждение от того, чем промышлял, и всей душой любил ощущение власти над другими. Обожал свое темное дело и был уверен – люди обязательно будут плясать под его дудку.

Не знаю, что бандит увидел во мне, но на его лице заиграла улыбка. Будто волк оскалился, предвкушая легкую добычу.

Если Халим и заметил наш обмен взглядами, то виду не подал, а просто продолжил говорить:

– Если ты станешь покровителем театра, Коли-эйя, твой образ в глазах народа станет более человечным.

– У меня нет нужды казаться человечным, Халим-сам. – Коли хлопнул хозяина театра по плечу и крепко его сжал. – Мне нужны деньги, уважение и страх. А если я вдруг кому-то еще и понравлюсь – что ж, прекрасно. В противном случае... – Он резко махнул рукой, прекращая бесцельный разговор.

По затылку Халима покатались крупные капли пота.

– Театр способен на многое, не только сделать тебе имя. Здесь крутятся деньги – пусть и не слишком большие, однако все может измениться. У меня большое здание, способное вместить немало народа. Необязательно использовать его только для постановки пьес.

Его слова заставили меня удивленно открыть рот.

Мальчишкой я знал мир куда хуже, чем сейчас, и, разумеется, не понял, на что именно намекал Халим. Знай я, к чему он ведет, – обязательно запротестовал бы, и все обернулось бы иначе.

Коли, задумавшись, провел пальцем по усам, затем растянул губы в плотоядной улыбке и подал хозяину театра руку.

– Похоже, я ошибался, Халим-сам. Это место и вправду нуждается в благодетеле. Кстати, заработать славу покровителя искусств не так уж и плохо. Люди любят театральные представления? Прекрасно. Помогу, чем сумею. А ты вспомнишь о моем поступке, когда придет время. Договорились?

Спина Халима напряглась, и он резко мотнул головой. Соглашается?

Коли с тем же волчьим оскалом повернулся к выходу, и тут в дальнем конце зала возникла мужская фигура.

С плеч незнакомца ниспадала просторная хламида алого цвета, словно ее замочили в чане со свежей кровью. Его лицо и одежда запылились, однако цвет хламиды нисколько не потускнел. Скорее всего, незваный гость был на декаду старше Халима – во всяком случае, его когда-то черные, спускающиеся ниже линии шеи волосы почти полностью окрасились сединой. А вот в короткой бороде не пробилось ни единого седого волоса. Несмотря на возраст, мужчина держался прямо, словно годы не взяли с него свою дань.

Я обратил внимание на высовывающийся из-за плеча незнакомца посох с вырезанной из черного камня и темного дерева рукоятью. Должно быть, пользуется им в качестве трости?

Долгая жизнь не наложила неизгладимого отпечатка на широкое лицо мужчины – щеки не обвисли, как бывает у стариков, хотя кожа с годами несколько потускнела. Мне показалось, что незнакомца когда-то вылепили из темной глины, а затем оставили застывать во дворе.

Халим и Коли внимательно изучили вошедшего и обменялись взглядами. Незнакомец неторопливо к ним присмотрелся и наконец обратился к Халиму:

– Это ты тот человек, который... – Не договорив, он обвел рукой театральный зал.

– Я, – кивнул Халим. – Это мой театр. Именно здесь ставят лучшие в Абхаре драмы и комедии.

Что касалось качества наших постановок, ни один из сильных мира сего не согласился бы с Халимом. Наша каста мешала нам прослыть даже неплохими исполнителями, не говоря уже о том, чтобы считаться лучшими. Знать в основном ориентировалась на те отзывы, что ходили в ее кругах. До респектабельной публики нам было не дотянуться.

Гость в хламиде пробормотал себе под нос, вроде бы и не заботясь, услышат ли его:

– О тебе много рассказывают. Говорят, у тебя в репертуаре такие пьесы, которые в театрах ставить не принято. Церковники их точно не одобряют.

Халим пожал плечами:

– Просто посмотрим, чем дышит мир. Наверное, в наших постановках чуть больше творческого начала... Не буду врать: даруй мне шанс – и я его не упущу. Мы – Оскверненные, и порой эта каста дает нам преимущество. Мы находимся на самом дне – так что мнение о нас вряд ли может ухудшиться.

Халим не жаловался на судьбу, просто рассказывал о прописных истинах, определяющих жизнь театра.

– Я мог бы кое-что изменить. Для того и пришел. Твое имя хорошо известно в городе. Лишь принадлежность к низшей касте не дает тебе развлекать своими представлениями знатных вельмож и их детишек. Потому-то и надеюсь, что ты сможешь докопаться до сути гнетущей меня тайны.

Пришлый человек помолчал, словно обдумывая, как продолжить свою мысль.

– Знаешь, что это такое? – Он указал на несколько обернутых вокруг его предплечья плетеных шнуров. Все разного цвета: белый, желтый и серый. Мне показалось, что последний просто сильно выцвел – а вот каким он был раньше?

– Знаю, – кивнул Халим. – Однако не возьму в толк, для чего ты здесь.

– Я ищу никому не известную историю. Уповаю на то, что ты о ней знаешь. А если нет – надеюсь, мы вместе ее найдем. Понимаю, наш поиск займет время. Сколько бы я здесь ни оставался – ты можешь рассчитывать на мои услуги. Я готов приносить пользу твоим спектаклям. Знаешь, огонь, дым...

– Есть у меня и то и другое, – отмахнулся Халим и мотнул головой в мою сторону. – Помощник тоже имеется, хоть и не всегда делает, что ему велено.

Он уставился мне в глаза. Понятно... Чуть позже у нас состоится серьезный разговор о причинах, побудивших меня сегодня подняться наверх.

Я выдавил улыбку – самую что ни на есть невинную и очаровательную. Во всяком случае – попытался. Халим сурово нахмурился. Похоже, мастерство лицедея мне еще придется совершенствовать.

Незнакомец заставил Халима от меня отвернуться, положив руку ему на локоть.

– Я не о тех маленьких трюках, что способен сотворить твой мальчик. Пойми, у меня совсем другие возможности.

Все замолчали, и я подобрался ближе к краю сцены, откуда разговор было слышно гораздо лучше.

Пауза вышла по-настоящему театральной, когда чувствуешь: вот-вот произойдет нечто решительное, от чего у тебя отвалится челюсть. Например, случится резкий поворот сюжета или раскроется тайна.

Подобного поворота я пропустить никак не мог. Можно назвать мое поведение обычным любопытством подростка – хотя я до сих пор от этого недостатка не избавился – или свойственной каждому человеку любознательностью, однако я должен был все увидеть.

И мне никогда не забыть того, что произошло.

Коли вытянул руку и, схватив незнакомца за шиворот, толкнул его к своим подручным:

– Заберите отсюда этого идиота и дайте спокойно закончить важный разговор с Халимом! Лишние уши нам ни к чему. – Он вновь обернулся к хозяину театра: – Так или иначе, я намерен сегодня прийти с тобой к соглашению.

Глянув на толстого головореза, надежно удерживающего в своих объятиях человека в хламиде, Коли снял с пояса кинжал.

Не слышал, что сказал незнакомец, только видел, как сузились его глаза. Затем раздалось тихое бормотание, которое, должно быть, понял лишь толстяк. Во всяком случае, он развернул своего пленника и уперся глазами ему в лицо. Улыбочка у него была гадкая, словно у жабы.

Человек в хламиде поднял руку и вновь беззвучно зашевелил губами. В воздухе мелькнула искра, и на ладони незнакомца загорелся оранжевый язычок пламени.

Тогда он снова зашептал. Огонек вздрогнул и затрещал, будто готовясь погаснуть, однако невидимая сила поддерживала в нем жизнь. Маленький язычок словно взорвался, став размером с голову толстяка, и затрепетал на ладони незнакомца.

Шестеро находившихся в зале человек зачарованно смотрели на огненный шар.

Коли вытянул руку с кинжалом, направив его в спину волшебника, однако его кисть ошутимо тряслась.

– Давай коснись меня еще раз, и тогда огонь вспыхнет у тебя внутри. Обжигающий жар спалит тебя с потрохами. Ну, попробуй, сунься! – Человек в красном обернулся к Коли: – Один миг – и на тебя обрушится крыша! Твоя репутация серьезно пострадает после того, как я с тобой закончу!

Он перевел взгляд на третьего бандита и воздел руку вверх, будто пытаясь дотянуться до потолка. Снова зашептал. Каменные стены зашатались, вниз посыпалась пыль и какая-то труха, и каждая пылинка засияла, попав в луч утреннего солнца.

– Прочь!

По залу заметалось эхо, словно кричала одновременно сотня людей. Камни вновь содрогнулись – то ли от нечеловеческой мощи голоса незнакомца, то ли от взмаха его руки.

– Прочь отсюда, *гули-валла*, вонючие отбросы! – Он ткнул рукой в сторону выхода. – Забирай своих псов и уходи. Если не подчинишься, тебя постигнут такие мучения, что впредь испытываешь ужас при одном только упоминании о плетущих! – Он наклонился к Коли, по-прежнему удерживая на ладони пылающий шар: – Убирайся!

Коли и его подручные в напоминаниях не нуждались. Вся троица развернулась и бросилась к выходу.

Стены встали на место, огонь погас, а человек в хламиде устало ссутулился, словно бежал бегом весь день без пищи и воды.

– Ты хоть представляешь, чего мне будут стоить твои фокусы? – горько спросил Халим, ухватив незнакомца за локоть.

Тот грустно улыбнулся:

– Я спас тебя от людей, знакомство с которыми сулит тебе большие неприятности, иначе они от тебя не отстали бы. Поверь, подобных негодяев я встречал немало.

Халим, не отпуская прищельца, хорошенько встряхнул его:

– Мне были нужны эти деньги... Не мне – нам! – Он обвел рукой зрительный зал. – Я ни за что не стал бы якшаться с такими, как Коли, но деваться некуда.

– Я сделаю все, что в моих силах, и постараюсь возместить твой ущерб.

Халим приблизил лицо к незваному гостю, и они едва не коснулись друг друга носами. Глаза моего приемного отца сузились, по скулам забегали желваки.

– А у тебя и нет выбора, плетуший. Добро пожаловать в мой театр! Не вздумай причинить вред нашей семье и запятнать мою репутацию. Надеюсь, ты оправдаешь славу своего высокого искусства – и тогда у нас все будет хорошо. *Джи-а?*

Халим не собирался торговаться с незнакомцем, ибо сделка с Коли пошла псу под хвост, зато ясно дал понять: с сегодняшнего дня плетуший принят в театр и хозяин ожидает, что тот загладит вину.

Человек в хламиде протянул ему руку:

– Я – Маграб.

– Халим.

До рукопожатия мой друг и благодетель не снизошел.

– Посмотрим, может, все же удастся умиловить Коли. Ради бога, не натвори тут дел, пока меня нет. Вернусь – покажу, где будешь спать, и ознакомлю с обязанностями.

Халим развернулся и вышел из зала.

Я выронил тряпку. Магия... Настоящая магия, та самая, о которой повествуют сказания, которой посвящено несколько поставленных в нашем театре пьес. Плетушие... Мудрые маги, способные изменять мир вокруг себя ради того, чтобы творить великие и ужасные дела.

С отвисшей челюстью я наблюдал за Маграбом. Рядом стоял легендарный мастер, а я не знал, что сказать.

Должно быть, Маграб видел, что происходит в моей бедной голове.

– Значит, ты служишь у Халима? – спросил он, и я кивнул, не в силах подобрать слов. – Как зовут тебя?

– Ари.

– Хм... Ари? – Маг зашевелил губами, словно заучивая эти три буквы, и снова заговорил: – Хорошее у тебя имя. А я – Маграб. – Он улыбнулся и протянул мне руку.

Я подскочил к нему и, сжав его кисть в ладонях, затряс ее куда сильнее, чем требовалось для рукопожатия. Маграб не стал высвобождаться из моего энергичного захвата и спросил, взглянув на сцену:

– Стало быть, ты помогаешь Халим-саму творить его магию? Об этом он говорил?

– Работаю в трюме, – кивнул я. – Надеюсь, когда-нибудь Халим позволит мне играть на сцене.

– Это вершина твоих желаний? Хочешь стать лицедеем? Ничего иного в книге твоей судьбы не написано?

Я примолк. Сложный вопрос. Мое возбуждение схлынуло и вновь вернулось при воспоминании о том, как Маграб, словно великий Брам, вызвал огонь, что пылал на его ладони.

– Не я, а ты сотворил магию...

– Ты прав.

– Как в древних сказаниях?

Маграб невозмутимо кивнул.

Я вздохнул. Пожалуй, задавать следующий вопрос у меня не было права, и все же детское бесстрашие и любопытство взяли верх. Кстати, порой это опасное сочетание. Конечно, я знал, чего хочу от жизни. Желал возжечь собственный огонь, понять его природу и творить с его помощью, как было миллиард лет назад. Я жаждал сам стать легендой.

Детские мечты не имеют границ. А взрослый человек, их сохранивший, способен совершить немало ужасных или, наоборот, великих поступков.

– Научишь меня?

Иногда беду можно накликать одним-единственным словом. Маграб его произнес:

– Да.

Все просто. Проще не бывает.

Сейчас я думаю: Маграб подозревал, кем я могу стать и как применю его учение. Но, в конце концов, я был всего лишь ребенком.

12

Уроки и истины

Маграб оказался лучшим учителем в мире. Вероятно, терпелив он был от рождения. Любопытство плетуший ценил и даже поощрял.

Энергии у старика было хоть отбавляй, а ясный ум позволял преодолевать трудности, что представлял для него такой ученик, как я.

Более всего мне запомнились глаза и голос Маграба. Глаза – кусочки выцветшего нефрита, серого с легким зеленоватым оттенком, напоминавшим об их первоначальном цвете. Голос – сильный и четкий, с твердыми интонациями наставника, подготовившего не одно поколение юных магов. С таким голосом можно командовать армией.

Тем не менее и в голосе, и в глазах Маграба всегда сквозила доброта.

– Вопросы ты задаешь неправильные, Ари. – Маграб запустил руку в складки своей хламиды и извлек оттуда серебристую нить. Уж не его ли собственный волос? И что? Я молча прищурился, переводя взгляд с нити на лицо учителя. – Тебя интересует, как я вызываю огонь. А следует задать вопрос: как мне удастся его удерживать? Первое – просто трюк. Второе – уже волшебство. – Он поджал губы и уставился мне в глаза. – Или, если угодно – плетение.

Ждет очевидного вопроса... Хорошо.

– В чем разница?

– Разница принципиальная, – воздел палец Маграб. – Нам известно, как работает плетение. – Он сверкнул белозубой улыбкой, и я ухмыльнулся в ответ. – Есть десять формул плетения, которые должен знать каждый. Много веков назад их было куда больше, однако многие из них утеряны. Те десять, что до нас дошли, – это основы основ для каждого плетущего. Неважно, сумеешь ли ты освоить все. На самом деле редко кто продвигается дальше первой, однако следует понимать принципы их применения.

Десять формул плетения... Десять способов изменить мир, подобно великому Брамунду!

– Расскажи о каждой!

Я подполз к Маграбу, не обращая внимания на жесткий пол трюма, стиравший колени в кровь.

Он погрозил пальцем:

– На дерево забираются не сверху, а снизу, Ари. Имей же терпение.

Я раздраженно вздохнул.

– Тебе придется проделать тяжелую работу. – Уголок рта учителя дрогнул, словно ему хотелось рассмеяться. – Давай-ка начнем с плетения, которое я выполнил, вызывая огонь. Вот это – кусочек проволоки. Знаешь, что такое сутин? – осведомился он, подбросив на ладони серебристую нить.

Я помотал головой.

– Сутин – металл, который когда-то обнаружили в северных горах Аппар Радеш, что неподалеку от Ашрама. Выяснилось, что свойства нового металла меняются, если очистить его от примесей и смешать в должных пропорциях с солью и водой. – Маграб сжал кусочек проволоки в кулаке. – Я пришел в театр посреди ливня, и воды было достаточно, чтобы сутин воспламенился. Соль я прихватил с собой.

– Так первая искра родилась из сутина? – наконец дошло до меня.

– Верно, – кивнул учитель. – Однако я сумел удержать огонь. Это уже плетение. Тебе следует уяснить: плетуший не может создавать сущности, подобные огню, ветру, воде или земле, но в его силах ими манипулировать.

– А вот Брам создавал!

Маграб бросил на меня невозмутимый взгляд:

– Технически, если верить сказаниям, он и сам родился из пламени, так что мог извлекать его из собственного тела. Тем не менее я согласен: Брам порождает многие сущности из абсолютной пустоты. Мы же с тобой не боги, разве только ты от меня что-то скрываешь.

Я закатил глаза.

Серебряная проволока сверкнула в руке Маграба, и его лицо сосредоточилось:

– Ал...

В его ладони вспыхнул тоненький – в человеческий волос – огонек:

– Ан...

Язычок пламени удержался, слегка подпрыгивая на руке учителя:

– Вент...

Маграб слегка дунул, едва не погасив огонек:

– Эрн...

Оранжевый язычок заколебался, стал шире и наконец набрал силу. Огонь лизал воздух и рос, вскоре он превратился в пламенный шар.

Я смотрел как завороченный, забыв обо всем. Не мог оторваться от вызванного учителем огня и словно погружался в каждую его струйку.

Маграб выдохнул, огненный шар исчез, и я вынырнул из забытья:

– Как ты это делаешь?

Я прокрутил в голове те слова, что произносил учитель, и выпалил их одно за другим. Ничего не произошло.

– Ари...

Маграб положил руки мне на плечи. Одна его ладонь была горячей другой.

– Магия – это не только слова. Магия – это история, заставляющая тебя осознать, как работают присущие нашему миру силы, причем далеко не на том примитивном уровне, что доступен ученым и священникам. Думаешь, если просто выкрикнуть формулу – вселенная тут же подчинится?

– Как же быть? – вздохнул я.

Маграб пошарил в складках хламиды, извлек на свет два одинаковых камня и втиснул их мне в руки:

– Вот, держи.

– И что дальше?

– Просто смотри на них.

– До каких пор?

Лицо Маграба оставалось бесстрастным, однако в глазах сверкали веселые искорки:

– Пока не велю закончить упражнение.

Учитель направился к выходу, и я нахмурился:

– погоди! Что толку сидеть с камнями, если ты не собираешься меня ничему учить?

– Нам с Халимом нужно кое-что исследовать, и...

– Могу помочь!

– Можешь, – покачал головой Маграб, – если будешь держать камни, пока не скажу, что ты готов к следующему этапу.

Не такого ответа я ждал. И это называется обучение магии? Я желал вызывать огонь, жаждал пуститься в путешествие, познакомиться с Шаен, встретиться с Ситрами. А что получил?

Похоже, истина, которую я искал, заключалась в камнях.

Я пялился на них, пока не потерял счет времени, пока мой разум не покрылся туманом. Раздражение сменилось ощущением пустоты.

Юности свойственно преувеличивать, и, пожалуй, я сказал бы, что провел в подобном состоянии пару дней. На самом деле прошло несколько долгих часов, и я наконец задался вопросом: не расплющилась ли моя задница в блин от непрерывного сидения?

– О чем думаешь? – Голос Маграба вырвал меня из сонного состояния.

Резко распахнув глаза, я едва не выронил камни.

– Вымя господне, ты меня напугал!

– Вселенная предлагает нам множество поводов для размышления, и полагаю, что все это время мой первый ученик думал не только о вымени Брама, – криво усмехнулся Маграб и устался на меня так, словно застукал за предосудительным занятием.

Я спокойно выдержал его взгляд, хотя не знал, чего он от меня ждет. Наконец Маграб не выдержал и прыснул от смеха. Расслабившись, я тоже засмеялся и уже через миг нашел достойный ответ:

– Думал об этих дурацких камнях.

– Отлично. Стало быть, ты сосредоточился на том, чего я от тебя и добивался. Тому, кто желает стать мастером плетения, следует развить в себе способность очищать разум от разной шелухи и оставлять лишь необходимое.

– А плетущему, стало быть, необходимы камни?

– Не умничай! – шлепнул меня по руке Маграб. – Слишком сильно задираешь нос, к добру это не приведет.

Я хотел было запротестовать, однако, заметив, как посуровел учитель, захлопнул рот, проглотив язвительный ответ. Не стоит дразнить Маграба.

– Итак, Ари. Во-первых, плетение требует несокрушимой уверенности, во-вторых – уверенность необходимо поддерживать. Недостаточно создать, следует еще и сохранить то, что ты создал. Сильная воля и сильная вера – два основных принципа, которые позволят изменять мир. Так вот, начнем с малого: ты будешь думать о камнях до тех пор, пока все остальное для тебя не исчезнет.

– Но... ты ведь ничего не рассказал о самих плетениях! – Я заерзал на месте, по-прежнему беспокоясь, что там с моей задницей. Во всяком случае, она была на месте и точно болела.

Маграб прошелся по трюму, разглядывая мудреные механизмы. Наконец его взгляд упал на гладко выструганную палку, которую я вчера оставил торчать в бочке. Игрушек у меня было немного, и самодельный меч стал одной из них. Порой, если оставались силы, я сражался со своей тенью.

Сражался – громко сказано. Обычно я просто суматошно размахивал руками с риском выбить себе глаз – это было куда ближе к истине, вот только ребенок истину видит не так отчетливо, как взрослый.

С другой стороны, со временем я понял, что в детских мечтах истины порой гораздо больше, чем считают взрослые. С годами мы нередко ее забываем и снова ищем – но уже в потемках.

Маграб осмотрел меч и несколько раз им взмахнул, рассекая воздух с приглушенным свистом.

– Пожалуй, эта штука годится.

– Годится для чего?

– Для ученика, который забегает вперед и не видит, что находится у него под носом.

Я помолчал, раздумывая над словами учителя.

– А что у меня под носом?

– Например, я, причем с клинком, – отозвался Маграб, встав прямо передо мной.

Подбросив меч на ладони, он сделал выпад и попал мне в руку. Слишком слабо для того, чтобы причинить серьезную боль, однако достаточно сильно, чтобы я ощутил жалящий укол и понял мысль учителя. Потерев ушибленное место, я бросил на Маграба свирепый взгляд:

– Не люблю, когда мне делают больно! – Разумеется, Маграб не мог знать, через что мне пришлось пройти, но малейший тычок заставлял меня буквально вскипать от ненависти. Вот и сейчас руки невольно сжались в кулаки. – Не делай так больше, – процедил я сквозь стиснутые зубы.

Учитель глянул на мою пораженную руку, затем перевел взгляд на лицо:

– Неприятно, правда?

Я кивнул, сжав челюсти так, что едва не сломал зуб.

– Вот и хорошо. Мастер плетения не может отвлекаться на посторонние раздражители. Ум должен оставаться чистым, а сам ты – бесстрастным. – Он вновь направил на меня острие меча. – Даже сейчас тебе следует мысленным взором видеть лишь камни. – Каждое слово Маграб подчеркивал взмахом клинка.

Я одарил его испепеляющим взглядом, способным обратить деревянное лезвие в пепел.

– Представь, что ты один, мальчик, – промолвил учитель, нанеся новый удар. – Здесь только ты и камни. Жаждешь стать плетущим? Так доверься мне. – Я слегка остыл и выдохнул, сосредоточившись на булыжниках. – Освободи в своем уме пространство и для одного, и для другого. Раздели свой мозг на две половинки. Пусть каждая из них будет пуста, словно беззвездная ночь. Каждая половинка посвящена одному из двух камней. Понял? Больше для тебя ничего не существует – для посторонних вещей в твоём разуме просто нет места.

Полностью очистить разум – задача не из простых. Некоторое время я сидел неподвижно, прокручивая в голове бесконечный поток вопросов и мучительных мыслей. Потом пришла пустота – я словно нырнул в море тьмы. Ткань сознания разделилась на два темных зеркала, в каждом из которых плавало отражение камня.

Я удерживал это состояние сколько мог, пока в мозгу не возникло два очага тупой боли. Руки, сжимающие булыжники, отяжелели и словно отделились от тела. Боль заполнила голову целиком, и мне захотелось попросить пощады.

– Что чувствуешь? – Вопрос Маграба нарушил созданный в уме образ. Темнота рассеялась, камни исчезли.

Моя грудь бурно вздымалась, и я попытался выровнять дыхание.

– Устал, как будто мозг работал круглые сутки. Почему так?

– Большинство людей никогда не используют свой разум подобным образом, – улыбнулся Маграб. – Живут так, как того требует от них жизнь. Лишь немногие готовы делать то, чего им хочется, а ведь это первый шаг на пути становления плетущего. Добьешься ясности ума – сможешь сохранять в сознании заранее заданный совершенный образ, потом и несколько образов. Это начало начал для того, кто стремится воздействовать плетением на мир. – Поднявшись, он взял жестяную кружку и направился к бочке. Набрав воды, вернулся и поставил кружку между нами: – Что видишь?

– Воду, – с ходу брякнул я, однако Маграб, очевидно, ждал от меня иного ответа.

– Допустим, но что о ней можно сказать? – терпеливо улыбнулся он, указав пальцем на колышущуюся жидкость.

Поразмыслив, я все же не смог ничего добавить.

– Вода в кружке – чистая, – вздохнул Маграб.

Я криво усмехнулся:

– Ты ее просто не пробовал, Маграб. Я этой водой моюсь.

Он фыркнул, подобрал с пола мусор и опустил его в кружку.

– Очень может быть, однако смотри. – Маграб помешал воду пальцем. – Что скажешь теперь?

– Теперь она грязная, – буркнул я, разглядывая мутную жижу.

– Хорошо. Давай подождем и понаблюдаем, – кивнул учитель.

Мы ждали. Смотрели. Не знаю, сколько прошло времени до тех пор, пока на лице Маграба не появилось удовлетворенное выражение. Знаю одно – в окне моего трюма забрезжил вечерний свет, бросая на пол мягкие золотисто-оранжевые отблески.

– Что видишь сейчас, Ари?

Мусор осадком опустился на дно кружки, и поверхность снова стала прозрачной.

– Вода опять чистая. Ну, если так можно сказать.

Маграб кивнул.

– Запомни наш опыт. Любой ум очищается, если ты даешь ему для этого определенное время. Хочешь быть плетущим – учись погружаться в безмолвие и очищать сознание, не обращая внимание на то, что происходит вокруг. Итак, этим и займемся, – указал он на булыжники. – Сиди и думай о камнях.

Мы застыли в неподвижности и сидели так всю ночь, пока мои мозги не начали кипеть. Кажется, я спал и мне снились проклятые каменюки.

Маграб тогда и не подозревал, каким хорошим наставником оказался. Пожалуй, слишком хорошим.

С двух камней все и началось.

13

Пауза. Вопросы

Элойн дернула меня за рукав, и я сделал паузу. Мы обменялись долгими взглядами. Похоже, у певицы есть вопросы.

Дождь почти стих, и с неба срывались лишь редкие капли. Наверное, скоро закончится. Элойн все еще прижималась ко мне. Ее глаза излучали мягкое тепло, способное высушить промозглую сырость.

– И как же ты это сделал?

– Сделал что?

– Ты ведь вызвал огонь в той таверне. А говоришь, что плетущий не может его породить. Я промолчал, и Элойн слегка покусала губы, видимо, обдумывая следующий вопрос:

– Расстроился, что заметила несоответствие?

Я поднял бровь:

– Ткнул концом посоха в очаг и сплел вокруг него воздушный поток, несущий и подпитывающий пламя. Дальше оставалось лишь его направлять.

– Не тогда, – покачала головой она. – В другой таверне, когда за мной пришли пастыри.

Итак, она и вправду кое-что поняла. Объяснить я мог, вот только желания рассказывать эту часть истории не было. Не хотел вновь будить старую боль.

– Ты права. Я действительно вызвал огонь, не имея источника.

Элойн повременила, дожидаясь более подробного ответа. Затем поняла, что ничего не светит, положила руку мне на плечо, и меня вдруг пронизала боль – словно бритвой полоснули, а не ногтем.

Ахнув, я отпрянул и потерял то место, куда она воткнула свои коготки.

– Зачем ты это сделала?

– Кто обещал быть джентльменом? И кто уклонился от ответа?

Вспыхнувшая на ее лице улыбка запросто могла снять боль. И почти сняла.

Я снова помассировал плечо, и Элойн издала тихий смешок:

– Ну-ну. Ничего я такого не сделала. В твоей жизни бывали раны и пострашнее, правда?

– Обычная ошибка, – прищурился я. – Принято думать, что сильная боль делает тебя нечувствительным к укусу комара. Неправда: больно и так, и этак. Чем больше ты вытерпел в жизни, тем более ты уязвим. Боль – она и есть боль, как ни крути.

Элойн не сводила с меня глаз, а я тем временем незаметно нашел ее бедро и хорошенько ущипнул в ответ.

Она в свою очередь ойкнула, дернулась в сторону и, взмахнув рукой, угодила точно в то место, по которому несколько секунд назад прошла ногтями.

– Ну, тебе ведь приходилось испытывать и более сильную боль, верно? – бесстрастно осведомился я. – Понимаешь, что я имел в виду? Итак, допустим, мне удалось научиться вызывать огонь из ничего. Знай, что за это пришлось заплатить высокую цену. У любой силы есть цена. Сила приходит с болью – большой или малой. Все зависит от того, кто ты есть. Я своей болью пока делиться не готов, хотя и не расстроился, что ты обратила внимание на мою особенность. Даже рад. Гораздо хуже, когда человек просит тебя рассказать историю и не может терпеливо дождаться ее завершения. – Я возмущенно взмахнул рукой. – А между тем слушателю следует сосредоточиться – как приходилось мне при работе с камушками.

Сложив руки на груди, Элойн одарила меня раздраженным взглядом, однако я, поднявшись на ноги, и глазом не моргнул. Певица осталась сидеть, лишь склонила голову к плечу:

– То есть твой рассказ подошел к концу?

– Разумеется, нет. По-моему, нам следует выбрать более уютное место, где можно погреться и нет дождя.

Элойн закатила глаза:

– Сколько раз я это слышала! – Она протянула мне руку, и я помог ей встать. – Позволь догадаться... Не так уж много здесь уголков, где мы могли бы укрыться, учитывая поздний час и те неприятности, в которые нам удалось влипнуть. Оба мы промокли, оба – чужаки в незнакомой стране. С деньгами у нас не особо. Итак, ты только что подумал о своей комнате. Угадала?

Я не сдержал улыбку, а зря: уж очень озорной и по-волчьи голодной она вышла.

– Насчет неприятностей ты права. Час действительно поздний. Мы и вправду до нитки промокли в чужой стране. И все же я подрядился дать здесь несколько представлений, за что мне выделили комнату в этой таверне. – Я повернулся и указал на выход с крыши: – Устроит ли тебя подобный вариант? – Подмигнув ей, я расплылся в улыбке.

Элойн нахмурилась, хотя ее глаза весело блеснули. Хмыкнув, она подобрала юбку и прошла в дверь.

– Надеюсь, что устроит.

Я изобразил полный достоинства кивок и последовал за певицей. В коридоре обогнал ее и направился к своей комнате:

– Уж не знаю, стоит ли оно того...

– Это смотря что ты сейчас скажешь.

Я не видел выражения ее лица и оборачиваться не стал, однако что-то подсказывало: Элойн наслаждается происходящим.

– Я ничего не имел в виду, кроме предложения посидеть в тепле, подальше от ливня, где ты слушаешь продолжение истории. Просто не знаю, выдержишь ли ты до конца.

– Хм... Я все-таки женщина и способна выдержать куда больше, чем тебе кажется. Впрочем, некоторые дамы оскорбились бы, подумав, что этим твои предложения и ограничатся.

– И ты – одна из таких дам?

– Еще не решила. Дай мне время. Прояви терпение, как со своими камешками, – и все выяснится.

Мы дошли до моей двери, и я, распахнув ее настежь, отступил в сторону:

– Моя история стоит того, чтобы дождаться ее окончания. Однако слово за тобой.

Элойн положила ладошку мне на щеку и приблизилась почти вплотную, так, что я ощутил ее теплое дыхание.

– Что ж, наверное, зайду к тебе в гости – дослушать-то хочется. – Она мягко оттолкнула меня и перешагнула порог. – Считаю, что я любопытна. А любопытство мое удовлетворить нелегко.

– Уж не знаю, что о тебе и думать.

Вроде бы я бормотал себе под нос, и все же Элойн обернулась, уперла руки в бедра и наградила меня взглядом, обещающим новый щипок. Раз обещала – сделает, причем наверняка в самый неожиданный момент.

Впрочем, похоже, наказание я заслужил. Пытаясь успокоить свою даму, я указал на ширму в углу комнаты:

– Если желаешь, могу просушить твою одежду.

Элойн вопросительно приподняла бровь и заметно смягчилась:

– Вот как?

Положив руку на грудь, она сжала в кулачке ткань своего платья, словно опасаясь, что я немедленно его сниму.

– Значит, стоило нам войти в твою комнату, и ты уже замыслил меня раздеть? – Гостья испустила преувеличенно гневный вздох. Хорошая игра...

Разумеется, я понимал: меня дразнят. И все же мои щеки окрасились румянцем.

– Я лишь думал просушить...

Ее улыбка была столь порочной, что я сбился с мысли и решил – не стану пытаться сплести теплый ток воздуха.

– Не каждый мужчина сделает подобное предложение. Извини, я-то решила, что ты хочешь согреть меня, а не мою одежду, – улыбнулась Элойн, прижав ладошку к щеке.

Ни дать ни взять – застенчивая девица.

– Нет-нет, – заикаясь, пробормотал я, ощущая себя полным идиотом. А так хотелось сказать что-нибудь умное...

– Нет? – взлетели вверх брови Элойн. – Знаешь, настоящую женщину подобный ответ серьезно обидел бы. – Она отвернулась. – Значит, затащил меня в свою комнату, а теперь в кусты?

Ее плечи вздрогнули, и несведущий наблюдатель мог бы решить: вот-вот заплачет. Однако, услышав тихий смешок, я вздохнул спокойно и бросил на Элойн сердитый взгляд:

– Забавляешься? Рад за тебя.

Она повернулась и, сдерживая смех, приложила ладошку ко рту:

– Ох, еще как!

Я подавил желание показать ей язык.

– Что ж, если ты намерена остаться в мокрой и холодной одежде...

– Хм... Значит, выбор невелик? Либо сидеть в сыром платье и мерзнуть, либо позволить тебе меня согреть?

Я пришел к выводу, что обыграть Элойн в словесной пикировке не удастся, и, решив схитрить, поманил ее к себе:

– Подойди, кое-что покажу.

Она сделала шаг вперед, и наши носы едва не соприкоснулись.

– Так достаточно?

Опасаясь стукнуть ее головой в лоб, кивать я не стал. Взял за руку и заставил приложить ладонь к моей груди. В голове немедленно замелькали древние формулы.

– *Вент* – это раз...

– Что-что?

Я не обратил внимания на ее вопрос, начав сворачивать материю разума. *Моя одежда выстирана и разложена для просушки на летнем солнце...* Образ удвоился, затем отразился уже на четырех гранях восприятия. Еще миг, и сознание уподобилось пчелиным сотам, в каждой из которых висела сухая и теплая одежда.

– *Эри* – это два...

Я твердо удерживал в сознании созданные образы, обретя несокрушимую уверенность в том, что под ливень и вовсе не попадал. *Свежая рубашка, на улице погожий день, тепло...*

Рука Элойн на моей груди вздрогнула. Похоже, женщина испытала невольное желание отпрянуть, однако справилась с собой и провела ладонью по совершенно сухому рукаву.

– Ни капли воды... Но как?

– Об этом ты узнаешь из продолжения истории, – улыбнулся я и многозначительно на нее посмотрел. – Если, конечно, у тебя есть время и терпение. Хорошая история подобна плотской любви. Она увлекает, обещает, дразнит, и если слушатель терпелив, а повествование выстроено как должно – то рано или поздно наступит катарсис.

Элойн закатила глаза:

– Похоже, у нас разный жизненный опыт. Мужской и женский катарсис – далеко не всегда одно и то же.

Я оттянул вдруг сдавивший шею воротник.

– Эншае позволила мне получить серьезный опыт... очень серьезный.

– У нее вполне определенная репутация. – Голос Элойн вдруг стал сухим и хрупким, словно керамическая ваза.

Я поздно осознал, какую сделал глупость, однако попытался исправить положение:

– Люди по большей части знакомы лишь со сплетнями об Эншае. Правду же могу рассказать только я. Кстати, разница действительно есть. Хороший сказитель всегда знает, когда следует испытать на публике магические умения, – история от этого только выиграет. Итак, позволишь ли ты просушить свое платье? – Я медленно вытянул руку и зажал между пальцами складку ее юбки.

– Договорились, – кивнула Элойн. – Все же тебе следует объяснить, почему свою одежду ты высушил прямо на себе, а я обязательно должна была скинуть платье.

По ее лицу промелькнула порочная улыбка, и мое тело окатила теплая волна. Вот только магия тут была ни при чем.

Сделав вид, что откашливаюсь, я взял паузу, ибо своему языку уже не доверял.

– Ощутить плетение непосредственно на себе и сохранить самообладание дано не каждому. Кроме того, мне не хотелось бы вторгаться в твою личную ауру.

Слегка отстранившись, Элойн прошептала, словно размышляя вслух:

– Не каждый мужчина задумается о том, что его поступки могут нарушить чужую ауру...

Мне вдруг захотелось положить руки ей на плечи, успокоить, однако, судя по ее напряженной позе, желаемого я не достиг бы. Элойн дрожала, словно лист под осенним ветром. Тронь его – сорвется с ветки и улетит.

Стараясь не делать лишних движений, я вновь заговорил:

– У человека имеются разные ауры. Далеко не все об этом знают, однако священные оболочки могут быть не только внутри нас, но и снаружи. – Я развел руки в стороны и очертил большой круг. – Каждый человек занимает невидимое глазу пространство, созданное одной из наших составляющих, и оно больше, чем физическое тело. Кто-то отождествляет его с душой, хотя они неправы. Плетение, к которому я прибегну, затронет этот невидимый кокон. Не знаю, какие ощущения ты испытываешь, потому и прошу удалиться за ширму и снять платье. Вот и все.

Оставалось надеяться, что мое объяснение успокоит Элойн.

Ответила она быстро, сделав пару шагов навстречу и прижавшись к моей груди. Мокрым платьем – к сухой рубашке. Впрочем, я нимало не возражал.

– Хотелось бы испытать это ощущение...

На подобный ответ я рассчитывал и, прикрыв глаза, погрузился в глубь граней восприятия.

Каждый из нас подсознательно осязает свой внешний кокон. Частенько от этого ощущения отмахиваются, считая его детскими выдумками или суевериями. Тем не менее оно существует – если угодно, можно назвать его шестым чувством. Точно такая же сверхъестественная способность проявляется у любого животного, почуявшего на себе посторонний взгляд.

И мы создаем, когда нечто вторгается в нашу ауру. Неважно, зряч человек или слеп. Он знает.

Я впитал в себя ауру Элойн, тихо гудевшую, подобно вибрирующей струне мандолины. Кроме звука, мое внимание привлекло кое-что еще. Одна из ее душевных составляющих напоминала закаленный железный стержень, не желающий сгибаться, что бы с ним ни делали. Я ощутил настороженность и в то же время силу. Элойн никого не боялась.

Я не глядя вытянул к ней руки, и она, сжав мои кисти в ладонях, медленно провела их вдоль своего тела, позволив мне создать необходимую мысленную картинку.

– Вент...

Платье без единой моришки, сухое и теплое...

– Эрн...

Элойн содрогнулась, однако стояла твердо.

– Как странно!

Я промолчал, удерживая плетение до тех пор, пока оно не завершило работу. Мои руки скользнули по теплой женской коже; холод из нее ушел, словно Элойн посидела у костра. Захотелось задержать ее в объятиях, однако в мозгу тут же всплыло давнее воспоминание о человеке, словно согретом солнечным лучом, с которым мы обнимались точно так же. Я инстинктивно отпрянул.

Ворот плаща как будто налился свинцом и снова сдавил мне шею. Я встряхнул головой, избавляясь от видения.

– Прости, если что-то не так.

Элойн молча осмотрела свое платье, перебирая пальчиками его складки, словно искала подвох.

– Я не почувствовала, как из него уходит влага... Раз – и сухое. Никакого перехода вроде «холодно, тепло, горячо». Как во сне. Даже следов не осталось, будто и не была под ливнем. – Она задумчиво примолкла, плавно взмахнув рукой. – Вокруг меня что-то двигалось и менялось, будто в воздухе зарождались токи.

Умна... Мне в свое время не удалось понять смысл формулы с первого раза.

– Это и было воздействие на внешний кокон. В конце концов мы дойдем до рассказа о созданном мной плетении. – Я опустил на кровать. – Но не сразу. Мои первые опыты были совсем иными, они и вошли в первую часть истории. Впрочем, все зависит от того, кто ее рассказывает.

Присев рядом со мной, Элойн уставилась на меня удивленно распахнутыми глазами.

– Итак, ты получила ответы на все вопросы и дала мне право кое о чем спросить тебя. – Метнув на нее выразительный взгляд, я намекнул, что право свое обязательно использую. – И все же, коли приходится сегодня играть роль джентльмена, мои вопросы подождут.

Откашлявшись, я слегка наклонил посох, чтобы его рукоять оказалась от меня на расстоянии вытянутой руки.

В груди зародился глубокий вздох, и я представил себе, как он набирает силу, способную сдвинуть с места облако или захлестнуть волной морское судно.

– Ан...

Я выдохнул, нарисовав в уме картинку: струя воздуха, обвившись вокруг посоха, смыкается в тугое кольцо. Внутри меня возник клубок пламени, и я размотал огненную спираль, свернув ткань разума, как делал в той таверне. Потянул пылающую нить за хвостик и заговорил:

– *Вент... Эрн...*

Выпущенная из легких струя воздуха вспыхнула и расцвела извивающимся оранжевым языком пламени.

– Хочешь знать об огне? Желаеть услышать, как я его вызываю, не имея источника, как сплетаю его с воздухом, как им управляю? Нет, меня никто не научил порождать пламя, подобно Брамму. Я сам осмелился создать в себе его вечный источник, который с тех пор храню. Эта часть моей истории далека от того места, где мы остановились, однако расскажу тебе о первых шагах на пути к настоящей магии. Пройдя по нему, я научился вызывать огонь и стал Ари Неопалимым, героем, что возжег вечное пламя. Я изучил и постиг его лучше, чем человек понимает собственное тело. Сроднился с ним. В первую очередь следовало выяснить, где и как искать в себе пламя. Я не знал, с чего начать, однако Маграб направил меня в нужную сторону. И надо сказать, что я превзошел древних мастеров плетения. Но, прежде чем погрузиться в рассказ о поисках огня, тебе следует узнать историю свечи и пламени.

Я сосредоточился на своем посохе, представив на его конце тусклую мерцающую искру. Крошечный огонек покачался, грозя вот-вот погаснуть, и все же ожил, подпрыгнул и затрещал, подобно фитильку свечи, освещающей темную комнату.

14

Свеча и пламя

– Для того чтобы стать плетущим, тебе необходим Атир, Ари, – сказал Маграб, покрутив у меня перед глазами камень.

К счастью, сегодняшний урок прошел наверху, на театральной сцене. Вчера мне снова пришлось ее почистить и натереть – иначе такого права я не заслужил бы. Ночью спал плохо, однако труды того стоили. Лицедои сегодня в основном репетировали поодиночке, а кто-то подался в город, так что сцена была в нашем распоряжении.

На голову мне упал какой-то предмет и отскочил на колени. Я поморщился от тупой боли. Камень?

– Это еще зачем?

– Ты был невнимателен, – улыбнулся Маграб и подобрал камень.

Я сердито уставился на него, однако решил не врать и не спорить.

– Итак, Атир – краеугольный камень мастерства, – продолжил учитель, выразительно постучав себя по голове. – Если не научишься создавать нужный настрой – плетущего из тебя не выйдет. Без веры удачного плетения не получится. Более того – все может закончиться очень плохо.

– Плохо? – удивленно нахмурился я.

Маграб сжал губы в тонкую линию, и его лицо затвердело.

– Плетение тебе создать удастся, однако ты потеряешь над ним контроль, а это опасно. Пойми, мы вмешиваемся в законы и принципы, по которым живет мироздание. Представь, что значит утратить управление...

Он мог не продолжать: я догадывался, что случится, если плетение сработает неправильно. При первой нашей встрече Маграб создал огонь на своей ладони и удерживал, не давая ему вырваться на волю. Что произойдет, если плетущий сотворит огромный факел, а потом его воля ослабнет? Этак можно спалить здание, а то и целый квартал. Или все королевство.

– А еще ты можешь потерять себя. Честно – не знаю, что хуже, Ари.

Я вылупился на учителя, ожидая продолжения, и тот снова поднял упавший мне на голову голыш.

– Ты ведь помнишь упражнение с камнями, не так ли?

Я кивнул.

– Некоторые плетущие способны удерживать в уме образ так долго и настолько прочно, что все остальное для них перестает существовать. Есть риск раствориться в гранях своего разума и утратить себя навсегда. Я видел, как мастера плетения сходили с ума, угодив в ловушку собственного восприятия. После этого ты лишаешься возможности действовать. В итоге человек превращается в слюнявую куклу, ломается, соскользнув в глубины сознания.

Я хотел было задать вопрос, однако Маграб поднял палец:

– Да, плетущий ломается, когда заходит слишком далеко. Формула срабатывает неверно, и разум, пытаясь вновь и вновь выполнить плетение, попадает в мертвую петлю, созданную гранями восприятия. Так можно убить не только себя. Представь утратившего над собой контроль человека, раз за разом повторяющего боевую формулу.

Не хотелось бы мне попасть в такое положение. Потерять рычаг управления плетением – это одно. А спрыгнувший с катушек мастер, неустанно твердящий магическую формулу, – немного другое. Он ведь знать не знает, что творит. Я содрогнулся.

– Вот почему мы начинаем с развития разума ученика, Ари. – Маграб снова постучал себя по лбу. – Разум – оружие и щит плетущего. Его опора. Не разовьешь его как следует –

не сможешь ни создать плетение, ни удержать его. – Он уронил камень на сцену, придав веса своим словам. – Нам требуется сильный ум.

Я облизал губы. Вопросов было множество, однако получится ли вытянуть из Маграба ответы? Он знал, что я нетерпелив, и все же мне удалось доказать, что слушать я умею и готов посвятить себя изучению мастерства.

– Что такое грани восприятия?

Покачивая головой, Маграб тяжело вздохнул:

– Ты забегаешь вперед, Ари. Начинать надо с Атир – столпа веры. Атир – уверенность в том, что образ, который ты пытаешься удержать в голове, реален. Без него ничего не сделаешь. С тем же успехом можно приказывать собаке стать кошкой и ждать, что она повинуется. Надеюсь, тебе будет сопутствовать удача. Вот над созданием Атир мы сегодня и поработаем.

Маграб предложил не совсем то, чего я ожидал, однако это был большой шаг вперед. Мой разум даже во время сна представлял собой два черных зеркала, в которых отражалась пара камней. Справляя нужду, переодеваясь, совершая вечерний туалет, я думал о двух булыжниках. Так продолжалось несколько недель подряд. Камни, камни, чертовы камни!

Запросто можно в обморок грохнуться.

Видимо, Маграб читал мои мысли, потому что вытащил из складок хламиды чайную свечку.

– Принес для тебя. Сегодня будем знакомиться с огнем, учиться удерживать в уме его зрительный образ. Если получится – значит, ты способен сворачивать материю разума. Изучи историю огня. Освоишь ее – сможешь постигнуть и истории иных явлений нашего мира.

Судя по тону Маграба, новый этап обучения был чрезвычайно важен, хотя подробных объяснений я в тот раз от него не дождался.

– Любая сущность имеет свою историю, – согласился я.

На том стоял мой мир, и я твердо верил: постигнешь историю человека или явления – поймешь о нем и все остальное. Проще сказать, чем сделать, и тем не менее...

– И каждая из них стоит того, чтобы ее познать.

Маграб кивнул:

– Верно. Подобное знание создаст в тебе основу веры в свою способность воздействовать на все, что станет целью твоего плетения. Кстати, не каждый плетущий со мной согласится, но я – сторонник силы, которую дает история, Ари. Именно поэтому я здесь.

Похоже, намекает на тайную легенду – они обсуждали ее с глазу на глаз с Халимом. Я не знал о ней ровным счетом ничего.

Существуют разные виды голода, кроме желания поесть. Например, я всегда был голоден до историй и до магии, хотя и то и другое может подвергнуть тебя опасности.

– Так что там за история? – Я сделал все, чтобы произвести на Маграба впечатление щенка, ждущего подачки. Об искусстве лицедейства мне было известно не так много, однако, когда требовалось играть, я делал это неплохо, потому скорчил жалостливую гримасу.

– О, прекрати, Ари, – закатил глаза учитель.

Поставив свечку на пол, он зажал фитилек между пальцами. Его губы зашевелились, и хотя мы сидели почти бок о бок, я не расслышал ни слова. Маграб быстро потер фитиль, словно пытался добыть огонь первобытным способом. Искра и вправду вспыхнула, и учитель отдернул руку. Маленький язычок пламени заколебался, клонясь то в одну сторону, то в другую, будто не мог решить, какое направление выбрать.

– Теперь смотри на него до тех пор, пока в сознании не останется сплошная темнота с огоньком посередине. – Маграб поднял руку, предупреждая мой вопрос. – Картинка в твоём мозгу должна застыть так, чтобы огонек не плавал.

Я глянул на свечу:

– И какой в том смысл? Ведь на самом деле он движется.

– Верно, – улыбнулся Маграб. – Однако твоя задача заключается в том, чтобы представить себе не реальную картинку, а то, что я тебе велю. Плетущий управляет образом, который держит в голове. Если желаешь обрести способность менять мир – научись придавать в уме нужную форму хотя бы вот этому огоньку. – Наклонившись, он постучал пальцем по моей голове.

Я уставился на язычок пламени, танцующий, словно травинка на ветру, однако уловить четкого ритма его движений не сумел. Двигался огонек, будто подчиняясь капризу.

Маграб поднялся и отошел в сторону.

– Ты куда? – всполошился я.

– Пойду поговорю с Халимом. Об историях.

Я едва не дернулся за ним, но остался на месте, выбирая из двух вариантов. Либо сижу и выполняю задание, что позволит мне развить свой ум и сделать шаг на пути к искусству плетения, либо пристаю к Маграбу с вопросами насчет таинственной истории.

Все равно что выбрать между водой и воздухом. Опытный человек скажет: недостаток воздуха погубит тебя быстрее, чем жажда; только это ерунда. Время убивает нас так или иначе, и вопрос не в том, насколько быстро, а в том, что тебе нужно для жизни именно сейчас. Мне требовались истории и та магия, которой они пропитаны, однако в итоге я решил, что плетения для меня на первом месте. О чем Маграб говорил с Халимом, выпытаю после. Уж как-нибудь.

Я устроился удобнее и смотрел на свечу до тех пор, пока ее огонек не запылал в моей голове. Устав, закрыл глаза. Неподвижный и яркий язычок никуда не делся, и я удерживал его в сознании твердо, как раньше – надоевшие до смерти камни. Ни на что не отвлекался, поэтому пламя не плясало и не гасло.

Настоящий огонь себя так не ведет, и усилие отозвалось в самой середине черепа, затем боль сместилась ко лбу. Вскоре у меня появилось ощущение, что голову изо всех сил сжимает десяток крепких рук, пытаясь ее раздавить. Боль росла, а вместе с ней – искушение все бросить. Хотелось спать, но я отогнал дрему и удвоил старания.

На верхнюю губу упала капелька влаги, и я почувствовал вкус меди и соли. Невольно распахнув глаза, дернулся и отпустил мысленный образ.

Из носа выкатилась струйка крови. Голова гудела так, словно меня пнули ногой в висок, и все же мной овладела эйфория.

Тот, кто знает, какое испытываешь наслаждение, заваливаясь в постель после тяжелого трудового дня, меня поймет. Я словно несколько дней подряд таскал кирпичи на стройке.

Неожиданно до меня дошло, что мой разум окреп – во всяком случае, его область, которую я мог контролировать, расширилась. Если Маграб не лукавил, то должна была усииться и способность управлять этим пространством.

Я с трудом совладал с желанием откинуться на спину. Горящий огонек вновь приковал к себе мое внимание, и я забыл обо всем, кроме свечи.

Впрочем, голова ныть не перестала, а теперь заболели еще и глаза. Картинка начала сопротивляться, хотя я потратил уйму времени, чтобы заставить ее замереть. Огонек возобновил пляску, повинаясь только ему понятному ритму, – то качался, то подпрыгивал. Вырос, затем уменьшился до крохотной искорки и вновь вернулся к прежним размерам. Я словно наблюдал за живым существом, не желающим, чтобы его свободу ограничивали. Огонь боролся, стремился вырасти и вырваться наружу; его удерживала лишь свечка с фитилем да жестяная банка.

– Как успехи?

Я резко выпрямился. Грудь вдруг пронзило ледяной иглой, дыхание пресеклось. Посчитав до десяти, мне удалось умерить сердцебиение и очистить усталый мозг.

Маграб, держа в руке деревянную чашу, поднялся на сцену. Поставив ее на пол, он положил сверху тонкую, свернутую вдвое лепешку и указал на пищу:

– Наверное, ты хочешь перекусить?

Что там в чаше? Непривлекательная коричневая взвесь, плавающая в жидкости такого же цвета...

– Терпеть не могу чечевицу, – надулся я.

Схватив лепешку, Маграб взмахнул ею в воздухе:

– С хлебом пойдет все что угодно, Ари. С хлебом и... маслом, – добавил он после театральной паузы.

Я уставился на лепешку, по-местному – тори. Как сияет ее аппетитная мякоть... Моя рука словно зажила собственной жизнью. Поднялась, выхватила у Маграба тори и оторвала кусочек. Я тут же сложил его в виде лопатки и погрузил ее в похлебку. После первой ложки появилось ощущение сытной еды, а после второй я почувствовал аромат, который придавали похлебке специи.

Можно сколько угодно ненавидеть чечевицу – например, если тебя ею кормят каждый день, – однако голод она утоляет. Я ел как заведенный, и наконец Маграб положил руку мне на плечо.

– Полегче, мальчик. Подавишься. Торопиться не следует ни в плетениях, ни в еде. – Он кивнул сам себе и повторил: – Как успехи?

– У меня получается, – не переставая жевать, невнятно ответил я и указал на кровавый след над верхней губой. – Было больно, но я сумел удержать огонек и заставил его замереть.

Изогнув брови, Маграб изучил мое лицо.

– Правда? Хм... Неужели с первого раза?

Я кивнул, и моя ложка перестала погружаться в тарелку с прежней скоростью.

– Впечатляет, – почесал подбородок учитель. – Я в свое время справился далеко не сразу. У тебя дар, Ари.

Я просиял от его похвалы, хотя и сознавал, что ничего особенного пока не совершил. Похоже, своими первыми успехами я был обязан в основном тому, что рос при театре, под крылышком Халима. Не перечать, сколько историй мне удалось услышать и запомнить во всех подробностях. Свободное время выдавалось по вечерам. Лежа в кровати, я мечтал и повторял то, что узнал за день. Ничего удивительного, что у меня развилось умение мыслить образно и удерживать в голове разнообразные картинки. Упражнения Маграба стали лишь следующим этапом на этом пути.

– Что чувствовал? – испытующе взглянул на меня учитель, явно совершая в уме какие-то подсчеты.

– Ну, как будто мою голову до отказа наполнили воздухом. Еще немного, и черепушка лопнула бы. А сверху на меня словно опустили огромную каменную плиту. Я ведь знал, что огонь движется, и боролся с ним, заставлял замереть. Боролся с двумя живыми существами: с собой и со своим представлением о том, как на самом деле ведет себя огонь.

Маграб что-то тихонько пробормотал себе под нос. Открыл рот, вздохнул и снова закрыл. Нахмурился, помолчал, и наконец его лицо разгладилось:

– Так и есть. Огонь и вправду живой. Никогда об этом не забывай. Я впечатлен тем, что ты делал со своим разумом, но нельзя забывать об осторожности, Ари.

Я округлил глаза, готовясь запротестовать, однако Маграб не дал мне сказать ни слова:

– Позволь закончить. – Он почесал лоб и прищурился, словно ушел в свои мысли. – В нашем мире немало сущностей, которые можно связать плетением. Чем лучше ты понимаешь их природу, тем проще будет действовать. Помни: произнося формулу плетения, ты обязан безусловно верить, что можешь навязать сущностям свою волю. Ничего здесь нельзя делать наполовину. Вера и воля должны быть совершенны и тверды, как сталь из Эразмуса. Выполняя плетение с участием огня, ты должен его понимать, ибо вполне можешь столкнуться с его сопротивлением. Огонь – живая, голодная и дикая субстанция. У него есть собственная воля,

и ее следует уважать. Если ты его удержал – значит, сумел навязать ему свою волю. В то же время неподвижность противоречит его природе – огонь привык двигаться, расти, есть. Тот, кто забывает об уважении к его естеству во время плетения, подвергает опасности свои грани восприятия. Так и теряют контроль.

Я осмысливал речь Маграба, забыв, что зачерпнул полную ложку похлебки. Учитель выразился ясно: выполняя плетение, следует сдерживать свой разум. Ты должен быть бесстрастен и сосредоточен на том, что желаешь себе представить, а порой еще нужно понимать ту сущность, с которой взаимодействуешь, учитывать ее волю. Тут требуется бездна мастерства. Не зная, какого ответа ждет Маграб, я кивнул.

– Очень хорошо. – Он махнул рукой, показывая, что я могу доест. – Знаю, ты готов начать хоть сегодня. И все же поверь: я пытаюсь учить тебя так, чтобы ты не устроил грандиозного пожара. Если не будешь осторожен, то спалишь себя изнутри, клянусь выменем господним!

Его последняя фраза заставила меня крепко задуматься. Значит, можно поджарить себя неосторожным плетением? Предостережение учителя меня отрезвило.

– Мы работаем с древними могущественными сущностями, созданными великим Брамом, Ари.

Я встrepенулcя. Что это за история?

– Расскажешь? – вырвалось у меня.

Маграб улыбнулся и задумчиво поскреб голову:

– Почему бы и нет? Но учти, я не сказитель. Скорее подобные способности есть у тебя. И все же... постараюсь. Только дам тебе одно задание, чтобы ты не забыл мой рассказ к завтрашнему утру.

О чем он? Подробностей я не дождался.

– Итак, когда Брам приступил к сотворению мира, ему пришлось использовать формулы плетения. Сам-то он об этом, конечно, не подозревал – умение создавать плетения было частью его естества. Увидев, что творят созданные им люди, он решил научить их своему искусству. Мы воспринимали его учение не так легко, как Шаен. Говорят, те знали формулы, позволяющие сделать создаваемые ими плетения невидимыми для всех, кроме Ситров. Скрытые плетения. Дорого бы я дал, чтобы перенять их опыт...

Глаза Маграба вспыхнули, словно огонек на нашей свечке.

Я не стал ничего говорить о его способностях сказителя. Зашел он вскользь, да еще не с той стороны. Что ж, не каждый умеет рассказывать так, как я.

Юности свойственна самоуверенность, однако жизнь расставляет все по своим местам, пусть из этого закона и бывают исключения.

– Когда Брам стало ясно, что почти никто из людей не обладает даром создавать известные ему плетения, он решил идти иным путем. Научил нас мечтать и мыслить образно. Затем показал, как переносить мысли в реальность. Объяснил, как связаны между собой солнце и луна, тогда люди начали понимать суть одного из его плетений. Видишь ли, они ведь действительно навечно вместе. Луна – старшее из творений Брама; она не знает преград на своем пути. Солнце Брам создал уже после и подчинил его воле луны, скрепив их особым плетением: любое из светил не могло навсегда исчезнуть с небосклона. В то же время они обречены вечно сменять друг друга.

Ничего себе плетение, если им можно связать два огромных небесных тела! Я понял, что это значит, и получил представление об одной из формул. Во всяком случае, так мне тогда казалось.

– Выходит, можно связать между собой две сущности?

– В каком-то смысле, – кивнул Маграб, указав на свечу и пламя. – Сосредоточься на огне и продолжай упражнение, а я буду рассказывать дальше. Только теперь попробуй удержать

картинку живого пламени. Пусть его мысленный образ колеблется как в реальности. Глаза твои будут закрыты, но огонь у тебя в уме должен совершать точно такие же движения, как на свече.

От неожиданности я подавился. Попытался проглотить кусок – ничего не вышло. Попробовал выплюнуть – тоже тщетно.

* * *

– Обычно в подобных случаях выручает настойчивость, Ари.

Я вздрогнул и уставился на Элойн. Та с улыбкой смотрела на меня. Остроумие я ценю, как и любой нормальный человек, однако не посередине же рассказа! Не сводя взгляда с певички, я продолжил.

* * *

Вскочив на ноги, Маграб дважды ударил меня по спине. Непрожеванный кусок выскочил наружу, и я, откашлявшись, быстро утерся.

– Кажется, я тебе уже говорил о терпении?

Слава богу, у Маграба хватило такта меня не унижать.

– Да, да, но могу ли я догадаться, в которую сторону колыхнется пламя, если у меня закрыты глаза?

– Верно говоришь, – усмехнулся учитель. – Вот тут и должна действовать сила.

Должна... Не «будет», а именно «должна». Похоже, Маграб не уверен в моих способностях.

Я вырос отверженным и презируемым из-за касты, к которой принадлежал, и, вопреки общему мнению, рано научился добиваться своего. Ненавидел людей, считающих, что я сдамся, раз жизненные обстоятельства выше меня.

Я не родился ни хитрым, ни сообразительным. Сама жизнь заставила меня воспитать в себе эти качества, иначе как выживать? Я не был самым умным мальчиком в округе, но развил ум. Поэтому, улыбаясь Маграбу, принял решение: докажу ему, что могу стать плетущим!

Ему – и всему миру.

Конечно, я не знал наверняка, что преуспею. Хотел – да. Однако порой желания и настойчивости бывает достаточно.

– Вот здесь и пригодится твоя способность к сказительству, Ари. Хороший сказитель всегда умеет не только говорить, но и слушать. Во всяком случае, так считает Халим.

С этим не поспоришь...

– Следи за огнем. Слушай его. Когда будешь готов, поймешь, что, закрыв глаза, ты продолжаешь его слышать, а значит – и видеть. Не рассчитываю, что ты справишься с задачей за раз. Я потратил месяцы, прежде чем приблизился к способности предсказывать, как поведет себя язычок пламени. И приблизился неплохо: не могу сказать, что изучил историю огня от и до, но связывать его плетением научился.

Я подчинился, вернувшись к наблюдению за свечой. Месяцы? Да я освою этот прием за несколько дней! Мой пристальный взгляд мог расплавить воск.

Маграб возобновил свой рассказ о Бrame:

– Брам показал человечеству, как действуют законы мироздания. Объяснил, что каждая сущность в мире связана особым плетением. Предмет, который взлетает в небо, обязательно упадет вниз. Со временем упадет все что угодно – будь то камень или уставшая птица. То есть любая сущность, которой не место в небе, рано или поздно окажется на земле.

Я не мог сказать, что это такое уж тайное знание, однако предпочел держать язык за зубами. Обычно Маграб подбирался к сути вопроса постепенно – весь вопрос в том, когда и как.

– Едва люди усвоили урок, Брам показал, каким образом действует одно из плетений. – Маграб направил один палец в потолок, другим ткнул в пол. – Что видишь?

Я сделал лицо кирпичом:

– Свечу и пламя.

Шлеп!

Удар по руке не причинил мне особой боли, однако урок я запомнил.

– Иногда умных засранцев хвалят. А порой они зарабатывают затрещины, Ари.

Я прикусил язык, сдержав вертевшуюся на нем остроту, способную рассмешить лишь моего сверстника. Обычно за словом в карман я не лез, но на ходу учился сдержанности.

– Попробуем еще раз. Что ты видишь?

Пришлось дать напрашивающийся ответ – все равно непонятно, на что намекает Маграб.

– Один твой палец указывает на крышу, а второй – на пол.

Учитель оторвал палец от поверхности сцены и взмахнул рукой.

– И да, и нет. На самом деле ты видишь две точки окружающего нас мира. Одна находится наверху, вторая – внизу. Как думаешь, смогу я связать плетением верх с низом? Ну, или, по крайней мере, две конкретные точки?

Мои мысли заматались так, что ни одну из них я не успел толком ухватить за хвост:

– Ты можешь обрушить крышу театра? Ведь ты пытался это сделать, когда здесь был Коли... В тот момент все здание содрогнулось. Ты хотел уронить пару балок ему на голову?

Плотоядная ухмылка Маграба сделала бы честь царю зверей:

– В каком-то смысле. Впрочем, разнести здание театра я точно не стремился.

– Потому что тогда тебе не досталась бы история Халима.

– Потому что я и сам стоял под этой крышей. Тяжеловато разжиться историей, не говоря уж обо всем остальном, если тебя расплющит в лепешку.

Я вдруг заметил, как рука Маграба незаметно подбирается к миске с остатками чечевицы и хлеба. Голодный мальчик может быть сколько угодно сосредоточен на свече, однако помимо нее видит многое. Например, вора, пытающегося украсть его еду. Недолго думая, я шлепнул Маграба по запястью. Кстати, глаз от свечи не отвел.

– *Вала муна! Дарита сатва!* – Маграб отпрянул и затряс рукой.

Что это он произнес? Никак, проклятье?

– Что ты сказал?

Учитель продолжал потирать кисть, хотя шлепок был отнюдь не болезненным.

– Хм... Выражения из Ашрама. Там ходили слухи об одном тайном месте. Вроде бы путь к нему преграждала невидимая стена, и за ней явно что-то было, но... – Он замолчал и поднял палец, едва не заставив меня оторваться от созерцания пламени. – ...как пробраться за стену, не знал никто. Ее защищало плетение, распустить которое не мог ни один из тех, кто учился в Ашраме. Пытались составить обратную формулу – ничего не вышло.

Ага, стало быть, распустить чужое плетение все же можно. Или, например, придумать обратную формулу. Нечто подобное я уже слышал в разных сказаниях, повествующих о великих магических битвах с применением бушующих стихий. В ходе таких сражений вставала на дыбы земля и рушились скалы.

– Что там, за стеной? – Я едва не оторвал взгляд от свечки и сразу вновь сосредоточился.

– Не знаю, Ари. Говорю же, за нее так никому заглянуть и не удалось. Да и риши запретили пытаться. Уж очень это было рискованно. Представь себе самонадеянных учеников: не ровен час, кто-нибудь обрушил бы своды нашей пещеры себе и другим на головы. Ходили слухи об одном дурачке, который пытался растопить стену. В итоге сгорел сам и сжег друзей.

Мало того, своими плетениями он едва не высосал весь воздух из Ашрама. – Прикрыв глаза рукой, Маграб вздрогнул. – Так вот, каждый ученик, безуспешно пробовавший разрушить то плетение, рано или поздно произносил данное проклятие. *Дьявольское плетение...* – Он со вздохом покачал головой. – Кто знает, может, в один прекрасный день это удастся тебе? Так или иначе, сейчас не время предаваться воспоминаниям о древней магии и утерянных формулах. – Маграб устало улыбнулся.

Мог ли я забыть его слова? Впереди маячили великие свершения. Кстати, хотя я тогда ни о чем и не подозревал, у Маграба были причины рассказать эту историю.

Он щелкнул пальцами, призывая заняться делом, и я уставился на огонек, погружавший меня в транс своим ритмичным покачиванием. Маграб тем временем продолжил легенду о Бrame:

– Как только Брама удовлетворили успехи людей, освоивших начальный этап искусства плетения и познавших принципы мироздания, он перешел к следующей стадии. Научил человека многократно сворачивать материю разума, показал, как следует заглядывать в себя и определять свой Атам – пространственную оболочку, окружающую наше физическое тело. В этом отношении люди сильно ограничены. Брам же, рожденный из огня и света, не ведал никаких препятствий ни в силе, ни в понимании сути вещей; погружение в магию плетения для него было столь же естественно, как для нас – сон.

Прислушиваясь к рассказу Маграба и собственным блуждающим мыслям, я растворился в пространстве. В сознании не было ничего, кроме черной стены, и в пустоте висел одинокий огонек, на котором сосредоточилось мое внимание. Я смотрел на него, пока не отключился от реальности. Слова Маграба превратились в отголоски далекого сна.

Наконец я и вправду уснул, но в забытьи продолжал думать о свече и пламени.

15

Грани восприятия

Прошло несколько недель обучения, и вскоре я наострился часами удерживать в сознании безупречный огонек свечи, плавающий на черном фоне. С таким же успехом во мне мог жить и настоящий огонь. Оранжевый язычок колебался, словно живой, и я был способен предсказать, как он себя поведет в следующий миг.

Будет преувеличением говорить, что я его постиг, однако для столь юного ученика от полного понимания находился в опасной близости.

Халим и Маграб проводили вместе все больше времени, хотя разговаривали всегда за дверями комнаты хозяина театра. Я несколько раз пытался их подслушать, только то и дело попадался на глаза кому-нибудь из лицедеев. Меня шугали, но Халиму не докладывали.

Таким образом, наказаний и занудных нотаций я избежал, а вот мое самолюбие пострадало здорово. Любой самоуверенный мальчишка расстроится из-за того, что шпион из него получается никудышный.

Тогда я решил тратить все свободное время на осмысление каждого слова Маграба о плетениях. Пытался разобраться самостоятельно.

Как-то раз в трюм заглянул один из лицедеев. Я практиковался со свечой, когда меня встряхнули за плечи с такой силой, что я вышел из транса и едва не выругался. Хорошо, сумел вовремя себя остановить, увидев, кто пожаловал.

Витуму только-только исполнилось двадцать. Худощавый жилистый парень телосложением походил на танцора или последователя духовных практик, но уж никак не на фехтовальщика. Оттенок его глаз напоминал мне воду в стоячей луже – холодную и тускло-серую, а зрачки как будто скрывала вечная пелена тумана. Один из лицедеев обронил, что в глаза Витуму плюнула змея, после чего тот едва не ослеп. Зрение в итоге сохранилось, а вот цвет радужки померк навсегда.

Я не знал, стоит ли верить подобным сказкам, однако если присмотреться – то поверишь и не в такое.

Я молча ждал, гадая, чего от меня хочет наш постановщик батальных сцен. Витум всегда был добр, хотя держался наособицу – знай работал да вострил свои клинки. По-моему, больше ни на что он время и не тратил. При разговорах всегда был точен и говорил только по делу.

– Ари-ча, ты ведь не хочешь, чтобы Махам застал тебя здесь во сне? – В голосе Витума звучали нотки заботы о бедном мальчишке, хотя холодные глаза и неподвижное лицо невольно заставляли сомневаться в его искренности. – Я пришел за тобой.

Я медленно выдохнул и откашлялся:

– Кто меня зовет?

Витум улыбнулся, и его белоснежные зубы сверкнули на фоне смуглого лица. Проведи он весь день на солнце, загар к цвету его кожи не добавил бы ни грамма.

– Я тебя зову, Ари-ча. Халим теперь прислушивается к твоему новому приятелю, *ятху*, который держит огонь в ладонях. Не знаю, что он там нашептал, но Халим вбил себе в голову, что твое место – на подмостках. Еще твердит – театру нужна помощь. – Он нахмурился. – Деньги – зло, Ари-ча.

Я подскочил на месте и, задыхаясь от волнения, засыпал фехтовальщика вопросами:

– Серьезно? А кого я буду играть? Когда? Почему именно сегодня? Маграб рассказал Халиму, что у меня есть талант? Я ведь сыграл перед ним несколько сценок! Прямо здесь, в трюме. Знаешь, один отрывок про Ядира, и...

– Ой-ой-ой, Ари-ча! – Останавливая мое словоизвержение, Витум поднял руку, положил ее мне на грудь и дважды хлопнул по тому месту, где находится сердце. Потом похлопал и себя тоже. – Ого, тум-тум-тум! – Он покусал губы, вновь нахмурился и добавил: – Слишком много... э-э-э... *уурх* – вредно, Ари. Как будет *уурх* на языке торговцев?

Язык торговцев был универсальным наречием, которым пользовались на Золотом Пути, проходившем через все крупные страны. Этой дорогой обычно шли торговые караваны со всяким добром. Империя Мутри находилась в самом его центре. Именно отсюда уходила львиная доля товаров – от пряностей до драгоценных металлов, – потому язык торговцев здесь и прижился довольно быстро, во всяком случае, среди тех, кто был обучен грамоте. Все остальные пользовались древним наречием брамти. Специально изучали его богатеи, представители высших каст и убежденные сторонники классических языков.

– Волнение? Возбуждение?

Вроде бы подходило и то и другое.

Витум изобразил презрительный плевок:

– Грубый язык! Ужасно звучит! – Он пожевал губами, проговаривая оба слова. – Ну да. Сердце должно биться ровно. – Погладив висящий на поясе изогнутый деревянный меч, Витум снова хлопнул меня по груди и пояснил: – Представь себе воду. Она спокойна, но всегда готова перейти в другое состояние. – Он ударил кулаком в открытую ладонь.

Я сделал несколько размеренных вдохов и сказал:

– Да, Витум. Однако... что все-таки происходит? Чего точно хочет от меня Халим?

– Приказал, чтобы ты со мной... э-э-э... *дакха*, Ари-ча.

Дакха... Бандиты, кочующие по диким территориям вокруг Золотого Пути. Кого там только не было: воинственные всадники, головорезы, мародеры, наемные убийцы... Каждый мальчишка в детстве мечтал примкнуть к их когорте или, на худой конец, встать в ряды блюстителей Правосудия, ловивших бандитов.

– Будем тебя тренировать. Потом покажем Махаму, почем фунт лиха. Он ведь заслужил взбучку, а? – Ухмыляясь во весь рот, Витум несколько раз шлепнул себя по заднице с воодушевлением, которое я вполне разделял. – Пошли!

– А кто же будет управляться с этим хозяйством? – Я вскочил с пола и обвел рукой разнообразные механизмы.

– У Халима сейчас нет ни пьес, ни историй, – отмахнулся Витум.

– Что, ни одной?

– Коли посадил его на голодный паек, – покачал головой фехтовальщик. – Так что пока учеба, репетиции... и никаких представлений. – Он нахмурился и плюнул на пол. На пол моего трюма...

Я взглянул на него с безмолвным упреком. Может, здесь и грязная нора, однако я тут жил, работал и спал. Скорее Брам начнет испражняться огнем, чем я позволю сорить в том месте, где ем и сплю.

Витум виновато на меня покосился и пробормотал:

– Извини, Ари-ча. Знаешь, сердце Коли испорчено. Он – не человек. Что-то иное... Его матери следовало убить тварь еще в утробе.

Я не совсем понял, о чем пытался сказать Витум, но ненависть его разделял. Если в человеке есть что-то нехорошее – ощущаешь это шестым чувством.

– Ну ладно, побежали!

Теперь послеобеденные часы я проводил с Витумом, изучая технику владения мечом. Когда-то слышал, что мой наставник охранял торговые караваны и вроде бы там обучился своему искусству. Кто-то говорил, что Витум одно время состоял в армии Абхара и даже дослужился до офицерского чина, а потом переспал с женой слишком могущественного человека.

Я не верил ни в одну из этих историй, хотя, с другой стороны, это обычное прошлое для парня из касты Оскверненных.

Абхар – не то место, где царит справедливость, и мне еще предстояло узнать об этом лично.

* * *

Мои легкие превратились в мятые тряпки, вывешенные для сушки на палящее солнце. Мало того – их еще и выжали. Внутри все болело. Пришлось выбирать – либо упрямо держать позицию, либо сесть и отдышаться. Я остановился на промежуточном решении: сесть не сел, зато повис на бочке с водой.

– Ай-ай-ай, Ари! Слишком быстро устаешь, – пощелкал языком Витум.

Он стоял передо мной без рубахи, и его кожа, обтягивающая длинные эластичные мышцы, блестела от пота.

Слишком быстро? Я уже со счета сбился, сколько чертовых часов мы занимаемся. Лучше бы не вспоминал – стало еще тяжелее. Зачерпнув полную пригоршню воды, я плеснул ее себе в лицо, на грудь – и на мгновение ощутил прохладу. Но лишь на мгновение... Ладно, уже что-то. Я напился и пробормотал:

– Ох, похоже, на сегодня хватит, а?

Фехтовальщик нахмурился и скомканной рубахой вытер пот с мускулистого живота.

– Практики с мечом никогда не бывает слишком много, Ари-ча. Никогда.

Впрочем, тему он развивать не стал и, уважительно кивнув, оставил меня в покое. Уже отвернувшись, Витум вдруг задвигался со змеиной грацией. Его деревянный клинок расплылся в воздухе, и я, наблюдая за ним, едва не впал в состояние транса – в точности как при упражнении со свечой.

Через некоторое время я отдышался и только тогда понял, насколько устал, однако жизнь, независимо от моего состояния, шла своим чередом. Не успел я расслабиться на прохладной каменной плите, как в трюм заглянул Маграб и ткнул меня моим же самодельным мечом:

– Послеобеденный сон, а?

Я приподнялся на локтях, но встать не стал:

– Вовсе нет.

– О! – с насмешливым удивлением воскликнул наставник. – Так, значит, ты погрузился в глубокий транс? Осмысливаешь наши уроки, повторяешь усвоенное? Или нашел собственный способ свернуть разум и потерялся в его гранях? Нет, должно быть, мой Ари обнаружил утерянное плетение и теперь тайком его репетирует. А учителю ничего не сказал... Ах, бедный Маграб...

– Хорошо, хорошо. – Я поднял руки вверх, умоляя его остановиться. – Да, я отдыхал. С этим Витумом вымотался сильнее, чем Атвун, когда отбивался от проклятых Сура.

Лицо Маграба вдруг окаменело. Честное слово, в плите под моей задницей и то больше человеческих чувств, чем на физиономии наставника.

– Что тебе известно об Атвуне, Ари? Что ты знаешь о Сура?

– То же самое, что и всем, – пожал плечами я. – Халим мне кое-что рассказывал, но в подробности не вдавался. Сура – демоны, Атвун вроде бы с ними бился. Кажется, их создал Сайтан, чтобы отомстить Брамe за то, что тот сотворил людей. Сура напоминают Азир, только они – темная сторона. Атвун в итоге победил.

– Точно? – по-прежнему холодно спросил Маграб.

Я ни капли не преувеличил, когда рассказывал, как утомил меня Витум, так что игра в вопросы-ответы мне бодрости не добавила. Я сердито уставился на Маграба:

– Разве нет?

Если мой взгляд и смутил наставника, он ничем этого не показал.

– Спорный вопрос, однако я здесь не для того, чтобы его обсуждать. Поднимайся.

Удивленный его тоном, я вскочил на ноги, словно меня хлестнули плетью из колючих побегов ежевики.

– Итак, ты устал?

Я решил, что чем меньше буду говорить, тем лучше, и ограничился кивком. Только бы язык не подвел.

– Прекрасно. Тогда сейчас лучшее время, чтобы попрактиковать создание граней восприятия.

Усталость словно рукой сняло. Нет, тело продолжало ныть, желудок, требуя еды, прилип к спине, однако я воспрянул духом:

– Покажешь, как они действуют?

Я попытался выдержать бесстрастный тон, однако утомление не позволило сыграть как следует.

– Да, – наконец смягчившись, ответил Маграб и, дернув подбородком, указал на плиту, с которой я поднялся: – Присядь.

Я насупился. Похоже, он заставил меня встать только для того, чтобы удостовериться, способен ли еще ученик подчиняться приказам. А впрочем, плевать. Грани восприятия... Я сел.

Маграб кинул на пол кожаную сумку, порывшись в ней и вытащил свернутый в трубочку лист пергамента. Расстелил его на камне и достал бутылочку с чернилами. Открыв ее, осторожно наклонил над пергаментом и уронил на него маленькую черную каплю, затем закупорил флакон и убрал в сумку.

– Что видишь?

Я ответил.

– Верно. Пергамент и чернила. Пока все не так сложно, да?

Я кивнул.

– Такому способному мальчику, как ты, не составит труда удержать в уме этот образ.

Я вновь согласился.

– Прекрасно. Что же дальше?

Он свернул лист пополам, и клякса пропала. Прошло несколько секунд; капля чернил просочилась на вторую половину пергамента. Маграб развернул листок и показал два свежих чернильных пятна:

– Сможешь удержать в уме образы двух пятен, если мысленно разделишь свой мозг на две части?

Детская забава... Я мотнул головой.

Маграб торжественно воздел палец вверх и снова сложил пергамент, только на этот раз иначе. Через пару секунд я смотрел уже на четыре кляксы. Не дав мне опомниться, наставник снова свернул лист, а потом еще раз. Двенадцать пятен... Так можно продолжать до бесконечности.

– А теперь, Ари?

Я уставился на кляксы. Казалось бы, очень просто... Всего лишь капля чернил, однако как создать точную картинку чертовой уймы отпечатков? У меня заболела голова.

– Что ты хочешь сказать?

– Вот так, Ари, мы и работаем с плетениями. Сложенный лист пергамента – основа основ. Считаю, что перед тобой грани восприятия. Однако создать в уме идеальный образ – это еще не все. Недостаточно иметь понимание природы сущности, как в случае с огнем. Плетущий должен обладать способностью многократно воспроизвести в уме один и тот же объект. Чем меньше граней восприятия тебе удастся задействовать, тем сложнее будет создать плетение.

Грани восприятия – нечто большее, чем внимание и сосредоточенность. Грани – это отражение твоей веры. Ты обязан верить в возможность конкретного плетения, и ничто не должно поколебать твою убежденность. Ничто!

Последнее слово упало, словно капля свинца. Казалось, сам воздух в трюме стусился после речи Маграба.

– Вот эта уверенность и есть Атир. Вера плетущего – краеугольный камень магии. Чем больше раз тебе удастся сложить разум, тем меньше сомнений в том, что ты навяжешь свою волю окружающему миру. Чем больше граней восприятия, удерживающих форму сущности, тем грандиознее плетение, тем шире возможности. Для того чтобы уметь использовать хотя бы одну формулу, плетущий среднего уровня должен удерживать четыре грани.

– Звучит вполне реально.

Маграб обжег меня сердитым взглядом и покачал палкой:

– На протяжении всего дня, Ари.

Его слова прозвучали отрезвляюще, и я уже открыл было рот для нового вопроса, однако шестое чувство заставило меня взмахнуть рукой. Мои пальцы сомкнулись на палке, которой Маграб попытался нанести мне удар, и ладонь обожгло огнем. Все же уроки Витума не прошли даром. Я улыбнулся, удерживая самодельный меч, и боль уступила место удовлетворению.

Маграб тоже ухмыльнулся:

– Твое тело учится. Не следует забывать и про ум. – Он ткнул палочкой в лист пергамента. – Я хочу, чтобы ты удержал образы этих клякс в голове.

Усталость вернулась, и я вздохнул. Доказывать, что мне требуется отдых? Нет смысла.

– Четыре кляксы? – Я скрестил ноги и, чуть наклонившись вперед, уселся перед пергаментом.

– Не четыре, а все, Ари.

Из меня словно вышибло дух. Пожалуй, сегодня вечером мне и фокус со свечкой не удался бы.

– Что? Ты ведь говорил, плетущий должен удерживать четыре образа?

– Говорил. Но... разве ты не желаешь стать настоящим мастером плетения? Какой же тогда смысл отправлять тебя в Ашрам? Хочешь освоить одну-единственную формулу? – Маграб потянул себя за рукав хламиды, на плече которого висели три связанных в кольца разноцветных шнура. – Я не намерен попусту тратить время, если ты собираешься стать плетущим среднего уровня, Ари. Когда-нибудь, если интуиция меня не подводит, ты овладеешь всеми десятью формулами.

Десятью формулами... Этак я стану героем легенд наравне с Брамом, Атвуном и другими известными миру героями. Я всегда был мечтателем и сейчас воспрянул духом. Если поставлю перед собой подобную цель – наверняка попаду в знаменитый Ашрам и забуду о местах, где тебя судят по принадлежности к касте или ремеслу. Там меня будут ценить за живость ума и искреннее рвение, с которым я обычно берусь за дело. Передо мной откроется сказочный мир...

Я перевел взгляд на кусок пергамента. Больше двадцати сгибов... Двадцать клякс – каждую нужно запечатлеть по отдельности и так ясно, словно у меня двадцать голов. Запечатлеть и удержать. Интересно, сколько часов Маграб прикажет сидеть в подобном состоянии?

– Хорошо, – ответил я, выдохнул и закрыл глаза.

Начал с двух клякс – так же, как и с камнями. Голос Маграба звучал будто издали, а я трудился, пытаюсь образовать в мозгу четыре грани.

Лишь через несколько часов мое сознание отразило двадцать клякс. Врать не буду – удержать их не удалось. Чувство голода победило, усталость дала о себе знать, и я рухнул на пол.

На верхнюю губу упала уже знакомая соленая капля, и Маграб протянул мне чистую тряпку:

– Быстро вытирайся!

Его голос прозвучал неожиданно резко. Я тотчас вынырнул из навоеванного усталостью дурмана и стер с губы кровь.

Маграб, что-то бормоча себе под нос, забрал тряпицу, и она вспыхнула в его руках. Учитель швырнул пылающий кусок материи на грязный пол, где тот и догорел, выбрасывая клубы едкого черного дыма.

– Никогда не позволяй себе проливать кровь там, где ею может воспользоваться недруг. Ты меня понял, Ари?

– А что?..

– Ответь: ты меня понял?

– Да, Маграб. Клянусь! Прости, я не хотел...

Он прервал меня нетерпеливым жестом:

– Это ты меня прости. Я был слишком груб, Ари. Тебе предстоит освоить множество плетений, в том числе давно забытых... но найденных вновь. Существует плетение крови. В давние времена, когда не было Ашрама, еще до принятия законов Ядума, плетущие творили друг против друга ужасные вещи.

Маграб уставился в пол и долго не поднимал глаз. Я даже забеспокоился, как бы он не проделал там дырку.

Наконец с его губ слетел раздраженный вздох:

– Ашрам сделал для плетущих многое: например, подарил десять плетений, которые должны знать каждый. Что-то мы со временем потеряли, что-то забыли... – Похоже, Маграб разговаривал сам с собой. – В школу магии допускают не более пятидесяти человек в год, Ари. Догадываешься почему?

Я покачал головой, зная за собой способность забегать вперед, и Маграб вновь глубоко вздохнул:

– Время – опасная штука. Любой человек со временем приобретает либо положительные, либо отрицательные качества. А если человек обладает силой? Что происходит с плетущим в течение его жизни? Когда именно мы убеждаем себя в способности изменить суть вещей? Многие из нас оступаются на тернистом пути, а страдает от ошибок наш мир. Более того, мир нам за это оплатит. – На лице Маграба застыла напряженная улыбка. – Ребенок с палкой опасен для своего безоружного сверстника. Знаешь почему? – Ответа Маграб ждать не стал. – Он может выбить приятелю глаз. Или себе. Вооруженная глупость всегда страшна, Ари. Что произойдет, если ребенок подберет горящую ветку?

– Наверное, это зависит от ребенка, – неуверенно ответил я.

– Твой ответ звучит разумно, – терпеливо посмотрел на меня Маграб. – Например, не сомневаюсь, что ты ничего такого не натворил бы. Но что случится, если ты передашь пылающую палку безответственному идиоту?

– Он может устроить пожар, – моргнул я.

– А что будет, если пожар он устроит в деревне, где дома крыты соломой?

– Полностью спалит деревню. Много народа пострадает или погибнет. Самое малое – пожар уничтожит все припасы. Я тебя понял, Маграб. Плетения – забава рискованная. И цели, на которые они направлены, – тоже опасны. Откуда мне было знать? Я буду осторожен и осмотрителен. Клянусь, моя кровь не достанется никому.

Маграб положил руки мне на плечи и на несколько мгновений сжал меня в объятиях.

– Не сомневаюсь, Ари. Старикам свойственно беспокоиться, так что сильно не ругайся. Пока мы с тобой занимаемся гранями восприятия, а к плетениям еще и близко не подошли, и все же я осознаю, какому риску тебя подвергаю. Так что не суди меня строго – я переживаю.

Что ему сказать? Настроение Маграба менялось, словно весеннее море – то оно гневается, то катит мелкие волны под ласковым бризом. Наконец я кивнул, понимая, что любой ответ лишь продлит нелегкий разговор.

– Спасибо, Ари.

Маграб прикрыл глаза и, медленно выдохнув, достал из сумки книгу в кожаном переплете, накрепко перевязанную многочисленными шнурами. Так просто не откроешь. Интересно, зачем это...

Учитель осторожно ощупал обложку, как будто видел книгу первый раз, и подтолкнул ее ко мне.

Я поддел пальцем один из шнуров:

– Что в ней?

– Истории, Ари. Давно забытые нашим миром истории. Те, которые тебе не желал рассказывать Халим, а я-то их давно собираю.

Я немного помолчал, перестав ковырять обложку.

– О чем ты говоришь?

Маграб положил ладонь на книгу и побарабанил по ней пальцами:

– О том, что здесь скрыта правда и о твоём происхождении. Ну, не то чтобы прямо о тебе, но когда будешь готов ознакомиться с содержанием – поймешь, что я имел в виду.

Значит, в книге рассказывается о моей семье? О моей крови? Я бешено задергал кожаные шнуры, однако те не поддались, словно их удерживала сверхъестественная сила.

– Ее связали? – наконец сообразил я.

– А разве не видно? – закатил глаза учитель.

– Я не то имел в виду. Ты запечатал книгу плетением?

– Ах да. Молодец, что заметил, – заулыбался Маграб.

Я нахмурился, мысленно повторив его слова:

– Когда я буду готов... Ты хотел сказать – когда ты сочтешь, что мне пора прочесть эту книгу? То есть когда я наберусь опыта, чтобы распустить плетение?

– Именно, – ответил Маграб, и его глаза засияли. Похлопав меня по руке, он продолжил: – Учитывая твои темпы, это время наступит довольно скоро. Только не разочаруй, Ари. Надеюсь, что в один прекрасный день ты сможешь распустить не только это плетение.

Он поднялся и пошел к выходу.

– погоди! Мы разве закончили? Я ведь только начал заниматься гранями восприятия...

– И ты проделал отличную работу, – не оборачиваясь, бросил Маграб. – Пытайся сохранять грани в сознании до самого вечера. Если захочешь меня удивить, можешь удерживать их и во сне. Спокойной ночи!

Я остался сидеть, посматривая на пергамент и обдумывая наш разговор. К концу дня обнаружил, что могу удерживать в голове уже более двадцати граней. Задание выполнено, хотя, может, и без особого блеска.

Решив, что в состоянии обойтись без сна, я вновь свернул ткань разума. В конце концов, я был молод и нетерпелив.

16

Подслушанный разговор

Фсс... Фсс...

Деревянный меч Витума рассекал воздух, и я никак не мог сообразить, куда он нанесет удар, хотя, учитывая количество синяков на моем теле, догадаться следовало.

Плечи горели огнем, словно я повалялся на горячих углях, мышцы живота и спины тряслись мелкой дрожью. Ничего, пройдет...

– Слишком много следишь глазами, Ари-ча.

Фсс... Фсс...

Меч продолжал танец, превратившись в туманное облачко, а Витум сделал несколько скользящих шагов, которые мне пока удавалось повторять с большим трудом.

– А чем мне еще следить? Носом? Я должен унюхать, куда ты направишь клинок? – Я захлопнул рот, пожалев о секундной вспышке гнева. Разговаривать во время фехтования трудно – дыхания не хватает, и Витум тут же воспользовался моей ошибкой.

Его движения вдруг преобразились; тело уподобилось яростной волне, обрушивающейся на истерзанный штормом утес.

Я инстинктивно шагнул в сторону, выставив меч в сторону предполагаемого выпада. Два деревянных клинка сшиблись со страшным треском, и моя рука онемела до самого плеча. Удар был такой силы, что заныли зубы, однако на ногах я устоял.

Витум неуловимым движением отпрянул, не пытаясь продолжить атаку, иначе точно надрал бы мне задницу.

– Хорошо! Хорошо, Ари-ча. Глазами много не увидишь, и носом тоже, и ушами. Мы – больше, чем наше тело. – Он обвел рукой круг, в котором, похоже, что-то такое видел.

Ах да, ведь об этом и говорил Маграб. Атам...

– Ты о внешней оболочке?

– Хм... Ну-ка, нападай, – сдвинул брови Витум. – Сейчас кое-что покажу.

Я закрутил мечом, но фехтовальщик не стал делать поспешных движений и даже не наклонил корпус, чтобы встретить удар. Вместо этого он дождался, когда острие меча окажется от него на расстоянии вытянутой руки, и только тогда сделал несколько плавных текучих шагов. Мой выпад пришелся в пустоту. Однако Витум не успокоился. Развернувшись, он с силой ударил клинком почти в рукоять моего оружия, и то полетело на пол.

Удар снова отдался по всей руке, а боль сосредоточилась в запястье.

– Ух! *Кут. Нахин. Таб...*

– Откуда ты знаешь эти слова, Ари-ча? – удивленно округлил глаза Витум и хрипло усмехнулся.

Я заворчал себе под нос и сплюнул прямо на сцену. Халим пришел бы в бешенство. Хорошо, что его нет... Ладно, сам приберу.

– Не знаю. Где-то слышал, а что?

Витум покачал головой. Вроде без упрека.

– Да нет, ничего. Вернемся к оболочке. – Он снова нарисовал рукой большую окружность. – Это священный кокон, и с его помощью мы видим. Если вдруг его покинешь – хорошего не жди. – Сделав выпад, Витум выставил кончик меча далеко за пределы невидимого круга. – Ударить тебя я смогу, но смотри сюда... – указал он на свою далеко отведенную ногу, явно нарушившую равновесие всего тела. – Это плохо. Бей еще раз.

Изменив стойку, Витум жестом предложил мне атаковать, и я ткнул мечом в его сторону. Удар он отбил и, совершив плавное движение, оказался рядом со мной. Тычок открытой ладонью в висок – и я оказался на полу.

– Видишь, я двигаюсь, не теряя своей внешней оболочки, и не предпринимаю никаких действий, пока ты не очутишься в моем пространстве. Понял? Фехтовальщик чувствует свой кокон и знает, когда противник в него вторгается. Мы несем собственную оболочку с собой. Никогда ее не покидай и прислушивайся к ней.

Теперь я сообразил, что он имел в виду, и объяснения Маграба обрели новый смысл. Что фехтовальщик, что плетущий – оба чувствуют свой Атам, и, похоже, он простирается на расстояние вытянутой руки. В этом невидимом круге и находится наш дух.

Я сделал мысленную пометку. Надо будет еще раз обдумать услышанное, только следует дожидаться той минутки, когда тело не будет чувствовать себя так, словно его жестоко топтали.

Судя по всему, Витум обратил внимание на мою усталость. Впрочем, его кошачья грация и сила тоже куда-то делись, и фехтовальщик утомленно опустил плечи:

– Мы хорошо потрудились, Ари-ча. Отдохнем? *Джи-а?* – Он поманил меня за собой. – Скоро Маграб-сам захочет насладиться твоими магическими умениями.

Я не осмелился сказать, что пока еще никакой магии не обучился. Маграб продолжал требовать с меня работу над гранями восприятия, а иногда возвращался к самому первому упражнению – с камнями. Так или иначе, я тренировался и сам, повторяя опыты с горячей свечой.

Даже не могу сказать, почему именно это упражнение запало в душу. То ли сработало шестое чувство, то ли сила привычки... Возможно, меня звал огонь. Как бы там ни было, возвращаясь с тренировки, я на ходу погрузился в пустоту и зажег в голове свечу.

Колеблющиеся языки пламени влекли к себе, и мысленный образ вполне правдоподобного огонька теперь возникал в мозгу без усилий.

По коридорам я двигался легко, с ранее несвойственной мне уверенностью. Сказывались многочисленные занятия с Витумом, да и времени наверху я проводил все больше. Ступив на гладкую каменную плиту, ощутил ее прохладную поверхность и открыл глаза. Хм... Забрел в проход, ведущий к комнате Халима...

Из-за его двери доносились голоса, однако ни слова разобрать не удалось. Я подошел ближе, продолжая удерживать в голове горящую свечу и отчетливо воспринимая все, что происходило вокруг.

– ...кое-что получше, Халим.

Ага, Маграб...

– ...насколько могу. Что у меня здесь...

Голос Халима звучал спокойно, хоть и устало после очередного долгого дня, хотя чем он занимался – мне было неизвестно. В любом случае говорил он позевывая – наверное, собирался ложиться.

– Мои изыскания по Ашура...

Маграб говорил настойчиво:

– А я занимался историей Атвуна и Сура. И что с того? Пьесу можно поставить не раньше, чем она будет готова. Заручившись покровительством Коли, мы соберем большую часть нашего квартала. Зал будет заполнен каждый вечер, знай подставляй скамейки. О нас пойдет молва. Придут богатые люди. Так что я не намерен ставить сырые истории. Только идеальные представления!

Маграб вздохнул.

Я вздрогнул, осознав всю тяжесть своего проступка. Бесшумно пробрался к комнатам Халима, находясь в состоянии транса! Однако в коридоре никого не было, и я снова приник ухом к двери.

– Что у тебя есть полезного? – жадно спросил Маграб.

Хм, странный тон. Как у человека, который долго голодал и вот, наконец, ощутил запах пищи. Учитель явно жаждал знать нечто известное Халиму.

– Есть разрозненные куски их истории, и это больше, чем знает большинство. Я потратил годы, собирая записи. Покупал, выменивал. Все это отличный материал для пьесы. По каждому из Девяти у меня что-то да есть. Известны некоторые имена. История Атвуна – не то, во что нас заставляет верить церковь. Про Сура я тоже кое-что знаю. Бьюсь об заклад: тому, чем располагаю я, позавидует любой театр мира, – сказал Халим.

– Не сомневаюсь. А что, если в обмен на твое знание я поделюсь с тобой своим? Ведь из того, что известно нам обоим, можно слепить нечто цельное. Так, может, игра стоит свеч?

Маграб всячески пытался сдержать волнение, и все же я ощущал его вполне отчетливо.

Похоже, мы были связаны с учителем невидимыми нитями. Когда он говорил – нити дрожали, рассказывая мне о том напряжении, что испытывал Маграб.

Я словно стоял в комнате Халима, продолжая удерживать в мозгу горящую свечу.

– Через полтора цикла у меня будет готов сценарий исторической пьесы. – Халим вздохнул то ли устало, то ли раздраженно. – Полтора цикла... А до тех пор меня не трогай. *Джи-а?*

– *Джи*, Халим-сам. Спасибо тебе.

За дверью зазвучали шаги. Каждая клеточка моего тела кричала: беги или придумай объяснение, что ты здесь делаешь, и ничего не бойся. Я не сделал ни того ни другого. Мозг вновь сосредоточился на пламени, и в голове неожиданно прояснилось.

Тихо отбежав к противоположной стене коридора, я опустился на корточки и прикрыл глаза в полной уверенности, что моих шагов не слышали. Привычная поза, привычный транс. В ожидании Маграба я времени не терял: попытался сложить материю разума.

Наконец дверь открылась, и я невольно напрягся, однако мигом взял себя в руки.

– Ого, это что еще за явление? – Судя по тону Маграба, удивился он не слишком, скорее мое присутствие его позабавило.

Я открыл глаза, сохраняя полнейшую невозмутимость:

– Ждал, когда ты выйдешь. Ты ведь говорил – после занятий с Витумом у нас будет урок. Сам учил меня быть терпеливым.

– Ари, если ты подслушивал, то прошу: избавь меня от глупого вранья. До настоящего лицедея тебе еще далеко. В любом случае плетущему театральное искусство вряд ли пригодится.

Я обиженно нахмурился.

– Так-то лучше. Уж точно честнее. – Двинувшись по коридору, Маграб поманил меня за собой: – Пойдем.

Вскочив на ноги, я последовал за ним:

– Ты не злишься? Халиму не расскажешь?

– О чем? Я ничего не слышал и не видел. Выйдя из комнаты, обнаружил моего единственного ученика, терпеливо ожидающего меня в коридоре. Слишком умного мальчика, что явно не принесет ему пользы, и все же не настолько умного, как ему кажется.

Я гневно засопел, однако отвечать не стал, понимая, что лишь дам Маграбу доказательство своей несдержанности. Пусть видит – я усвоил его уроки.

Глядя в спину учителя, я не сомневался, что тот улыбается, и позволил себе раздраженную гримасу.

Вернувшись в зрительный зал, мы поднялись по ступенькам и уселись прямо на сцену.

– Как долго тебе удастся удерживать грани восприятия, Ари?

– Если их больше двадцати? Ты об этом?

Маграб промолчал, только пристально на меня посмотрел, и я сделал глубокий вдох, взвешивая ответ.

– Половину дня, даже больше. Если удерживаю меньше двадцати граней, то и весь день – когда никто не беспокоит.

– Не шутишь? – вскинул брови учитель. – Не ожидал, что ты будешь продвигаться столь быстро. Меньше двадцати – это сколько?

– Ну, восемнадцать.

Я сделал себе мысленную пометку: на будущее и вправду надо вести подсчеты. Восемнадцать граней я держал совершенно спокойно, и все же бывали вечера, когда в животе словно свивался клубок змей и хотелось немедленно опорожнить желудок. Порой от умственных усилий шла кровь носом или появлялись странные головные боли за левой глазницей. Наверное, кольни в висок иголкой – и то не было бы так больно.

С лица Маграба не сходило удивленное выражение:

– Я ведь просил избавить меня от вранья...

– А кто врет? – не моргнув глазом ответил я.

Учитель поджал губы и задумался:

– Хм... Восемнадцать граней? Образы живые или неподвижные?

– Неподвижные. Живой огонь на восемнадцати гранях я удержать не смогу, а вот камни или что-нибудь несложное – вполне.

Маграб кивнул, словно соглашаясь со своими мыслями.

– Все дело в глубине понимания и недостатке веры, Ари. Тут есть один секрет – впрочем, плетущим он хорошо известен. Особой разницы в прилагаемых усилиях нет – так только кажется. Действенность многих плетений на самом деле зависит от веры, от того, насколько легко или трудно данной веры достигнуть.

– Атир... – вставил я, и учитель улыбнулся:

– Именно. Об этом прекрасно знали самые первые мастера плетения, даже те, кто отказался от истинного понимания истории сущностей. Даже Ашура.

Ашура? У меня тут же возник вопрос. Я крепился изо всех сил, даже прикусил язык, и все же выпалил:

– Так Ашура были плетущими? Они смогли применить учение Брама?

Маграб замолчал. Вздохнул, прикрыв рот рукой. Похоже, тема не самая простая, и обсуждать ее учитель не рвался.

– Сложный вопрос, Ари. Он и привел меня к Халиму. Хозяин театра ведь знает огромное количество старых историй нашего мира, хотя и предпочитает ставить на сцене проверенные временем популярные пьесы. Халим – артист и в то же время деловой человек. Он несет ответственность за свою труппу, а значит – нужно зарабатывать деньги, то есть как-то заманивать зрителя в театр. История Ашура вызовет в публике неуверенность, беспокойство и страх. Даже самый храбрый человек испытает желание возжечь кусочек священного *хоха* при одном лишь упоминании об этой легенде.

Что-то в его словах меня встревожило. *Хох* – священный дуб? Впрочем, уточнять я не стал.

– Вообще, ты прав, Ари. Ашура владеют десятью формулами плетения, которые должен знать каждый.

– Ну, хорошо, хоть кто-то знает. – В моем голосе прозвучало недовольство, и Маграб это немедленно заметил.

– О-хо-хо... *Аррей-аррей*, ты считаешь, что тоже готов овладеть десятью формулами, а? Ты еще и для одной не созрел! Почему, кстати, не рассказал, что усердно занимаешься тайком от меня? Оказывается, ты освоил работу с гранями и способен на такие чудеса, что неподвластны ни одному плетущему, если не вдаваться в совсем уж седую историю!

Я бросил на учителя сердитый взгляд, сознавая: меня дразнят.

– Во всяком случае, я готов хотя бы выслушать твой рассказ об этих формулах. Почему нет?

Маграб наверняка оценит изящный ответ вопросом на вопрос. В конце концов, я ведь не настаивал, что изучу десять формул, зато теперь он просто обязан объяснить, какого уровня мастерства я достиг.

– Успешная учеба и подлинное мастерство – разные вещи, Ари. Мастером ты станешь не сегодня и не завтра. Что же до десяти формул – практически никто из поступающих в Ашрам не имеет о них полного представления.

Слова Маграба камнем легли на сердце. Практически никто?.. Но... ведь Ашрам – школа, которая как раз и занимается обучением такому знанию.

Похоже, Маграб уловил мои сомнения и указал на один из перевитых цветных шнуров на своем плече. Потом провел пальцем по желтому:

– Знаешь, что означает этот шнур?

– Как раз хотел спросить, – покачал головой я.

– Почему же не спросил? Если чего-то не знаешь – задавай вопросы. Куда полезнее, чем думать да гадать.

– Ладно. Что он означает?

– Перед тобой так называемый узел плетущего.

– Какой же это узел? Скорее уж косичка.

Я жестом показал разницу, и Маграб прищурился:

– Ну, так мы называли данный символ в Ашраме. Это старая и уважаемая всеми традиция. Жаль, среди нас не нашлось умного парнишки, который объяснил бы на пальцах разницу.

Я смущенно примолк.

– Каждое из сложных плетений обозначается соответствующей... косичкой. – Маграб бросил на меня суровый взгляд. – Ее вручают тому, кто освоил формулу в достаточной степени.

В достаточной степени? Хм, а я-то думал, что узел – признак подлинного мастерства.

– Тот, кто вправе называть себя плетущим, должен продемонстрировать свое умение применительно к сложным плетениям. За исключением Мастера плетений Ашрама, ни один выпускник школы не освоил все парные формулы.

Я удивленно заморгал:

– Значит, ты в достаточной мере владеешь всего-то тремя формулами?

– Всего-то? – скривился Маграб. – А сколько плетений подвластно тебе, Ари?

– Откуда мне знать... Великий риши Маграб не показал ни одного, иначе я мог бы сказать точнее.

Я одарил учителя такой искренней улыбкой, что ей поверили бы не только Ситры, но и великий Брам. Впрочем, Маграб знал меня как облупленного.

– Ари... – Он положил руку мне на плечо и сжал его пальцами. – В магии спешка неуместна. Я стар. Очень стар. И владею тремя формулами. Для того чтобы уметь быстро бегать, надо сначала научиться ходить.

С Маграбом я был знаком не первый день, потому и понял по его тону, что разговор он собирается закончить, и быстренько переключился на более безопасную тему:

– Как думаешь, удастся мне попасть в Ашрам?

Он еще сильнее сжал пальцы на плече:

– Если честно – да. Поэтому и занимаюсь с тобой так усердно. Умение сворачивать ткань разума и Атир – основа всему, а основами пренебрегать не следует. Я возлагаю на тебя большие надежды. Я в тебя верю.

Всего четыре слова, зато какие важные! Вера – сама по себе магия. Это спасательный круг, который мы бросаем людям, чтобы они обрели силу. Вера – дар. Пользуясь им, одаряемый способен возжечь в себе огонь. Вера убивает на корню любой страх, любое сомнение. Сохраняя

веру, человек преодолеет любое препятствие, сделает все что угодно. Вера – спасительный маяк, он не даст сбиться с курса.

И Маграб заставил меня поверить в себя.

– Наверное, сегодня еще поработаю над гранями. – Я говорил серьезно, и покорность судьбе тут была ни при чем. Урок усвоен. Надо совершенствовать азы.

Маграб снял руку с моего плеча, уселся, скрестив ноги, и положил сомкнутые в замок пальцы на щиколотки.

– Намерение отличное, однако настало время заняться Атир. В этом вопросе тебе следует достигнуть полного понимания.

Сознавая, что спорить не стоит, я кивнул.

– Итак, ты научился удерживать в сознании неподвижные камни и неугомонный огонь. Это и есть их истинное состояние. Если угодно – их история. А теперь я хочу, чтобы ты опроверг сущность камня. Хочу, чтобы ты запечатлел в сознании камень, движущийся и танцующий подобно огню. Хочу, чтобы ты свернул ткань разума и удержал созданный тобою образ столько раз, сколько сумеешь. Если считаешь, что способен удержать восемнадцать граней, докажи. – Он многозначительно улыбнулся.

Я задумался. Очевидно, времени потребуется куда больше, чем на картинку подвижного огня. Удержать восемнадцать отпечатков танцующего пламени возможно, хотя и непросто. А вот что касается образа, который в реальном мире не встречается... Сколько ни тренируйся – все равно подобный опыт выглядит сомнительным, и это еще мягко сказано.

– Ты просишь меня заставить камень двигаться... – неуверенно пробормотал я.

Маграб кивнул.

– Но ведь в природе они всегда неподвижны.

Разум усиленно искал поводы для отсрочки. Вероятность конфуза была велика. Однако и дрогнуть после таких выдающихся успехов нельзя. А вдруг цель очередного урока – заставить меня свалиться с пьедестала, на который я, по мнению Маграба, забрался незаслуженно?

– Вот и заставь природу изменить самое себя. – Хищно усмехнувшись, Маграб нагнулся ко мне. – Сотвори невозможное. Пусть камень оживет на гранях твоего восприятия.

Я открыл рот, готовясь запротестовать, только учитель словно не видел моего смущения.

– Атир станет основанием той горы, что ты возводишь, – фундаментом не менее прочным, чем сталь из Эразмуса. Не позволяй толчкам страха неудачи сотрясти его. Пусть твоя вера будет тверда и непреложна! – Маграб наверняка видел мою неуверенность. – Корни Атир уходят глубоко, словно у водяного дерева, что растет в самой бесплодной, безжизненной местности, пытающейся выжать из него все соки. А дерево стоит, упорствует в желании жить и полагается лишь на себя. Великое, уверенное в себе дерево, которое невозможно сломить. Вот какой должна быть твоя вера! Так соверши невозможное, Ари! Или сдавайся – пусть жизнь проходит мимо. Что выберешь?

Выбор был несложным.

Я наконец решился и в итоге провел целый день сидя рядом с учителем. Мое тело и ум познали новые страдания: в голове словно копошились тысячи невидимых тварей. Камни стояли перед глазами, камни придавливали меня к полу своей невыносимой тяжестью. Похоже, если нечаянно провалюсь в сон – буду спать неделю.

Не зря Маграб сомневался в моей способности одновременно удерживать в уме восемнадцать граней, запечатлевших живой образ.

В конце концов я осилил десять, и учитель взглянул на меня осторожно и уважительно. Все-таки я нашел Атир, и танцующие камни покорились.

Я талантлив и умен!

Я доказал, что готов к магии плетения.

Готов совершить великие подвиги и сразиться с легендарными злодеями вроде Ашура.

Как же я ошибался...

17

Испытание воли

Изогнутое лезвие меча коснулось моего плеча. Не сказать, что удар был силен, однако боль в этом месте потом терзала меня еще несколько дней. Сделав неуловимое движение бедрами, я взмахнул в ответ деревянным клинком. Два меча скрестились в воздухе. Сила выпада Витума заставила мое оружие отклониться к самому лицу, однако фехтовальщик тут же ослабил давление, опустил руку и церемонно кивнул:

– Ты стал быстрее, Ари-ча.

От удовольствия я расплылся в улыбке, и несколько жгучих капель пота стекло в глаза. Жаркое полуденное солнце самочувствия не улучшало. Поморщившись, я поблагодарил Витума:

– *Дунья!*

Говорил я на древнем брамти, выражая уважение к наставнику. Наверняка Витум будет доволен.

– Дай глазам подышать, Ари-ча, и все пройдет.

Вроде бы совет фехтовальщика противоречил здравому смыслу, однако он не ошибся: теплый воздух мигом высушил стоявшую в глазах едкую влагу. Я несколько раз моргнул, и ощущение жжения прошло. В легких пекло – может, огня там и не зародилось, но дыма точно хватало – в груди у меня все пересохло. Тем не менее я через силу сделал несколько вдохов, искренне рассчитывая, что на сегодня испытания кончились.

Витум молниеносным движением вытянул вперед руку, и мое тело мгновенно ответило.

Я отпрянул назад, сделав серию плавных движений, которым обучил меня наставник. Ноги сами собой приняли боевую стойку, а рука с мечом описала длинную дугу. Недостаток ловкости мне заменяли энергия и сила юности. Мой выпад оказался успешным: удар был отбит, хоть я и потерял равновесие. За ошибку придется заплатить...

Однако Витум отскочил назад и в новую атаку не пошел, лишь радостно улыбнулся:

– Отлично! Маленький Ари-ча устал, и все же его тело само принимает решения.

Примерно такой же похвалы я мог бы удостоиться от Маграба. Весь смысл моих занятий и заключался в том, чтобы подсознание использовало усвоенные навыки.

Палящие лучи солнца превратили крышу театра в раскаленную печь, и каменная кровля нестерпимо жгла босые ноги, даже мозоли почти не защищали.

Выдохнув, я бросил меч и вытер пот со лба.

– Почему мы занимаемся наверху, Витум? Почему не внизу, ведь там прохладнее?

Наверное, ему тоже приходилось несладко, хотя виду он не подавал. Пожал плечами, и его эластичные мышцы задвигались под освещенной солнечными лучами кожей.

– Твоему телу это полезно. Ты станешь сильнее и сможешь сражаться дольше.

Его слова звучали разумно. Конечно, умения бойца мне вряд ли потребуются; убивать я никого не планирую, однако выносливость позволит проводить долгие часы на сцене. Чем тяжелее придется сейчас, тем больше удовольствия в итоге получит мой зритель. Наверняка Халим оценит подобные усилия.

Тем не менее я не собирался превращаться в уголек ради будущих выгод.

Смиловитившись, Витум объявил о завершении тренировки и бросил мне давно просохшую тряпку.

– Спасибо за урок, – вздохнул я, вытерев потное лицо.

Наставник сделал ритуальный «поклон воина», ни на секунду не выпуская меня из вида. Я поклонился в ответ.

– Похоже, ты выжал все соки из бедного мальчика, – заметил Маграб, чья голова появилась из ведущего на крышу люка.

Витум, согнувшись в еще более глубоком поклоне, приветствовал моего учителя, молча миновал его и исчез внизу.

– Риши...

Торжественными приветствиями я обмениваться не стал. Единственное, чего мне хотелось после тренировки, – найти прохладное местечко и поспать хотя бы пару часиков.

– Похоже, ты здорово вымотался, Ари.

– Точно. Боюсь, сегодня с плетениями ничего не выйдет, риши. Я едва держусь на ногах, а на подошвы взглянуть страшно.

– Отлично, – холодно усмехнулся Маграб. – Самое подходящее время для нового урока. Я изумленно округлил глаза.

– Думаешь, хоть кому-то есть дело до твоей усталости? Думаешь, в Ашраме от тебя отстанут, увидев, что ты от утомления лыка не вяжешь и на ногах не стоишь?

Маграб знал точный ответ на свой вопрос. Я – нет, потому ограничился лишь свирепым взглядом. Должно быть, в глаза учителю светило солнце – он и не обратил внимания на мою раздраженную гримасу. Не думаю, что причиной его невозмутимости стало мое жалкое состояние.

Он встал напротив меня, и наши тени соприкоснулись головами.

– Итак, мой маленький будущий мастер плетения, сегодня мы научимся противостоять воле противника.

Решив, что ослышался, я покачал головой:

– Прости, что ты сказал?

– Ари, если ты не слышишь человека, стоящего в двух шагах, лицедея из тебя точно не получится.

Стиснув зубы, я одарил Маграба еще одним испепеляющим взглядом, однако тот небрежно отмахнулся:

– Побереги душевные силы до следующего занятия. Повторяю: сегодня ты узнаешь, как сопротивляться враждебным плетениям.

– Но я ведь и собственные создавать пока не умею. Как же мне распускать чужие?

– Одно с другим не связано, – воздел вверх палец Маграб. – Потому мы до сих пор и занимались лишь укреплением твоего разума. Сила зарождается здесь, – постучал он себя по виску. – И здесь же угасает.

– Основа основ... – пробормотал я. – Если просто вообразить...

– Именно! – хлопнул в ладоши Маграб. – Если ты многократно отразишь неудачу плетущего на гранях восприятия, ты его остановишь, и чужое плетение распадется. Разумеется, легче сказать, чем сделать, ведь тебе следует понять цель противника. Умеешь ли ты читать мысли, Ари?

Вопросик коварный. Вот только в чем подвох? Пусть будет самый простой ответ – наверняка он выведет Маграба из себя.

– Конечно, – твердо заявил я, и учитель предсказуемо нахмурился.

– Что ж, посмотрим. Давай-ка скажи, о чем я сейчас думаю?

– О том, что я – умный маленький засранец и за мою заносчивость мне придется пахать до изнеможения.

Маграб растерянно моргнул и тут же взял себя в руки:

– Ну, это не самая впечатляющая догадка – ведь мы оба знаем, что ты – умный маленький засранец.

Я с трудом подавил улыбку.

– Прекрати зубоскалить, а то заставишь меня набить тебе рот навозом, ведь иначе ты не замолчишь. Ты должен угадать, с каким плетением придется иметь дело, понять задумку твоего противника, сообразить, что за парные элементы тот собирается использовать. Понятно?

– Понятно...

Если Витум не успел меня добить, то Маграб точно завершит начатое. Сложно представить, какое умственное усилие потребуется, чтобы предсказать заранее, в чем будет заключаться атака противника, да еще и придумать способ ее отражения.

Занятие будет нелегким...

Я вздохнул и собрался с силами:

– С чего начнем?

Маграб задумчиво покачался на каблуках.

– Хм... Создам плетение, а ты попробуешь меня остановить.

Говорил учитель бесстрастно, однако я догадался, что он едва сдерживает смех.

– Только и всего?

– Этого мало? В конце концов, сколько танцующих камней наш маленький хвостун удержал в сознании?

На приманку я не поддался. Маграб со мной играет? Что ж, попробую его перехитрить. Хочу я стать лицедеем или нет? Если да – войду в ту роль, в которой учитель меня видит.

– Почему нет? – Я беспечно повел плечами. – Ничего сложного. Мне ведь уже удавались трюки, которые не снились ни тебе, ни тем плетущим, что обучались в Ашраме.

Реакция Маграба оправдала мои ожидания – его брови взлетели вверх:

– Ах, даже так?

Я улыбнулся и отряхнул штаны, прикидываясь, что изнываю от безделья.

– Именно так.

– Ари, высокомерие до добра не доведет.

Я промолчал, а Маграб устало ссутулился и вздохнул:

– Очень хорошо. Староват твой учитель играть в подобные игры. На самом деле я собирался рассказать тебе, какое плетение хочу создать и как именно. Тебе пришлось бы просто сопротивляться тем образам, что я отражаю на гранях своего восприятия.

Теоретически – и правда несложно. А вот на практике... Судя по тому, что я уже усвоил, недостаточно лишь владеть мастерством сворачивания материи разума. Надо не только знать, какие образы создает Маграб, но и догадаться, как он их видит. Ведь воображение у каждого человека работает по-своему...

Учитель порылся в бесчисленных складках своей хламиды и достал один из хорошо знакомых мне камней.

– Я подброшу голыш над твоей головой, затем свяжу его плетением с макушкой твоего твердолобого черепа. Если не сумеешь меня остановить, он попадет точно в цель и мы услышим характерный треск. Вот только бьюсь об заклад: треснет не твоя черепушка, а сам камень.

– Это не самые ясные условия, Маграб.

Учитель махнул рукой, словно отгоняя назойливого комара:

– Что ж, попробуй, удивь меня. А говорил – ничего сложного...

Я прикусил язык и соорудил бесстрастную мину:

– Отлично. Больше ничего сказать не желаешь? Ведь бросок можно представить себе совершенно по-разному. Разве я могу увидеть твои грани? Я ведь даже не знаю, сколько раз ты свернешь материю разума.

– Представлю, как камень врезается в твой кочан, и, надеюсь, точным попаданием мне удастся немного расшевелить твой мозг к следующему уроку.

Я стиснул зубы так, что заныли челюсти, вызвал образ горящей свечи, и охватившее меня напряжение слегка спало. Все сомнения, гнев и замешательство я скормил огню.

– Наверное, я слишком глубоко копаю. Тут ведь большого ума не надо. Ты бросаешь камень, потом он падает. Вряд ли здесь нужны особые формулы.

Маграб возмущенно заерзал:

– Если нужно кого-то разозлить – тебе нет равных, Ари.

– Раз так, значит, мне в этом случае напрягать волю совершенно ни к чему.

Теперь мой голос был ровным и бесцветным, словно каменная кровля нашего театра. Маграб пожевал губами и, ничего не ответив, подбросил камень.

Выдержка меня покинула. За долю секунды я попытался постигнуть плетение, которое Маграб создал между камнем и моей головой.

Бац!

Центр черепа словно пронзило молнией, и боль огненным разрядом отдалась во лбу. На секунду я потерял способность мыслить, лишь корчил гримасы и тер ушибленное место.

Маграб снова хлопнул в ладоши:

– Надо же! Камень-то не раскололся! Должно быть, твоя голова не настолько твердолобая.

Я испытал ужасное искушение подобрать камень и запустить его в учителя. Даже представил себе, как попадаю ему точно в нос и тот сворачивается набок. Просто хорошенько целишься – и все.

Похоже, Маграб прочитал мои мысли и погрозил мне пальцем:

– О-хо-хо, Ари... Плетущий не должен поддаваться гневу. Тебе следует быть холодным и безмятежным, как море во время штиля. Никаких волн, никаких приливов. Никакой ярости.

Не глядя на Маграба, я проглотил вертевшиися на языке слова, поднял голыш и кинул в его сторону.

Учитель по-кошачьи лениво вытянул руку и выловил его из воздуха.

– Еще разок! – Не успел я собраться с мыслями, как камень вновь взлетел в воздух.

– Но я не...

Бац!

Глаза заволокла алая пелена, затем в голове снова вспыхнула белая молния, и зрение прояснилось. Удар был силен – наверное, на темени вырастет хорошая шишка. Я машинально ощупал макушку, и на верхнее веко упала теплая капля.

– Черт, черт! Маграб, что ты делаешь, во имя всего святого!

Я схватил камень и со всей силы швырнул его в учителя. Бросок был отличный – голыш полетел точно в зубы мерзкого фокусника. Надеюсь, он извлечет хороший урок.

Цели камень не достиг, остановившись на расстоянии ладони от лица Маграба, затем упал и покатился по крыше.

Я вытаращился на учителя, а тот с притворным вздохом достал из складок хламиды второй голыш.

– Не вижу в тебе безмятежности, Ари. – Он несколько раз подбросил камень на открытой ладони. – Этак ты обязательно попадешь в беду в Ашраме.

Он связал камень плетением прямо в воздухе. Знал, что я его брошу, понимал, куда буду целиться.

Поразивший меня трюк говорил о многом. Маграб не распускал мое плетение – его ведь не было. Просто заранее угадал, что я совершу бросок, – этого было достаточно. Ему оставалось лишь мысленно связать камень с определенной точкой на крыше.

Значит, он не шутил. Но как можно остановить плетением стремительно летящий предмет? Гадать толку нет. Придется спросить.

– Как ты это сделал?

– Никак, наше юное дарование в замешательстве? – ухмыльнулся учитель.

– Маграб!

Он задумчиво поджал губы, постучал по ним пальцем, правда, ничего не ответил.

По сравнению с тем пеклом, что жгло меня изнутри, крыша казалась едва ли не прохладной. Маграб прав: чем больше я злюсь, тем больше теряю связь с гранями восприятия, а значит – не могу противостоять противнику. Я вновь представил себе огонек на свече и скормил ему снедавшую меня ярость. Ко мне вернулось спокойствие, и я кивнул – больше себе, чем Маграбу:

– Это... Атам? – Пожалуй, не в самую точку, и все же мне казалось, что к ответу я близок.

Маграб дернул уголком рта. Постороннему человеку его гримаса не сказала бы ни о чем, однако я провел месяц, тренируясь в создании граней восприятия и пытаюсь считывать сигналы тела на занятиях с Витумом. Похоже, хитрец учитель удовлетворен. Стало быть, я близок к истине.

– Да, к Атам это имеет прямое отношение, как и к сложной взаимосвязи граней восприятия и формул плетения. Однако ты смотришь на случившееся слишком упрощенно. Я не создавал плетение внутри своего Атам, для того чтобы связать камень с крышей, но полагался на способность внешнего кокона определять, когда и где это сделать. Со временем инстинкты плетущего подстраиваются к ощущениям, которые транслирует внешняя оболочка, чем мы сейчас с тобой и занимаемся. Смотри! – Он бросил камень мне в лицо, и я, невольно вскинув руки, выловил камень у самого носа. Маграб самодовольно скрестил руки на груди: – Вот тебе и принцип общепринятого понимания Атам. К сожалению, он далек от истины, да ты теперь и сам видишь, верно?

Кивнув, я швырнул голыш обратно, и Маграб поймал его, не сводя с меня взгляда:

– Я ведь делал почти то же, что и ты. Разница в том, что я сосредоточил свое внимание и образ, созданный на гранях восприятия, на том месте, куда, по моему мнению, должен был прилететь камень. Руки мне не требовались.

– А вдруг ты ошибся бы в своих расчетах?

В глазах Маграба сверкнул веселый огонек:

– Тогда мне было бы больно. – Он зажал голыш двумя пальцами. – Готов?

Я не слишком понимал, к чему готовиться, однако мотнул головой, и Маграб вновь запустил в меня камень.

Я его поймал и кинул обратно, даже не успев сообразить, что делаю.

– Ой, извини.

– Вот это я и пытаюсь до тебя донести. Твое тело уже научилось реагировать быстрее, чем мозг. Теперь нам нужно, чтобы ты научился делать то же самое умственным усилием. Ты видишь, как я действую, и можешь остановить камень рукой. Сейчас снова подкину его вверх. Пока камень летит, постарайся считать мое плетение и образы с граней разума.

Он бросил голыш в воздух.

Бац!

Я поморщился и снова отдал камень Маграбу.

Бац!

Бац! Еще одна шишка...

Бац! Камень скользнул по волосам и упал на крышу. Голове досталось, но, к счастью, уже не так, как прежде.

При очередном броске я сделал шаг в сторону, и камень миновал мою маковку. Поймав его у бедра, я снова извинился и отбросил учителю для новой попытки.

Мне пришла в голову неприятная мысль: а вдруг жестокий урок рассчитан на то, что я, набив кучу шишек, избавлюсь от кое-каких не слишком устраивающих Маграба привычек? Вот и вся магия...

Пепел Брама... Если камень угодит мне в голову еще раз, я отмечу Маграба так, что тот забудет и о плетениях, и об Атам! Я выдохнул и сжал кулаки, пытаюсь подавить гнев. Думай, Ари, думай...

Учитель сумел остановить мой бросок плетением. Значит, ткань разума он свернул загодя. Ни один человек в мире не способен мыслить столь быстро, чтобы в последний миг выполнить целый ряд замысловатых умственных манипуляций. Так что ум Маграба уже пребывал в измененном состоянии, и ему оставалось лишь нажать последнюю кнопку, когда камень вторгся в его Атам.

Выходит, камень угодил в заранее подготовленное плетение.

В мозгу у меня словно прозвучал гонг. Теперь я знал, как отразить следующий бросок. Во всяком случае, надеялся, что знаю.

Каждым ударом камня по макушке Маграб невольно приоткрывал мне смысл необходимого решения. Голыш он связывал с одним и тем же местом на моей голове. Единственной причиной нескольких шишек в других частях черепа были мои почти незаметные глазу перемещения. Выходит, вообще не нужно останавливать Маграба, достаточно лишь представить себе траекторию полета камня.

Ничего сложного.

– Я готов.

Совершив глубокий вздох перед очередным броском, я свернул ткань разума. Закрывать глаза страшновато, однако так удастся лучше подготовиться. Я запечатлел на двух гранях восприятия один-единственный образ: камень падает за моей спиной.

Создал две грани, потом четыре, потом восемь, и на каждой из них камень предстал в движении. Теперь голова болела не только снаружи, но и внутри. Несмотря ни на что, я удерживал созданный образ, одновременно пытаюсь избавиться от неприятных ощущений.

Сложил ткань разума еще раз.

Если я не ошибался, то совершенного мною умственного усилия окажется достаточно. Камень достигнет самой высокой точки, а когда станет падать, начнется сражение между нашими гранями разума, которое и определит его дальнейшую траекторию.

На голову мне словно водрузили каменную пирамиду; она запросто могла сокрушить мою решимость, смять грани восприятия, а с ними и меня. Из глаз покатались слезы, зубы заскрежетали; один сломался. В легких зародился вопль, и я взмолился, чтобы он не вырвался наружу.

Под ногами словно рассыпали горячее битое стекло; я затоптался на обжигающем ноги покрытии, удерживая грани.

Бац! Давление в мозгу вдруг ослабло, и я обрушился на крышу, как марионетка с перерезанными нитями. Раскаленная поверхность опалила щеку, однако по сравнению с гудящей и ноющей головой это были сущие мелочи.

Надо мной повисла тень Маграба, спасая меня от жгучих солнечных лучей. По моему лицу струились слезы, обожженная кожа горела, а я не сводил глаз от валяющегося поодаль камня. В голову он все-таки не попал.

– Отличная работа, Ари!

18

Так и Рох

Прыгающие камни и танцующие языки огня на несколько последующих недель полностью поработили мой разум, не отпуская даже во сне. С Витумом я тренировался до тех пор, пока не начал выполнять основные движения на уровне рефлексов. Закончив курс фехтования, продолжил упражнения с гранями восприятия.

Все мое существо словно разобрали на части и собрали вновь, сложив из них нечто новое. Я представить не мог, насколько вырасту умственно и физически. Но изменения не перевернули мою личность с ног на голову; произошли почти незаметные сдвиги в мышлении, в понимании сути вещей и во владении собственным телом.

Занятия с Витумом позволили обрести ловкость и подсознательное чувство равновесия. До того я был чем-то вроде дергающейся на ниточках марионетки или напуганной уличной кошки, а теперь меня переполняла внутренняя уверенность.

Упражнения Маграба заставили обращать внимание на такие вещи, которым я раньше не придавал ни малейшего значения. Сосредоточившись на жизни огня, запоминая его движения, я понял, сколь многие явления окружающего мира упускал из вида.

Каждую незаметную трещинку железного корпуса печи в моем трюме я теперь видел так же ясно, как пропасть между скалами. Странно, что не замечал их все эти годы.

По моему телу – куда более мускулистому и поджарому, чем до тренировок с Витумом, – бежали ручейки пота. Я скинул одежду, готовясь к сегодняшнему занятию: не хватало еще окончательно ее угробить.

Вокруг меня пылало огненное кольцо, а я сидел точно в его центре, пытаюсь отогнать подступающий жар. В глубине души сознавал: стоит только потерпеть, пока выгорит масло, – и огонь стихнет, однако подобный путь Маграб не считал бы победой. Все равно найдет еще более изощренный и мучительный способ продолжить испытание.

Интересно, что думают прогуливающиеся по улицам Кешума люди? Зрелище хоть куда: с крыши старого здания в небо бьют яростные оранжевые всполохи.

– Ты не сосредоточен, – заметил Маграб, кинув в меня маленький камушек.

Даже не шелохнувшись, я еще глубже погрузился в те образы, что требовал от меня учитель. Языки пламени поднялись выше, лизнув мое тело.

– Удерживай его на месте, Ари.

Я подчинился и уставился на огонь, представив, что его завитки застыли у груди; Маграб медленно повел рукой сверху вниз. Простое движение – а пламя на глазах начало чахнуть.

Я сопротивлялся как мог, пытаюсь сохранить его силу.

– Так... – Учитель опустил руку еще ниже. – Рох...

Он совсем сбил меня с толку. Вроде бы раньше для подобного плетения Маграб эти формулы не применял. Моя воля на мгновение ослабла, и языки огня стали вдвое ниже.

Приложив отчаянное усилие, я воспротивился плетению учителя, удерживая в уме огненный круг таким же яростным, как еще секунду назад.

Две воли сшиблись, словно встречные волны, и каждая старалась подчинить себе другую. Невидимая сила сотрясла разум, грозя уложить меня на лопатки. Сжав зубы, я вонзил ногти в ладони, сохраняя кольцо пламени на гранях разума.

Огонь в воображении горел ровно, и его танцующие языки достигали моей груди.

То ли меня вводили в заблуждение отсветы костра, то ли на крыше и вправду было жарко, однако по лбу Маграба вроде бы потекли крупные капли пота.

Или... или воля учителя столкнулась с неодолимой преградой, которую поставил на ее пути подросток.

Мне хотелось верить в последнее.

Тень Маграба на миг качнулась, затем начала расти, угрожая поглотить мою, и снова вернулась на место. Похоже, меня начала одолевать усталость – появились видения, – да еще и солнце, поднимавшееся за спиной, нестерпимо жгло затылок.

Пот с меня тек рекой, и я боролся за каждый вдох, пытаясь заставить легкие втягивать воздух. Где-то за глазами бешено пульсировало, словно в голове поселилось второе сердце.

Вряд ли я смог бы долго противиться воле Маграба. Разумеется, количество граней восприятия, которое я был способен создать, приводило его в восхищение, однако сравниться с ним в длительности их удержания мне не позволял опыт. Состязание на выносливость – не то же самое, что борьба с плетением, заставляющим булыжник упасть тебе на голову.

Мы изо всех сил давили на разум друг друга, навязывая свою веру, свое видение огненного кольца. В итоге наша борьба заставила пламя замереть где-то посередине между высотой, которой добивался я, и уровнем, что пытался задать Маграб.

Я вспомнил его слова: все в мире имеет свою историю и в каждой из них кроется истина конкретной сущности. Огонь – живое существо, обладающее собственной волей.

Не могу сказать, что я тогда постиг историю огня – это было бы явным преувеличением. Однако кое-что узнать мне удалось, и знание осталось со мной навсегда.

Цель пламени не в том, чтобы гореть и разрушать. Огонь хочет жить и борется с миром за свое существование, за каждую искорку. Он и рождается в борьбе – от трения, от удара сталью о камень. Согревая наши сердца и освещая наши жилища, огонь желает жить вечно и в то же время поглощает ту пищу, что его поддерживает. Тем не менее он старается расти и захватывать жизненное пространство. Его неистовую страсть к жизни невозможно умерить.

В каждом из нас есть огонь, просто называют его по-другому, да и формы он принимает разные.

Заново осознав непреложную истину, я ослабил хватку и позволил огню гореть так, как он считает нужным.

Поняв, что я делаю, Маграб тревожно распахнул глаза. Его плетение сражалось с моей волей, но само по себе огонь не подавляло. Теоретически образ, что он удерживал на гранях разума, должен был полностью погасить пылающее кольцо или хотя бы уменьшить его высоту до жалких нескольких дюймов.

А теперь, когда противодействие исчезло, учителю пришлось приноравливаться не к моей воображаемой картинке, а к реальной силе пламени.

Совладать со столь быстрым и неожиданным изменением ему оказалось не под силу.

Огонь вспыхнул, затем почти погас и наконец с ревом взметнулся вверх, воспользовавшись заминкой потрясенного Маграба. Наступила тишина, в которой весело, словно и не было никакой битвы умов, потрескивал наш костер.

Учитель долго смотрел на меня. Очень долго.

– О чем ты думал? – Говорил он бесстрастно, и я не сразу нашелся с ответом. – Ну, Ари?

– О том, что, отпустив образ с граней разума, заставлю тебя перестраиваться на ходу и бороться с волей огня, – пробормотал я.

Маграб зашевелил губами, однако за треском костра не было слышно ни слова. Наконец огонь погас, и учитель заговорил:

– Это безрассудный поступок, Ари. Глупый, опасный, ребяческий... – Каждое его слово падало мне на голову, будто камень. – Тот, кто резко схлопывает грани посреди плетения, рискует потерять разум. Если до подобного исхода и не дойдет – все равно плетущему придется столкнуться с новым поведением сущности, например – огня. Не будь я опытным мастером –

пропустил бы такой удар, о котором ты и понятия не имеешь. Слава богу, что ты не создавал плетение, а лишь сопротивлялся моей воле, иначе получил бы жуткой силы отдачу.

Его откровенность потрясала.

– Маграб, я не знал. Мне так жаль...

Он в сердцах хлопнул по каменной крыше:

– Недостаточно просто сожалеть, Ари. – Он вздохнул, подперев голову кулаком. – Вот почему я до сих пор не обучал тебя плетениям. Ты еще не готов.

Я открыл рот, готовясь запротестовать, однако Маграб, собравшись с силами, поднялся, и надо мной на миг зловеще нависла его огромная тень. Не сказав больше ни слова, он прошел к люку и нырнул вниз.

Я сидел, уставившись на черное кольцо, оставшееся от догоревшего масла. В голове у меня до сих пор звучали суровые слова Маграба, однако я слышал и кое-что другое: «*Так... Рох...*»

Две формулы, которые сегодня произнес учитель. Мои мысли бешено закружили, подобно подхваченным ветром сухим листьям.

Плетение Маграба было нацелено на сжатие огня – сверху вниз, – и две формулы логически совпадали с его действиями. Вероятно, их же он использовал, когда угрожал обрушить на Коли крышу театра.

Я повторял магические заклинания снова и снова, пытаюсь сохранить их в памяти навечно.

Наконец меня совсем припекло. Пора спускаться... После того что я натворил, с Маграбом пока лучше не сталкиваться. Ладно. Как-нибудь найду чем себя занять, а там, глядишь, все утрясется.

Пробравшись вниз, я окунулся в благословенную прохладу театра. Несколько лицедеев, облаченных в невероятную смесь сценической и обычной одежды, слонялись по сцене. Каури плавно кружилась в танце. Ее руки порхали в воздухе, словно кого-то подзывая, однако воображаемый персонаж, похоже, от нее убегал.

Махам, свесив ноги, сидел на выдающемся в зал выступе и, шевеля губами, читал текст на свитке пергамента.

Что ж, все понятно. Наша труппа усердно репетировала – видимо, Коли все же вложил в театр свои грязные деньги. Теперь ему требуется отдача. Неважно, в какой форме, однако провал ему точно не нужен, так что больше никаких сырых представлений. Только идеальное исполнение.

Стоящий в партере Халим, завидев меня, махнул рукой, и я поспешил к нему. Подойдя ближе, замедлил шаг и почтительно склонил голову:

– *Джи?*

– Я тебя искал. Витум говорит, ты освоил технику сценического движения, а?

Я почесал затылок, стараясь не расцвести в благодарной улыбке:

– Да... наверное.

– Хорошо, хорошо, – пробормотал Халим себе под нос. – А как продвигаются занятия с Маграбом? Он только что проскочил мимо меня, точно ему задницу скипидаром намазали. Никак, поцапались? – Он окинул меня многозначительным взглядом, словно знал ответ.

– Да вроде... – вздохнул я, отведя глаза.

– Хм... – Халим хлопнул меня по плечу и дружески встряхнул. – Дай ему остыть. Время играет с нами забавные шутки: в нашем возрасте гнев вспыхивает по сущим мелочам, а потом так же быстро проходит. Знаешь, как порыв ветра. Ничего, он скоро успокоится. Кстати, я хотел бы побеседовать с тобой о пьесе.

По моему телу пробежала волна возбуждения, однако я постарался держать себя в руках. Похоже, Халим мои усилия заметил и широко улыбнулся. Под глазами у него собрались смешливые морщинки.

– Ах, о чем я говорю – ведь Витум наверняка тебе кое-что рассказал?

Я кивнул.

– Не хочу, чтобы ты задирает нос, но знаю: работаешь ты усердно. И ты нам нужен. – Он остановил на мне взгляд. – Деньги Коли дает под проценты. Их придется возвращать, поэтому я собираюсь сделать такую постановку, которую Абхар запомнит надолго. Стало быть, свистать всех наверх!

Я снова неуверенно кивнул. К чему он клонит? Витум говорил, что играть придется бандитов и головорезов, и все же мне хотелось получить пояснения от Халима.

– Речь не об эпизодической роли, иначе зачем с тобой столько возиться? Я ведь не дурак, Ари. Да, ты молод, но однажды все мои лицедеи состарятся и уже не смогут петь и махать мечом. У них начнут скрипеть суставы, их будет одолевает кашель... Понимаешь?

Понимать я понимал, однако поверить в свою удачу не мог. Видимо, Халим предложит мне куда более значительную роль, чем я думал. Роль, на которую я надеялся.

– Слышал о Сахане?

– О Сахане? Э-э-э...

Юный разбойник был одним из моих любимых персонажей. Принц, сбежавший из постылого дворца в поисках приключений и решивший заработать славу своим умом. Судя по легендам, Сахан ходил по морям, изучал фехтование, сражался со сверхъестественными силами, играя со смертью, а однажды угодил в реальность Шаен.

– Ты ставишь пьесу о Сахане? Хочешь сказать, что я сыграю главного героя? – Я задрожал от восторга.

– *Аррей-аррей*. – Халим обнял меня за плечи. – Кровь Брама, мальчик! Да тебя трясет сильнее, чем Махама, когда тот блюет, напившись испорченного пива. Да, Ари. Данная пьеса – часть истории Ашура. Сахан, Атвун, Девятеро – все они будут связаны общим сюжетом. – На секунду задумавшись, он поскреб подбородок. – Впрочем, похоже, до конца я его не распутал, хотя именно мне случилось потянуть эту ниточку за хвостик. Не знаю, где она заканчивается, и порой натыкаюсь на узлы, которые приходится развязывать. Ну, так или иначе, ты слишком молод, чтобы играть Атвуна, а вот маленького принца-пирата... – Он улыбнулся. – Полагаю, с этой ролью ты справишься, а?

Я кивнул, едва не вывихнув шею:

– *Джи!*

Халим разомкнул руки:

– Вот и молодец. Считай, у тебя выходной. Сценической работы не будет. – Он слегка улыбнулся и ласково дернул меня за мочку уха. – Сегодня можно пошалить. Только не на сцене, Ари. Мне очень хочется, чтобы до премьеры у тебя с Махамом установилось перемирие, иначе я выпорю вас так, что оба научитесь думать о деле, – серьезно добавил Халим и отвесил мне легкий подзатыльник.

Предупреждение я воспринял без лишних споров и, вспомнив о своем наставнике, бросил взгляд в коридор в дальнем конце зала:

– Не знаешь, куда пошел Маграб?

Халим шумно выдохнул и слегка поник:

– Наверное, роется в моей библиотеке. Когда у нас нет возможности обсуждать одну интересную историю, твой учитель предпочитает заниматься раскопками. Сбегай посмотри, только не забудь о нашем разговоре. Пусть гнев старика утихнет. Не подливай масла в костер.

Он похлопал меня по спине, и я побежал в кабинет, на ходу крикнув «спасибо». Дверь была чуть приоткрыта, и я просунул в щель голову. Из темного угла доносилось раздражен-

ное бормотание. Ну да, насчет настроения Маграба Халим не соврал. Я тихонько постучал по косяку костяшками пальцев:

– Можно войти, риши?

– Ого, с чего это я вдруг удостоился почетного титула?

– Ты ведь мой наставник, Маграб, – вздохнул я, пытаюсь сохранить улыбку.

Учитель промолчал.

Я засопел, понимая, что сейчас лучше поступиться гордостью и попросить прощения. Вроде бы ничего сложного, однако подростковый апломб и дерзость никто не отменял.

Чем я отличался от обычного мальчишки? Добавь к этому месяц упражнений с гранями восприятия да занятий по фехтованию... Словом, я считал, что оснований для уверенности в себе у меня хоть отбавляй.

Однако настоящий лицедей должен чувствовать публику, так что я наступил своей песне на горло и смиренно вошел в кабинет.

Маграб и не подумал оторваться от книжки. Сидел, лениво листая страницы и просматривая текст, лишь слегка изменил позу – иначе и не скажешь, что он ощутил в комнате чье-то присутствие. С шуршанием сухой бумаги перевернулся еще один лист, заскрипела потертая кожаная обложка.

Тяжело сглотнув, я заговорил:

– Маграб... Риши...

Многие сыплют извинениями, нимало не смущаясь, однако, чем быстрее они выскакивают, тем хуже их принимают. Тут все дело в искренности, а вовсе не в словах. Все это само собой, вот только во мне зрел внутренний раздрай.

Конечно, на крыше я поступил неправильно, но за моими действиями не стояло ничего, кроме любознательности. Жутко хотелось больше понять о плетениях! Маграб и сам поощрял подобное стремление к знанию. В любом случае я отдавал себе отчет, что час назад повел себя не так, как от меня ожидали.

Вновь зашелестела бумага. Маграб молчал, уставившись в книгу.

– Риши, прости меня!

Он убрал палец со строчки, но глаз не поднял. Чего же еще хочет учитель, ведь я извинился? Наверное, надо объяснить, за что именно.

Я набрал полную грудь воздуха, пытаюсь не нервничать:

– Прошу прощения за то, что хотел схитрить в нашем поединке. Знаю, что поступил безрассудно. – Учитель наконец взглянул мне в глаза, хоть и не удостоил ответом. – Мне не следовало думать, что я умнее тебя...

– Уфф. Ну, начало хорошее, продолжай.

подавив желание повысить голос, я пробормотал:

– Мне не следовало экспериментировать, просто я вспомнил, что ты рассказывал об истории огня. Решил, что немного понимаю его природу, вот и захотелось проверить догадку. Конечно, надо было попросить тебя прерваться и рассказать о своей теории. Забыл об осторожности... Обо всем забыл, не сделал ничего, что полагается в таких случаях... Прости меня, риши.

Захлопнув книгу, Маграб положил ее на темную дубовую столешницу и оперся подбородком о сплетенные в замок пальцы:

– Похоже, теперь моя очередь извиниться за то, что разозлился, за излишнюю суровость?

Внезапно обретенная мудрость заставила меня смиренно промолчать. Впрочем, врать не буду – раскаяние Маграба мне здорово польстило бы. Другое дело, что скорее небо упадет на землю...

– Ари, я гневался не зря. Может, и был с тобой грубоват, однако правда на моей стороне. Плетение – не игрушка, не фокус для смысленных детишек, а инструмент изменения

ткани мироздания, который позволяет нам идти по проложенной богами дороге. Стихии – это отдельный разговор. Легкомысленно в них вмешиваться не следует, тем более зная лишь малую часть их истории.

Еще раз извиниться? Нет, пока Маграб сердится, толку от этого не будет. Склонив голову, я устался в пол, словно меня вдруг заинтересовали каменные плиты.

Учитель тяжело вздохнул и откинулся на спинку кресла:

– Ари, мальчик, меня беспокоит не столько твое поведение, сколько твоя безопасность. Я могу справиться с отдачей от прерванного плетения. Ты – нет.

– Что ты говоришь? Ведь я не пытался связать огонь!

– Все не совсем так. Ты ведь держал его образ на гранях восприятия, верно?

Я молча ждал продолжения.

– Так вот, в тот момент ты был одним из звеньев цепи. Мы оба воздействовали на огонь – каждый по-своему. Не восстанови я контроль, ты, резко схлопнув грани, получил бы жестокий удар. Наши волевые импульсы боролись друг с другом, огонь стоял между нами, и ты был частью плетения. Плетущий, пытаясь подавить волю противника, всегда рискует, и ни один из соперников не находится в безопасности. Внезапно остановить процесс – все равно что перерезать веревку воздушного змея и ждать, что он по-прежнему будет послушно реять над твоей головой.

Я облизал губы, только теперь осознав, что наделал.

Выходит, мои грани восприятия – не просто инструмент, помогающий лепить нужную реальность, не просто воля, навязываемая мирозданию. Они же – мой щит, удерживающий образ сущности, на которую я желаю повлиять, и не позволяющий ей нанести ответный удар. Грани – резец, молот и в то же время – защитник, не дающий мне стукнуть по собственному пальцу.

Пламени свойственно пожирать свою пищу, и для меня оно никакого исключения не сделало бы. Не восстанови Маграб контроль над происходящим, бушующий огненный вал обрушился бы на мое сознание. Я не представлял, какой урон мог нанести мне подобный удар, и все же был благодарен наставнику за то, что он предотвратил катастрофу. В тот миг я поклялся, что никогда больше не проявлю столь легкомысленного отношения ни к граням, ни к плетениям. Во всяком случае, пока не стану опытным мастером.

– Маграб, я понял. Понял. Я...

Он медленно поднялся, взял книгу и направился к встроенным в каменную стену полкам. Множество фолиантов и разрозненных документов свидетельствовали: у Халима нет ни времени, ни желания наводить порядок в этом хозяйстве. Маграб поставил книгу на место и подровнял несколько соседних томов.

– Вот в чем кроется трудность, Ари. Ты всегда понимаешь, но порой это лишь иллюзия. На самом деле – не всегда. Ты пока не созрел, и, возможно, именно по моей вине.

Стены комнаты словно раздвинулись, доказывая, насколько я еще мал. На столе Халима горели две свечи; мне захотелось принять их образы в свое сознание и обо всем забыть.

– Ари! – Голос Маграба донесся будто из другой комнаты.

Крошечные язычки пламени тихо танцевали, и я, свернув материю разума, начал тонуть. Представил себе подпрыгивающие и мерцающие огоньки бесчисленное количество раз. Вспомнил наш урок на крыше, слова и движения Маграба, когда тот пытался укротить костер, и моя рука пошла вверх, словно ее потянули за ниточку.

– Ари?

Я не обратил на оклик ни малейшего внимания.

– Так...

Сильная рука, вцепившись в мое запястье, сдвинула меня с места и выдернула из подступающего транса.

По спине прокатилась ледяная волна и осела где-то в затылке. Резкий переход меня ошеломили.

– Что ты делал? О чем думал? Что за слово ты произнес, Ари?

Я все еще никак не мог прийти в себя.

Маграб снова встряхнул меня так, что моя голова закачалась, словно у куклы.

– Ари!

Наконец в глазах прояснилось, и я, не отдавая себе отчета, заговорил:

– Что такое «так» и «рох», риши?

О смысле этих слов я догадывался, и все же хотелось услышать объяснение.

Маграб отпустил мою руку, медленно вернулся к книжным полкам и прислонился к стене.

– Опасался, что ты услышишь и запомнишь. – Он в очередной раз устало вздохнул. Выглядел учитель внезапно постаревшим: морщины углубились и вроде бы даже седины в волосах прибавилось. Нет, наверное, игра света... – Слух у тебя хороший, Ари. – Вряд ли Маграб пытался сделать мне комплимент. – А сам как думаешь, что это за слова, маленький умник? – спросил он, скрестив руки на груди.

Похоже, учителю хотелось, чтобы я в ответ промолчал или хотя бы ошибся.

– Это формула. Два элемента плетения, которым ты воздействовал на мои грани восприятия. Пытался умерить огонь.

Маграб прикрыл лицо ладонью:

– Я должен был предвидеть... – Он шумно выдохнул сквозь растопыренные пальцы. – Да, Ари. В точку. Это две части плетения, два его полюса. И все же они едины.

Отняв руку от лица, он переместился в центр кабинета.

– Смотри внимательно. – Маграб поднял указательный палец к потолку. – *Так* – в данном случае «верх». *Рох* – «низ», – добавил он, ткнув пальцем в пол. – Это и есть первая формула, которая устанавливает взаимосвязи мироздания, Ари. Не сомневаюсь – твой резвый умишко немедленно начнет обдумывать открывающиеся возможности, и прошу тебя остановиться. Недостаточно знать формулу на слух, недостаточно знать, что она умеет делать. Следует всегда помнить об основе основ – о вере и о гранях восприятия.

Он говорил, тяжело роняя слова, и я мог ответить лишь одно:

– Буду помнить, риши. Обещаю.

– Я устал, – вяло махнул рукой учитель. – Ты пробудил в моей памяти заповеди и страхи древних мудрецов. Оставь меня наедине с книгами, иначе начну нести беспросветную чушь. На несколько дней занятия отменяются. Мне нужно подумать.

– Да, риши.

Спорить я не стал и, быстро выскользнув из комнаты, осторожно прикрыл дверь. До ночи достаточно времени – успею воспользоваться советом Халима. Он ведь предлагал пошалить? Отлично, ведь я только что узнал волнующую и ужасную тайну.

Первая формула...

Да, первая из десяти, но не первая из тех, которую я использую, что бы там ни утверждали легенды.

Я еще пойму, как страшно далек был тогда от первого настоящего плетения, хоть и надеялся на обратное. Увы... До сих пор гадаю, что могло измениться в моем прошлом, если через несколько дней после этого разговора я сумел бы правильно применить первую формулу.

19

Пауза. Удобная кровать и компания прекрасной дамы

Я ощутил щекой легкое быстрое касание и, повернувшись, увидел, как Элойн убирает пальчик. Вопросительно вскинул бровь.

– Что-то ты ушел в себя, – сказала она, помахав рукой перед моим лицом.

– Я же говорил – история трагическая.

Элойн мягко привалилась к моему боку:

– Хм... Ты слишком строг к себе. Переживаешь ошибки молодости так, словно они случились вчера.

– Я тогда был даже не юношей, а мальчишкой.

Отстранившись, Элойн искоса глянула мне в глаза:

– Какая разница? Юноши – они ведь тоже мальчишки, в том-то и трудность. – Она отвернулась и, поджав губы, задрала голову вверх. – С годами они становятся выше и сильнее, и все же, по-моему, здесь и здесь, – она положила ладонь мне на голову, а затем на грудь, – ничего не меняется.

Поспорить можно, однако в ее словах был резон. В чем же еще крылась причина тех поступков, за которые я уплатил столь дорогую цену? Впрочем, пока что не за все...

Я постучал посохом об пол, рассчитывая задать успокаивающий мечущиеся мысли равномерный ритм. Увы...

Видимо, Элойн интуитивно ощутила ненадолго охватившую меня тревогу и положила ладошку мне на плечо. Слегка толкнула, обращая на себя внимание:

– Ты напряжен, все время куда-то пропадаешь. Ты...

– Ничего подобного. – Я повел плечом, сбрасывая ее руку. – Просто немного задумался. Думать – значит погружаться в свои мысли. Кстати, можешь попробовать.

Вышло неожиданно грубо, и я тут же поплатился.

– Ах вот как? – сердито прищурилась Элойн. – По-моему, это ты, сказитель, не знаешь, что такое думать. Ты настолько увлечен собой, своими несчастьями и глубокими мыслями, что не видишь дальше кончика собственного носа.

Понятно. Бросает приманку, хочет позлить.

Однако я попался на крючок. Что ж, на истинную мудрость никогда и не претендовал.

– Чего я не вижу? Чего не заметил? Мне-то как раз сдается, что это ты не...

Она дважды быстро щелкнула меня по носу:

– Вот так вот...

Я заморгал, и моя голова вдруг опустела. Поискал подходящие слова и не смог выдавить из себя ни одного.

Тот, кому никогда не приходилось получать щелчок по носу от красивой женщины в момент – нет, не истерики, но уж точно серьезного волнения, – должен меня послушать.

Мой гнев мигом выветрился, словно воду из ведра выплеснули. Вместе с ней вытекли и дурные мысли. Я застыл на месте, размышляя о нелепости случившегося, а ведь только что готов был обрушиться на свою гостью.

Элойн прикусила губу, но уголки ее рта слегка подрагивали. Нет-нет, она вовсе не переживала, наоборот – еле сдерживала улыбку, понимая, насколько она неуместна. А вот глаза не спрячешь. Глаза ее лучились озорством. Еще секунда – и певица, не совладав с собой, захихикала.

– Что это ты себе позволяешь? По-твоему, я бездомный котенок?

Элойн расхохоталась в голос.

– Ну, у котенка здравого смысла куда больше! – захлебываясь от смеха, выдавила она. – Любая женщина скажет – коты умнее мужчин!

Я грозно нахмурился.

– Ой, перестань! Сейчас опять погрузишься в глубокие мысли.

Сдержав готовый вырваться сердитый взглас, я покорно замолчал. Какой смысл браниться?

Элойн пихнула меня в грудь, но на этот раз гораздо сильнее. Хм... Хочет, чтобы я лег на спину?

Я подчинился. За долгие годы мне довелось узнать несколько важных истин. Одна из них: если сногшибательная красотка желает уложить тебя в койку – не сопротивляйся.

– Ты хочешь разделить со мной постель?

Пришлось сделать над собой усилие, чтобы голос не дрожал так явно. Элойн оперлась на локоть и долго молча смотрела мне в глаза.

– Лечь в одну кровать с мужчиной – не то же самое, что затащить его к себе в койку. Надеюсь, ты тоже видишь разницу!

– Разумеется, – кивнул я, и она улыбнулась:

– Вот и прекрасно. Надеюсь, удастся сбросить тяжелый груз с твоих плеч и сорвать суровую маску с твоего лица. Устройся удобнее – так тебе будет проще приступить к продолжению истории.

– Прямо в кровати?

– Да, и к тому же в моей компании.

– Хм... Не стану утверждать, что разочарован, – улыбнулся я.

Элойн придвинулась ближе; ее волосы легли мне на плечо, а теплое дыхание согрело мою щеку. От нее все еще исходил легкий аромат можжевельника и сандалового дерева.

Я втянул запах красавицы и расслабился, однако посох из руки не выпустил. Не хватало поджечь простыню. Ни в одном заведении не обрадуются пожару, а если его еще устроил постоялец...

Элойн тоже забеспокоилась и указала на пламенеющий кончик посоха:

– Будь осторожен. Я знаю множество случаев, когда великие планы шли прахом из-за неаккуратного обращения с подобными предметами.

– Это шутка? – прищурился я.

Она изобразила настолько невинную улыбку, что мне мигом представилась кошка, вознамерившаяся стащить кусок мяса с тарелки хозяина.

– Неужто ты боишься малюсенького огонька?

Мне в голову вдруг пришла дурацкая мысль. Хихикнув точно сумасшедший, я чуть наклонил посох, продолжая держать его на расстоянии вытянутой руки.

Элойн отпрянула и все же с кровати не спрыгнула. Сообразив, что я не собираюсь поджечь постель, ткнула меня локотком.

– Ох! – Я потер бок. – Сама будь осторожнее! Еще раз – и я в самом деле потеряю контроль над огнем. А люди, к сожалению, тоже горят.

– Ну, если тебе достаточно пары легких тычков, чтобы ослабить внимание... Не разочаровывай меня.

Я залился краской от шеи до лба. Ладно, сплещем на теплые волны, исходящие от моего маленького факела, и неверное освещение.

Разумеется, Элойн заметила мой густой румянец, и в глазах у нее вспыхнул дьявольский огонек. Надо быстренько сказать что-нибудь умное. Не успел... Певица вдруг стерла с лица улыбку и медленно провела двумя пальцами по посоху, словно стараясь впитать в себя его суть. Лукавый взгляд стал задумчивым.

– А ведь легенды говорят, что ты... Это все правда?

О чем она?

– Тебя называют неопалимым, говорят, ты не горишь в огне.

Я кивнул, облизав губы:

– Верно. Только к этой части истории мы еще не подошли. Если позволишь продолжить – скоро все услышишь.

Элойн отдернула руку от посоха.

– Конечно, позволю. – Запустив пальцы мне в волосы, она отодвинула их ото лба и слегка привела в порядок шевелюру.

– Вот и отлично, а то мой рассказ немного затянулся.

Честно говоря, надеялся, что до этой главы мы не дойдем, однако чему быть – того не миновать. Да, меня называли неопалимым. Увы, данное свойство я приобрел далеко не в юном возрасте. Был совсем мальчишкой, когда наступила одна из самых темных ночей в моей жизни, и защита от огня стала бы для меня в ту ночь благословенным даром. Как я в нем нуждался...

– Итак, однажды ночью я понял, что некоторые легенды о древних чудовищах – далеко не сказки.

20

Пожар

Я качнулся на месте, пытаюсь сохранить равновесие. Пришлось обуздать желание немедленно прыгнуть вперед и сбить противника с ног.

Витум взмахнул кривым ятаганом с затупленным лезвием, и отразившееся от него солнце бросило мне в глаза яркий блик. Фехтовальщик теснил меня, продвигаясь вперед мелкими шажками:

– Стоим ровно, Ари-ча. Ровно!

Сражались мы на шатком деревянном помосте, опиравшемся на две кирпичные стойки. Наставник полагал, что упражнение позволит мне обрести чувство равновесия. На самом деле ничего, кроме голода и безжалостной жары, я не ощущал.

Со лба стекал пот, и глаза покалывало жгучими иголочками. Впрочем, Витума мои неудобства не волновали. Он оттеснил меня к самому краю помоста – вот-вот грохнусь вниз, если не пойду в контратаку.

Острие ятагана устремилось мне прямо в висок. Поранить не поранит, если не прикладывать силу. Разумеется, Витум осторожен, и все же болезненной шишки избежать не удастся. Я знал, что бывает после таких ударов – меня точно вытошнит остатками вчерашнего ужина.

Если попытаюсь парировать выпад, наверняка сверетенюсь с помоста. Не было у меня ни хорошей опоры, ни умения, ни массы, чтобы противостоять атаке, так что я решил действовать, исходя из своих скромных возможностей. Присел на корточки, и ятаган, зацепив прядь моих волос, в цель не попал. Витум взмахнул руками, чтобы не свалиться вниз, и у меня появился шанс.

Прыгнув вперед, я врезался ему в живот своим невеликим весом. Места было маловато – за счет инерции движения особой силы для удара не наберешь, поэтому при столкновении с Витумом пришлось бросить меч и обхватить торс противника обеими руками. Потом он меня отчитает, зато поединок завершится в мою пользу.

Перед глазами промелькнула размытая полоса; зрение на миг затуманилось, а голову пронзила тупая боль. Я пошатнулся, и Витум выскользнул из моих ослабевших объятий.

Он стоял, помахивая ятаганом, а я морщился от боли. Сморгнув слезы, заметил, что наставник многозначительно постукивает пальцем по рукоятке своего оружия. Ага, ясно. Вот почему трещит голова... Шишки избежать-таки не удастся.

Значит, Витум врезал мне по макушке рукоятью ятагана и получил возможность вырваться из захвата.

– Почему бросил меч, Ари-ча?

Я пробормотал нечто неразборчивое и потер ноющую голову.

– Что?

– Ну, я все равно не мог поразить тебя мечом, а на чертовом помосте долго не продержался бы. – Пытаясь обосновать свое заявление, я топнул по доске. Все сооружение зашаталось, и Витум придержал меня за плечо.

– Тебе нужно отдохнуть, Ари-ча. Сегодня ведь репетиция...

Он осторожно растер мою больную голову, и я вновь скривился.

– Все не так плохо. – Витум щелкнул языком. – Ка. Отдыхай.

Хлопнув меня по спине, он соскочил с помоста.

Удар по макушке был не настолько силен, и на ногах я держался. Запнулся о край доски, но мигом восстановил равновесие – упорные тренировки дали результат. И правда, надо передохнуть.

Спустившись в люк, я поспешил в свою берлогу под сценой.

* * *

Толстые каменные стены трюма принесли долгожданную прохладу. Я прислонился к стене у одной из стоек, поддерживающих мою кровать. Расслабившись и придя в себя, направился к бочке с водой. Неплохо бы ополоснуться.

Сверху раздался удар, однако я не обратил на него особого внимания. Должно быть, кто-то отбросил камень или еще какой-то хлам с дороги, на которую выходило окошко трюма. Или назойливая птичка стучит клювом.

Еще удар, уже сильнее.

От раздражения я едва не хлопнул по поверхности воды. Сдержался с трудом.

Удары наверху переросли в нечто вроде барабанной дробы, затем стихли, и я замер на месте, прислушиваясь, не повторится ли непонятный шум.

Снова стук.

Поняв, в чем дело, я удивленно распахнул глаза и вскарабкался на свою платформу. Опираясь на выемки в стене, добрался до окошка.

С той стороны на меня смотрела Ниша. Махнула рукой – *открывай!*

Я откинул защелку и сделал приглашающий жест. Девочка залезла внутрь, и мы вместе добрались до кровати. Не успел я присесть, как она бросилась на меня с объятиями:

– Скучала по тебе!

– А я – по тебе, – с чувством ответил я, обхватив ее за плечи. – Все гадал, когда зайдешь. Мне удалось разузнать кучу интересного. Считаю, что теперь перед тобой настоящий сказитель! Кстати, Халим сегодня вызвал меня на репетицию!

Разумеется, я слегка приврал. Занятия с Маграбом и Витумом отнимали почти все мое время, и перечитывать старые легенды было некогда. Не говоря уж о том, чтобы разыгрывать их в лицах.

Ниша отстранилась, и я разглядел засохшие на ее лице грязные потеки.

– Я приходила несколько раз, Ари, – устало улыбнулась она, – стучалась, стучалась, но никто так и не открыл.

Ах ты...

На душе у меня вдруг стало тяжело, однако в тот момент я не придавал этому особого значения.

– Прости, Ниша. Не знал. Я был...

Что «я был»? Был настолько занят, что не нашел времени встретиться с единственным другом, оказавшимся во власти жестокого головореза? Был занят изучением магии и тренировок, рассчитывая выйти на сцену? А Ниша тем временем воровала, просила милостыню, получала нагоняи от Коли... Возможно, тот ее даже бил.

М-да.

Что тут скажешь, кроме горькой правды. Просто я с головой погрузился в фантазии и плюнул на Нишу, вот и все. Мне стало жутко стыдно.

– Извини, – повторил я.

Порой нет ничего лучше самых простых ответов. Прощения мне не было.

– Все нормально, сегодня-то я тебя застала!

Ниша искренне заулыбалась, и на душе стало еще тяжелее. Стоило ей меня увидеть, и мои грехи были немедленно прощены.

Способность прощать – редкое качество, вдвойне необычное для подростка.

Ниша не желала слушать мои оправдания и ни на секунду не усомнилась в том, что дружба с ней для меня важнее всего. Мы сейчас вместе – а больше ей ничего и не требовалось.

– Спасибо, Ниша...

Не переставая улыбаться, она запустила руку в карман шорт и вытащила оттуда четвертинку манго. Огорченно опустив уголки губ, сунула фрукт мне в руку.

– Извини, он у меня в кармане с самого полудня, даже подкладка промокла. Надеюсь, еще не пропал. Знаю, как ты любишь манго!

Манго! Зажав фрукт в руке, я поймал взгляд Ниши, предвкушающей, как я запущу зубы в сочную мякоть. Меня остановило знакомое выражение в ее глазах. Она голодна...

Если спрошу, когда Ниша последний раз ела, разговор наверняка повернет на тему, о которой подруга говорить не любила. Она просто замкнется.

Тогда я решил подкрепить свои извинения добрым поступком.

– Знаешь, меня сегодня так хорошо покормили... – Я притворно поморщился, но, заметив ее огорченный взгляд, решил разломить манго на две части. – Давай пополам?

Она протянула руку и, коснувшись кожуры фрукта, покачала головой. Ее пальцы едва заметно задрожали. Не хочет принимать обратно свой подарок.

Я ласково втиснул манго ей в ладошку.

– Если переем такой вкуснятины, мне станет плохо. Все утро занимался с Витумом, так что меня просто выворачивает от усталости.

Осторожно стукнув своим куском сочного фрукта о ее половинку, я откусил кусочек.

Во рту разлилась невыразимая сладость, и я не торопясь принялся есть. Смаковал каждый кусочек, жадно высасывая сок.

– Спасибо тебе огромное! Фруктов не ел... уже не помню сколько!

Я отбросил кожуру и помог Нише избавиться от мусора.

– Знаю. Тебе вообще не слишком много здесь достается, Ари. Как и мне. Когда последний раз выбирался наружу? – махнула она рукой в сторону окна.

Ответ Ниша знала наверняка. Зачем спрашивать?

Однако я чувствовал, что ответить обязан, – ведь ей пришлось ждать встречи со мной почти месяц.

– С тех пор как Халим меня подобрал, из театра я ни ногой.

– Почему? – спросила Ниша, подтянув колени к груди и обхватив их руками.

Простой вопрос. А вот как объяснить? Убедительного ответа не было.

Она придвинулась ближе и легонько толкнула меня плечом:

– И все-таки почему, Ари? Ты столько лет провел в трюме и ни разу не попытался уйти...

Я растерянно обвел рукой свои владения:

– Халиму нужно, чтобы я управлял механизмами. Знаешь, звон, дым и так далее... У меня есть обязанности... – Я слышал себя словно издали. – Бывает, по вечерам смотрю спектакли с самой верхотуры. Учусь – Халим разрешает брать книжки из его кабинета и...

Ниша, приложив палец к моим губам, заставила меня прерваться:

– Ты ведь всегда можешь отлучиться в свободное время – и все же никогда этого не делаешь. Ты боишься!

Она была права. Прочитав множество приключенческих историй, пообщавшись с Витумом и Маграбом, я понял – истина всегда лежит на поверхности. Театр столь долго был моим домом, что больше для меня ничего не существовало. Так продолжалось, пока не появился Маграб, открывший мне новые горизонты знаний. Однако я по-прежнему холодел при мысли о том, что можно выйти на улицу.

Я был Оскверненным, так что от меня в городе шарахались бы: по сравнению с нами люди самого низкого положения из других каст – просто короли. Годы добровольного заточения несли еще одну опасность: улицу я не знал совершенно. И чем больше сидел в трюме, тем больше отдалялся от внешнего мира; во мне развился непреодолимый страх. А потом – что я буду делать за стенами театра? Куда пойду? Зачем мне вообще выходить?

Театр Халима располагался не в самом благополучном районе. Здесь процветала торговля шелками, кофе, сахаром и хлопком, и место для детей было небезопасным, что доказывала жизнь Ниши. К тому же как разобраться в переплетении улиц и переулков?

Я рассказал Нише о своих опасениях, рассчитывая, что она поймет. Может, и поняла, только по ней не скажешь.

– У тебя есть я, Ари. – Девочка взяла меня за руку, крепко ее пожала и сплела свои пальцы с моими. – Я о тебе позабочусь. Мне известны самые укромные уголки квартала. Знаю места, откуда можно наблюдать за облаками, людьми и даже за звездами – если задержаться там до темноты.

Мне страшно хотелось отказаться, солгать, что никак не смогу, – ведь сегодня тот самый день, когда я сделаю первый шаг навстречу мечте. Впрочем, следовало признать, что я себе бессовестно врал.

С тех пор как в моей жизни появился Маграб, у меня стали возникать совсем другие фантазии: я видел далекие горы и долины, думал о магии и чудесах, встречавшихся вдоль Золотого Пути, о новых странах. Я мечтал об утерянных формулах плетения, о позабытых преданиях. Как здорово было бы найти такое, а потом рассказывать в тавернах по всему миру! Я вполне мог бы выступать в одиночку, без всякой труппы. Но как подготовиться к подобной жизни, если никогда не покидаешь убежища?

Сердце бешено застучало, и я, вздохнув, согласился:

– Заманчиво... – Благодарно сжав ее руку, продолжил: – Только вернуться я должен до *кундула*, до того, как догорит седьмая свеча. Ясно? Я свободен почти весь день, но с вечера до полуночи будет репетиция. И мне нужно предупредить Халима.

– Предупредить? О чем, интересно? – Внезапно возникший в трюме Халим постучал по шаткой стойке моей платформы. – О том, что ты собираешься улизнуть на большую часть дня и поиграть в беспризорника? О том, что ты хочешь пренебречь своими обязанностями? А может, о том, что ты намерен...

– Он имеет право! – Отпустив мою руку, Ниша вскочила с кровати и, задрожав от гнева, сжала кулаки. – Ты прекрасно знаешь – Ари вкалывает здесь побольше некоторых! Мало того, что он управляет этими машинами, так еще и учиться успевает!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.